

ИСТОРИЯ HISTORY

Курбанов М. А.
M. A. Kurbanov

РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RUSSIA AND THE MIDDLE EAST: HISTORY AND MODERNITY

Курбанов Мурад Адилгераевич – исследователь; востоковед-африканист (Россия, Дагестан, Махачкала). E-mail: orientex@bk.ru.

Mr. Murad A. Kurbanov – researcher; orientalist-historian (Russia, Dagestan, Makhachkala). E-mail: orientex@bk.ru.

Аннотация. В статье освещаются различные аспекты взаимоотношений России и стран Ближнего Востока, анализируется роль внешне- и внутривосточных факторов. В работе уделено место политическим и экономическим контактам и степени внешнеполитического влияния бывшего Советского Союза и России на систему отношений на Ближнем Востоке, анализируются некоторые вопросы современного Арабского Востока. После распада СССР Москва значительно утратила интерес к арабскому миру. Сегодня по мере стремительного возрастания общемировой геополитической значимости Ближнего Востока там открываются и принципиально новые экономические возможности.

Summary. The article highlights various aspects of relations between Russia and the countries of the Middle East and analyzes the role of external and internal political factors. The work focuses on political and economic contacts and the degree of foreign policy influence of the former Soviet Union and Russia on the system of relations in the Middle East, investigates some issues of the modern Arab East. After the collapse of the USSR, Moscow significantly lost interest in the Arab world. Today, with the rapid growth of the global geopolitical significance of the Middle East, fundamentally new economic opportunities are opening up there.

Ключевые слова: Россия, США, Ближний Восток, нефть, политика.

Key words: Russia, the USA, the Middle East, oil, politics.

УДК 32.327.9

В системе современных международных отношений мусульманский мир играет всё более заметную роль, что обусловлено рядом факторов экономического, политического, социального и религиозного характера. Ближний Восток является регионом, который всегда вызывал к себе повышенный интерес и пристальное внимание великих держав – на этой большой, густонаселённой и богатой природными ресурсами территории сосредоточено много «болевых точек», имеющих отношение к глобальным проблемам человечества. На Ближнем и Среднем Востоке сосредоточено около 2/3 достоверных нефтяных запасов. Нефтедобывающие арабские монархии всегда являлись ареной острой конкуренции не только между нефтяными монополиями, но и между различными государствами в их борьбе за политическое влияние, экономические выгоды, стратегические базы.

Россия всегда имела свою, отличную от остальных стран Европы, позицию относительно ближневосточного региона, но одно было неизменно – и СССР, и новую Россию отличал большой интерес и неравнодушие к ситуации на Ближнем Востоке.

Следует отметить, что Советский Союз оказывал освободившимся от колониализма странам всестороннюю помощь в строительстве, обеспечении безопасности, подготовке национальных кадров. В ходе строительства и эксплуатации новых предприятий именно советские специалисты подготовили сотни тысяч квалифицированных рабочих и техников различных национальностей.

В 1960 году в Москве был открыт Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, в котором осуществлялась подготовка будущих специалистов по всем отраслям науки и техники, в котором бесплатно обучались студенты из 84 стран Азии, Африки и Латинской Америки и получали стипендии за счёт Советского государства. Впоследствии (по возвращении домой) они могли бы

стать реальными проводниками политики той страны, в которой они, собственно, и учились при условии дальнейшей опеки и содействия их карьерному росту на их родине, иначе говоря, стать агентами влияния.

Биполярный мир и блоковое разделение мира на НАТО и Организацию Варшавского договора, начавшееся после Второй мировой войны, существовали в том числе в Азии и Африке в том плане, что становление СССР и Штатов как сверхдержав началось с соперничества в Европе, но именно в «Третьем мире» они поистине стали мировыми лидерами, определяющими планетарный ход развития. Обе сверхдержавы начали активно «заблокировать» регион своими военно-политико-экономическими союзами, больше в этом, конечно, преуспели Штаты, а СССР действовал по принципу «если не к нам, то хотя бы не к ним», поддерживая внеблоковые региональные союзы и всяческие движения неприсоединения.

В дальнейшем именно не прямое вмешательство обеих стран в многочисленные региональные конфликты, при котором страны оказывались включёнными в орбиту влияния той или иной страны, и послужило основой для формирования новой системы миропорядка, а само соперничество постепенно приобрело характер «холодной войны» и идеология, как всегда, являлась лишь ширмой, прикрытием сугубо меркантильных интересов.

СССР и США – две державы, которые вышли из войны сильными (какая-то морально, а какая-то финансово), и создали тот миропорядок после Второй мировой войны, в котором из всех международных правил действовало лишь одно право: право сильного, которое отлично знакомо Ближнему Востоку.

СССР, Израиль...

Первой точкой соприкосновения и противостояния двух систем стал вопрос образования государства Израиль, который впоследствии станет основным истоком ближневосточного конфликта, продолжающегося с 1948 года – года образования государства.

Этот конфликт является основополагающим фактором в дестабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Он, по-моему, дал толчок активному вооружению региона и, естественно, тем оружием, которое поставлял соответствующий «патрон». У каждой страны региона имелся и имеется свой региональный враг, и в этом плане ближневосточный регион чрезвычайно прост для относительного контроля и управления, следуемого древнему принципу «разделяй и властвуй».

Союз Советских Социалистических Республик в лице товарища И. В. Сталина, ибо в вопросах внешней и внутренней политики Советского Союза того периода мнение Сталина было решающим, поддержал образование Израиля, надеясь, в первую очередь, заполучить в лице нового государства союзника в регионе. Однако уже в зародыше эта идея была неверной – на роль единственного союзника на всём Ближнем Востоке Израиль явно не тянул хотя бы вследствие своей малой территории и малочисленности населения по сравнению с арабскими странами.

Необходимо отметить тот факт, что Сталин в ближневосточной политике стремился в первую очередь ослабить влияние Великобритании в этом стратегически важном регионе и, по возможности, занять её место. Возможно, этим обстоятельством определялась поддержка борьбы евреев Палестины против Британского мандата за свою национальную независимость. Сразу после образования Израиля арабские армии Сирии, Ирака, Египта, Ливана и Иордании начали наступление. Началась первая арабо-израильская война. В этой войне именно Советский Союз оказал Израилю определяющую военную помощь. Великобритания, напротив, поставляла оружие зависимым от неё арабским странам.

Следует здесь отметить один важный финансовый момент, который, по-моему, сыграет в дальнейшем ключевую роль во внешнеполитической ориентации Израиля: это оружие не поставлялось безвозмездно – оно закупалось на деньги богатых американских сионистских организаций.

Однако строительство социализма евреями, большей частью эмигрантами из Восточной Европы вместе с СССР на деньги американских сионистов, естественно, не было осуществлено, и впоследствии пути СССР и Израиля разошлись диаметрально.

Поддерживая Израиль, Сталин не смог «вбить клин» и в отношении США с Великобританией, и в отношении между США и арабскими странами. Скорее наоборот, это оттолкнуло от СССР арабский мир. Арабские страны и их лидеры ясно понимали, что за Израилем стоял СССР и благодаря военной и дипломатической помощи, они проиграли войну. Это не прибавляло симпатий к Союзу. Затем наступило ожидаемое расставание и последующее охлаждение в отношениях между СССР и Израилем, когда последний сделал свой выбор не в пользу СССР. Начался «арабский» этап в ближневосточной политике Союза. Главная причина «расставания» только одна – финансовая, остальные являются производными от неё.

Соединённым Штатам приходилось считаться с тем, что они пока не располагали достаточными средствами и возможностями для осуществления самостоятельных (независимых) действий на всём ближневосточном регионе, особенно учитывая сохранявшиеся там позиции других капиталистических держав, прежде всего Англии и Франции, и Израиль при начинающейся «холодной войне», естественно, повернулся «лицом» к той стране, от которой шли столь необходимые деньги. К тому же, по большому счёту, против создания независимого государства Израиль Штаты никогда не были и не стоить забывать, что они тоже «обеспечили» за счёт своих сателлитов не меньше голосов во время решающего голосования на Генеральной Ассамблее ООН, чем Союз.

Как сближение с Израилем оттолкнуло от СССР арабские страны, так и расставание с оным столь же стремительно подтолкнуло к нему страны, правда только арабского социализма и национализма. СССР постепенно начал придавать большое значение развитию отношений с народами арабских стран. Отношения с этими странами были важной областью внешней политики Советского Союза.

Взаимоотношения с СССР формировались на основе постепенного экономического и военного сотрудничества. Позиция по отношению к странам социалистической ориентации трансформировалась под влиянием именно политики США и Англии.

После неудачной попытки закупки оружия у США, а также задержек в предоставлении со стороны Вашингтона экономической помощи ориентация на Запад начала изменяться в направлении укрепления сотрудничества со странами социалистического блока и в первую очередь с СССР. В борьбе арабских народов за самостоятельный путь развития и социально-экономические преобразования советская внешняя политика сыграла исключительно важную роль [5].

С этого периода и начинается звёздный, блистательный этап внешней политики СССР на Ближнем Востоке, который длился вплоть до нашего «Вьетнама» – начала афганской эпопеи. Противоречия между арабскими странами и ведущими капиталистическими странами привели к резкой конфронтации в их взаимоотношениях, что, в свою очередь, предопределило направление внешней политики в сторону упрочения связей с только что вставшими на путь социалистических преобразований странами.

Арабы и формации...

В сложившейся ситуации Египет и другие страны народной демократии начали строить арабский, а не *исламский* социализм вместе с СССР, который был в отличие от Штатов атеистическим. Религия в СССР была под запретом, и строительство исламского социализма в арабских странах Союз, естественно, не поддержал бы, а национально-освободительная борьба даже самых малых народов имела право на существование и активно поощрялась Союзом.

В СССР, как известно, Декретом от 23 января 1918 г. религия и церковь были отделены от государства. В Декрете провозглашалось, что каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Но на деле в СССР «работала» ключевая, вторая часть цитаты: «...не исповедовать никакой», а Штаты, наоборот, были и остаются католической страной, в которой каждый новоизбранный президент даёт клятву на Библии.

Остановимся на арабском мире. Обе страны – что атеистический Союз, что христианские Штаты начали строить отношения исходя из своих идеологических установок: Союз не мог создавать у своих союзников исламское общество и, естественно, продвигал более приемлемого для себя (в отличие от капитализма) и более компромиссного во всех отношениях для мусульманского населения (в отличие от коммунизма) идеи социализма, а Штаты, наоборот, вместо чуждого им

социализма и коммунизма продвигали капитализм, а в качестве идеологического сопровождения одного остался ислам. Религия – один из важных компонентов идеологической жизни современного мира, она не может не оказывать воздействия на систему современных международных отношений в отличие от идеологического фактора.

Так и появились условно разделённые на две группы Египет, Ирак, Сирия, Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) и др. с одной стороны и Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) и др. с другой. Страны были призваны стать своего рода «витриной» «успешного решения» экономических и социальных проблем в рамках социалистической или капиталистической системы прежде всего в результате сотрудничества с СССР или Штатами. Надо признаться, что «витрина» союзников США в экономическом плане выглядела и выглядит привлекательнее.

В странах арабского социализма ислам постепенно начал отодвигаться на задний план арабским национализмом, а во второй группе стран – неолиберализмом и имитацией демократии.

Иная картина начала складываться на Ближнем Востоке после обнаружения и начала добычи богатейших полезных ископаемых региона. Он (регион) начал приобретать важнейшее значение, в первую очередь экономическое. Обладая огромными нефтяными запасами, ближневосточные монархии вследствие своей экономической отсталости объективно были вынуждены обращаться к опыту, накопленному американскими и западноевропейскими компаниями в деле создания национальной нефтяной промышленности. И, следовательно, западный капитал, получив концессии, стал приобретать здесь доминирующее экономическое и подчас политическое влияние, а в случае возникновения разногласий с местными властями, обращаться за поддержкой к своим правительствам. Отсюда проистекала тесная связь коммерческой политики нефтяных компаний с внешнеполитическими доктринами западных стран.

В основе этих интересов лежат интересы экономические. Из развивающихся стран поступала почти львиная доля всего американского импорта. Наиболее существенна доля государств в импорте США первичных (сырьевых и продовольственных) продуктов, особенно минерального топлива.

Быстро растут прямые частные американские инвестиции в развивающихся странах, причём существенно меняется их структура. Транснациональные монополии США, позиции которых в добывающей и прежде всего нефтедобывающей промышленности этих стран оказались существенно ослабленными вследствие национализации, всё больше переносят туда часть производства, особенно трудоёмкого и «грязного» [7].

Не отставал от Штатов и Союз. К моменту распада СССР на арабские страны приходилось около 30 % объёма советского товарооборота со всеми государствами третьего мира и не менее 20 % объёма советского технико-экономического содействия последним. СССР превратился в одного из главных экспортёров оружия в арабский регион, которое шло в основном в Ирак, Сирию, Египет, Йемен, Алжир и Ливию. По некоторым данным, только за 1983–1990 гг. СССР поставил арабским странам оружие на сумму более 55 млрд долларов [6].

Интересно, какую реальную сумму получил СССР от продажи оружия и на какую сумму продал его в долг? Позднее Россия списала сумму этого долга, поняв, что шансы её вернуть невелики, а невелики они потому, что все «должники» Москвы, покинутые своим союзником, оказались лицом к лицу со своим «вчерашним» противником, обвинившим их во всех «смертных грехах» и ждавшим удобного случая, чтобы расправиться с ними, ибо сделать лидеров этих стран (Каддафи, Хусейн и др.) своими союзниками было невозможно, а силы возразить США не оказалось. Штаты поняли, что прошло время, в которое они вынуждены были неизменно оглядываться во всех своих действиях на позицию и возможности стран социализма, в первую очередь СССР.

Этот момент и сыграл роковую роль в судьбах многих лидеров, он оказался фатальным для врагов США, поскольку с ослаблением СССР и последующим его развалом, а также крушением системы «сдержек и противовесов» началось постепенное становление системы однополярного мира. Таким образом, СССР добровольно отказался от самого перспективного региона планеты в пользу Запада, который и занял место «друга» арабского мира.

Объективно выражаясь, Советскому правительству в те сложные годы было не до внешне-политических проблем. Но следует отметить неоспоримый факт начала при М. С. Горбачеве не только перестройки, но и смены внешнеполитической ориентации в сторону сближения США.

Руководство СССР, сближаясь с одной страной, неоправданно решило стремительно размежеваться со всеми бывшими своими союзниками, тем самым оставив их наедине со вчерашним противником. Судьба этих стран, по большому счёту, была предрешена уже тогда: кто-то ушёл раньше, кто-то – позже (Хусейн, Милошевич, Каддафи).

Сила притяжения...

Стоит признать некую силу вашингтонской ближневосточной политики, так как ей удалось удержать в сфере своего влияния такие, казалось бы, непримиримые страны, как Саудовская Аравия и Израиль; удалось, несмотря на протесты арабских стран, заключить Кемп-Девидский договор между Египтом и Израилем, когда, по существу, из этого противостояния выходила одна из самых крупных и организованных армий арабского мира, и, наконец, не очень «напрягла» арабских союзников неизменная, непоколебимая и безграничная поддержка Штатами Израиля в палестинском вопросе.

Вероятно, на них отрезвляюще действовало социально-экономическое положение союзников Москвы, которое значительно уступало им, но следует отметить один очень и очень важный момент: все своё благосостояние, которое они имели и имеют, было построено на нефти, но руками западных союзников, а союзники СССР в большинстве своём не имели нефти, за исключением Ливии и Ирака, и не будь у ближневосточных монархий нефти, не было бы и всего остального. Это важно понимать.

Эти страны (ближневосточные нефтемонархии) являются классическим примером государств, сидящих на «нефтяной игле». Но эта «игла» им, надо отметить, помогает, что и продемонстрировала «арабская весна», в итоге которой «посыпались» режимы, не обладавшие нефтяными запасами.

«Арабская весна»...

Все эти события («арабская весна») имели место и в монархиях персидского залива, но их масштаб, накал и численность протестующих не сопоставимы ни с Тунисом, ни с Йеменом, ни тем более с Египтом. Следует отметить, что и мировой финансовый кризис здесь также не имел глобальных последствий по сравнению с другими странами региона, что объясняется наличием значительных финансовых ресурсов. Несмотря на попытки совершения переворотов, режимы в этих странах уцелели. Монархии проводили грамотную внутреннюю политику, сохраняя внешнеполитическую ориентацию, сделав основной упор на развитие национальной экономики. В итоге им не только удалось избежать революций, но и выстроить успешную финансовую и социальную системы. Образно выражаясь, они потушили «костёр революции» «нефтедолларовым пожарным шлангом» [1].

Россия во всех этих событиях заняла свойственную ей со времен перестройки М. С. Горбачева позицию стороннего наблюдателя, никак не обозначив своего отношения к происходящему. И лишь президент Египта во время восстания народных масс удостоился нескольких слов поддержки со стороны тогдашнего президента Российской Федерации Д. Медведева, которые ему ничем не помогли.

Далее необходимо отметить, что по поводу Ливии (её будущего) позиции политического руководства России (Д. А. Медведева и В. В. Путина) диаметрально разошлись. Медведев «присоединил» Россию к международной коалиции противников полковника Каддафи, не наложив вето на резолюцию СовБеза ООН по Ливии, против которой недвусмысленно высказался Владимир Путин.

В целом внешняя политика периода президентства Дмитрия Медведева разительно отличалась от курса Владимира Путина, во всяком случае, на Ближнем Востоке, и она (внешняя политика Д. Медведева) сильнее сближалась и находила точки соприкосновения с позицией Запада. Например, его решение о приостановке поставок уже частично оплаченных ЗРК С-300 Ирану и упомянутая выше поддержанная резолюция СБ ООН по Ливии. Следует отметить, что последовавшие да-

лее события показали верность позиции Владимира Путина: «соглашательская» позиция с Западом особых дивидендов России не дала, и её позицию Запад не оценил [2].

Касаясь темы «арабской весны», необходимо отметить, что протесты явились отражением недовольства народов арабского мира катастрофической ситуацией в жизни на фоне коррупции правящих режимов, приобретшей гипертрофированные размеры. Десятилетия сосредоточения всей власти в руках одного человека не могли не оставить определённого отпечатка на состоянии экономики, которая, как свойственно большинству стран третьего мира, находится в руках нескольких влиятельных семей (кланов).

Кланы, конечно, имеются и в ближневосточных монархиях, но в этих странах почти отсутствует коррупция как явление и, следовательно, отсутствует самое главное – несправедливость в распределении доходов. Хотя правящие режимы в монархиях не являются аскетическими, но совершенно очевидно, что они, вследствие наличия колоссальных доходов, всё-таки проводили и проводят грамотную национально ориентированную социальную политику. Такую же политику старался проводить в меру своих финансовых возможностей и ливийский лидер М. Каддафи, чего не скажешь о других, уже бывших лидерах стран. И в иерархии «друзей» они занимают более высокое место, чем «друзья» без нефти.

Возьмём в качестве примера Египет и Саудовскую Аравию: первая и вторая находятся в орбите влияния штатов, имеют, в свою очередь, одинаковое влияние и авторитет в регионе, но у первой есть мирный договор с Израилем, к которому её «подтолкнули» Штаты в обмен на экономическую помощь, а двусторонние отношения саудитов и Израиля находятся на нулевом уровне.

Разумеется, всё это (антиизраильское позиционирование) происходит в Аравии при полной прозападной внешнеполитической ориентации и союзничестве со Штатами. Властями антиизраильское позиционирование умело использовалось и используется в целях пропаганды внутри страны, создания положительного имиджа власти как защитницы исламских ценностей и интересов. Они занимают свою позицию по ряду международных вопросов, имеющих региональную значимость, иногда даже идущую вразрез с политикой США, особенно в вопросе палестино-израильского конфликта в отличие от Египта, руководство которого занимает противоположную позицию. Вывод: ради стабильности «правильного» и «необходимого» режима США не замечают «таких мелочей» у своих партнёров, но заметят враждебную позицию любого своего оппонента относительно Израиля (Иран, Сирия, ранее саддамовский Ирак и Ливия при Каддафи), несмотря на то, что взгляды союзников и оппонентов Штатов идентичны по этому вопросу.

О независимости внешней политики ближневосточных партнёров США говорить не приходится, предоставлена лишь некоторая свобода на региональном уровне, но генеральная линия, естественно, соблюдается неукоснительно.

Мурси, Эрдоган

В вопросе свержения египетского президента М. Мурси следует заметить, что совпали позиции, казалось бы, таких непримиримых противников, как Израиль и Саудовская Аравия. Обе страны приветствовали арест Мурси и переход власти к военным, а США в лице тогдашнего президента Б. Обамы, наоборот, выразили озабоченность [8].

В этой непонятной ситуации перед египетскими военными, как основными действующими лицами переворота, встала проблема поиска новых союзников и партнёров, которые бы компенсировали гипотетические политико-экономические потери. Однако необходимо понимать, что все эти действия нового египетского руководства (что не исключено) имели некоторый демонстративный и провоцирующий США характер, что своим расширением контактов с третьими странами новое руководство Египта надеялось подтолкнуть Вашингтон к пересмотру жёсткой позиции, что и произошло в дальнейшем [3], и радикального «Насеровского» поворота Египта в сторону Москвы ожидать не стоит. Но взаимодействие, прежде всего в экономической и военно-технической областях, между странами, определённо, имеет все шансы на успех.

Возвращаясь к фигуре М. Мурси, можно утверждать следующее: в своём провале первому и последнему всенародно избранному несостоявшемуся президенту всех египтян стоит винить

только себя. Причина заключается отнюдь не в «исламизме» М. Мурси, а в провальной экономической политике, которую он проводил. По данным экспертов, если в 2010 году на сумму менее двух долларов в день жило около 40 % египтян, то в 2012-м их количество достигало почти 50 %. Резко снизились доходы от туризма в 2012 году – на 70–80 % по сравнению с 2010-м, что было обусловлено политической нестабильностью в Египте.

Многие из тех, кто принимал участие в свержении режима М. Мубарака, почувствовали себя оттеснёнными от реальной власти и лишёнными возможности принимать решения по вопросам дальнейшего развития страны. Усиление роли ислама в общественно-политической жизни вызывало обеспокоенность той части населения, которая стремилась сохранить светские ценности. Такая ситуация вела к размежеванию в обществе, усилению социальной напряжённости и протестным выступлениям.

Не обеспечив экономическую основу нового режима, он начал проводить непродуманные и непоследовательные реформы: менял конституцию «под себя», не ослабив влияние на страну со стороны военных, контролировавших большую часть её экономики; начал проводить чистки в их рядах, отправив в отставку 70 генералов египетских вооружённых сил; «перетасовал колоду» судебной власти. Всё это происходило практически одновременно, что повлекло впоследствии к увеличению количества недовольных новой властью.

Он не уловил, что революция в Египте началась не потому, что бывший президент Х. Мубарак притеснял ислам и насаждал псевдолиберализм, а потому, что рушилась экономика, уровень жизни народа, ощущавшего своё бесправие, снижался, а движущей силой была светски ориентированная часть населения; так называемые «исламисты» лишь подхватили это движение, а не были его зачинателями, поэтому свершилась не исламская революция.

Будущее новых «исламских» властей зависело от умения быстро оценить реальные проблемы страны, прежде всего экономические, и эффективности действий, направленных на их решение. Таким образом, поменялась лишь фигура президента, не имевшая военного бекграунда, а сам режим как метод правления, при котором военные остаются главными арбитрами государства, остался нетронутым. А ведь перед М. Мурси был опыт его коллеги и союзника, такого же «исламиста» – лидера Турции Р. Т. Эрдогана, и почему он не перенял его положительный опыт – не очень понятно.

А ситуация у Эрдогана была аналогична ситуации Мурси: те же военные, та же светская оппозиция и те же экономические проблемы. Секрет успеха Эрдогана, по моему мнению, кроется в том, что он сделал упор на развитие экономики – вывел экономику своей страны в лидеры по темпам развития. Основой экономики Турции, как и Египта, является промышленность, туризм, а не сермяжная нефтянка. И только потом, «обезопасив» тылы, он пошёл в осторожное наступление на идеологическом фронте, но не такое радикальное, как Мурси – основы Турции, заложенные ещё К. Ататюрком, остались и остаются незыблемыми; роль ислама постепенно и почти незаметно возрастала в общественно-политической жизни, и только после этого началась осторожная чистка в силовом лагере.

Итог всем известен: Мухаммеда Мурси сместил собравшийся на площади Тахрир недовольный народ, а Реджеп Тайип Эрдоган устоял несмотря на протесты на площади Таксим.

Следует отдать должное М. Мурси за то, что ему в период противостояния хватило ума не применять военную силу для борьбы с протестантами, которая ему в любом случае не помогла бы. Применение военной силы против мирных демонстрантов автоматически перевело бы его в глазах мировой общественности в категорию преступников, да и гарантии выполнения по существу преступного приказа негативно настроенными по отношению к нему вооружёнными силами не было и, скорее всего, позже он (приказ) был бы представлен как дополнительная улика его преступной политики.

Падение режима Мурси и восстановление традиционной для послевоенного периода истории Египта власти военных, однако, даёт неплохие шансы на взаимовыгодное сотрудничество между Россией и Египтом. Тем более, что приход М. Мурси к власти, в своё время, не вызывал особого энтузиазма у Москвы. Перспективным является военно-техническое сотрудничество

с Египтом, обеспечивающее высокорентабельными заказами предприятия военно-промышленного комплекса России. Хотя Россия пока не в состоянии сравняться со странами Запада в этой сфере, однако расширение военно-технического сотрудничества с Россией поможет арабам диверсифицировать источники приобретения оружия и тем самым уменьшить свою зависимость от американских поставок.

Высказывается мнение [4] о том, что «события в Египте наглядно демонстрируют, что роль США во всём регионе медленно, но неуклонно уменьшается (об этом свидетельствуют также и всё большее сближение Ирака с Ираном, активное нежелание США ввязываться в сирийский конфликт и их фактический отход от палестино-израильской проблематики, объявление о начале переговоров с талибами о будущем Афганистана и многое другое). Конечно, это не означает, что США из региона уйдут, однако просматривается изменение вектора их политики в арабском мире с Ближнего Востока на государства Персидского залива, контроль над энергоресурсами которых становится приоритетной задачей. Объективно более важным для стратегических интересов США становится и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Думается, что США образца президентства Барака Хусейна Обамы, обеспечив окончательный контроль над энергоносителями всего региона, которого они достигли после падения режима Каддафи в Ливии и предоставляющий им возможность контролировать добычу и распределение этой нефти, поскольку тем самым можно было бы контролировать и степень военно-политического послушания союзников, по моему мнению, просто дистанцировались от всех бесконечных конфликтов этого самого беспокойного региона планеты и решили сосредоточиться на упомянутом выше энергетическом и финансовом потенциалах региона, понимая, что нестабильность и волнения могут затронуть и их союзников, ибо такое развитие событий не отвечает их стратегическим интересам в регионе, по крайней мере, в отношении углеводородов – любая нестабильность, не говоря о войне в регионе, означает неминуемое повышение цен на энергоносители.

Трамп, Иран, сделка...

С избранием на пост президента США Дональда Джона Трампа, человека разностороннего, крупного предпринимателя и шоумена, думается, что из политики США исключается одна очень важная в международной дипломатии категория – предсказуемость. Само избрание Трампа было совершенно непредсказуемым: человек без политического бекграунда, не состоявший на государственной службе ни одного дня, следовательно, не имевший особого авторитета и тем более влияния в политическом истеблишменте штатов, сначала побеждает на внутрипартийных республиканских праймериз, а затем и в президентской гонке. Можно возразить тем, что и раньше президентами США становились не только политики, но и бывшие актёры (например, Р. Рейган), но случай Трампа немного другой и в чём-то уникальный – до объявления о выдвижении своей кандидатуры на президентских выборах 2016 года Трамп не имел политического опыта ни в качестве сенатора, ни в качестве губернатора; не занимал, как отмечено выше, никаких государственных должностей, а вся его «история» была связана лишь с чередой финансовых взлётов и падений.

В некоторой мере своим избранием на пост президента США Д. Трамп обязан правоконсервативной риторике, направленной против мигрантов и иноверцев, которую восприняла Rust Belt («Ржавая Америка»), которой очень не нравился предыдущий, «слабый» президент, и которая хотела того же, что и Трамп – «сделать Америку снова великой».

Внешняя политика «консерватора-изоляциониста» Трампа на Ближнем Востоке определяется его взглядами как политика-консерватора, которые он излагал в ходе предвыборной гонки: улучшение и укрепление отношений со своими традиционными партнёрами в регионе, которые при прежнем руководстве были совершенно испорчены, в первую очередь, неожиданным смягчением политики Вашингтона по отношению к Тегерану – главному противнику Северной Аравии и Израиля в регионе. А причиной этого была «ядерная сделка» группы международных посредников и Ирана – совместный всеобъемлющий план действий.

Трамп не раз нелестно характеризовал эту сделку как жалкую и очень невыгодную сделку Б. Обамы и, естественно, выход Трампа из неё был лишь вопросом времени, хотя сделку поддерживали все участники, причастные к её заключению. Откровенно говоря, эта сделка не осо-

бенно была выгодна сторонам соглашения – ни Ирану, ни нашей стране, ни США, не говоря уже о таких «заклятых друзьях» Ирана, как Саудовская Аравия и Израиль.

Трампу и Израилю она не выгодна тем, что финансово укрепляет иранский режим и, следовательно, усиливает влияние Тегерана на ближневосточный регион, которое отчетливо проявилось активностью в Сирии и Ираке. Однако, по моему мнению, не очень дальновидной выглядит позиция Израиля, считающегося наряду с Саудовской Аравией основным объектом возможной атаки Ирана, относительно этой сделки – ведь при ней всё-таки существует вероятность соблюдения и, самое важное, контроля за соблюдением всех её условий со стороны международного сообщества, а в случае её разрыва, естественно, Тегеран будет считать себя свободным от соблюдения этих условий и тотчас закроет доступ на все свои ядерные объекты. И что дальше?

Важно понимать, что силового решения иранской ядерной проблематики, да и не только иранской, а вообще ядерной проблематики, нет. Надежда Израиля – повторить операции, проведённые в своё время с разными ядерными объектами в арабских странах, имеет мало шансов на успех, так как рано или поздно программа начнётся заново, а полномасштабная интервенция Израиля при поддержке Штатов и вовсе выглядит полным безумием и практически обречена на провал.

Нашей стране и Саудовской Аравии иранская «ядерная сделка» невыгодна тем, что она стала одной из причин обвала нефтяных котировок наряду со «сланцевой революцией» в США, а основой экспорта и у нас, и у Саудовской Аравии является нефтянка и различаемся мы только процентами экспорта. Последствием этого обвала стала другая сделка – ОПЕК + Россия, главным инициатором которой выступала Саудовская Аравия, и следует отдавать отчёт в том, что она является конъюнктурной сделкой, к которой вынуждена была прибегнуть Саудовская Аравия, и мы с целью балансировки бюджета, а также, что является основным для Аравии, с целью продажи пакета акций компании Saudi Aramco – национальной нефтяной компании посредством IPO, и чем дороже будет стоить нефть, тем больше денег удастся королевству выручить за продажу пакета, и после данного мероприятия перспективы сделки выглядят весьма туманно, если до этого времени она сама не развалится вследствие развала уже другой «ядерной сделки» с Ираном.

Да, конечно, эта ядерная сделка делала ничтожным основной аргумент – оправдание размещения элементов американской противоракетной обороны (ПРО) в Европе, причём в непосредственной близости от наших границ, в то время как американские «партнёры» объясняли, что это всё делается не против нас, а для защиты от иранских ракет?! Но следует отметить, что и без заключения сделки, и с заключением оной американские планы в этом направлении не сильно менялись.

Европе в лице Германии и Франции данная сделка особых экономических дивидендов не принесла, можно отметить разве что чуть увеличившийся объём импорта иранской нефти, но с политической точки зрения она крайне важна для Европы, поскольку они, как и мы, выступают за достижение спокойствия в регионе, в первую очередь вследствие того, что любая дестабилизация в данном регионе напрямую отразится на Европе потоками мигрантов и беженцев, которые, можно сказать, явились одной из причин правого поворота Европы и краха политики мультикультурализма.

Президент США Д. Трамп в условиях жесточайшего внутреннего прессинга, связанного с так называемым делом о вмешательстве России в американские выборы, будет вынужден каким-либо образом заявлять о себе на международной арене, чтобы отвлечь американское общество, истощенное от внутренних проблем (старый как мир трюк правителей всех времён) и в ней (внешней политике) он будет оперировать логикой бизнесмена, а не политика, который не приемлет иного результата, кроме как выгодного для себя, что и подтверждает его незамысловатая риторика. И со временем, по мере осознания того, президентом какой страны он является, эта политика будет лишь усиливаться. Возможно, к концу президентского срока мы станем свидетелями трансформации президента-бизнесмена Трампа в президента-политика Трампа, но пока об этом не может идти и речи. Для Штатов иранская сделка не имеет никакого внутривнутриполитического значения в отличие от их союзников в регионе, для которых она является вопросом самого существо-

вания и, естественно, они не упустят благоприятного момента, чтобы повернуть ситуацию в наиболее благоприятное для себя русло.

Следует отметить, что современная динамика развития внешнеполитических российско-арабских отношений является благоприятным фактором прежде всего для нового осмысления торгово-экономического потенциала как России, так и стран арабского региона. В сфере развития внешнеэкономической деятельности существуют реальные перспективы для экспорта российской продукции на рынки арабского региона и для импорта товаров на российский рынок.

Геополитику Ближнего Востока, несомненно, ждут перемены. Будут создаваться новые альянсы, и многое в этих преобразованиях будет зависеть от степени стабильности в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанов, М. А. Арабская весна: возвращение к истокам? / М. А. Курбанов // Вестник НГУЭУ. – 2013. – № 4. – С. 300-309.
2. Курбанов, М. А. Россия и США на Ближнем Востоке: новая реальность / М. А. Курбанов // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – № 2(32). – Сер. 4. – С. 97-106.
3. Керри назвал смещение Мурси «восстановлением демократии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/08/02/democrasy/> (дата обращения: 11.03.2015).
4. Сапронова, М. Египет: хаос, сумятица, неразбериха [Электронный ресурс] / М. Сапронова. – Режим доступа: <http://vrk-news.ru/articles/16885> (дата обращения: 15.02.2015).
5. СССР. Внешняя политика СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/170552/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0> (дата обращения: 11.02.2015).
6. Стратегические интересы России на Ближнем Востоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politica-geo.ru/otvety-k-ekzameni-po-geopolitike/145-strategicheskie-interesy-rossii-na-blizhnem.html> (дата обращения: 11.10.2015).
7. Экономические интересы как основа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.usapolitika.ru/razvivayushhiesya-strany-v-globalnoj-strategii-ssha-2.html#more-271> (дата обращения: 11.09.2015).
8. Asma al Sharif, Shadia Nasralla. Brotherhood leader arrested, Egypt's Islamists call protests [Электронный ресурс] / Asma al Sharif, Shadia Nasralla. – Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2013/07/04/us-egypt-protests-idUSBRE95Q0NO20130704> (дата обращения: 11.07.2015).

Базылев И. А.
I. A. Bazylev

**В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

**IN SEARCH OF NEW APPROACHES TO THE PROBLEM OF KEEPING THE POPULATION
IN THE FAR EAST OF RUSSIA**

Базылев Иван Александрович – соискатель кафедры философии и культурологии социально-гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: bazylev_80@mail.ru.

Mr. Ivan A. Bazylev – PhD candidate, Philosophy and culture studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin pr.; tel.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: bazylev_80@mail.ru.

Аннотация. В предлагаемой статье автор подвергает сомнению достаточность социально-экономических мер, принимаемых органами власти для закрепления населения на Дальнем Востоке России. В поисках иных дополнительных путей решения этой проблемы выдвигается предложение о необходимости изучения влияния экономического патриотизма на процессы, связанные с оттоком населения с дальневосточной территории.

Summary. In the proposed article the author questions the sufficiency of socio-economic measures taken by the authorities to consolidate the population in the Far East of Russia. In search of other additional ways to solve the problem of consolidation of the population the author proposes the need to study the impact of economic patriotism on the processes associated with the outflow of population from the Far Eastern territory.

Ключевые слова: Дальний Восток, закрепление населения, социально-экономическое развитие, экономический патриотизм, национальная безопасность.

Key words: the Far East, consolidation of the population, socio-economic development, economic patriotism, national security.

УДК 93/94:304.9

Увеличение численности населения для Дальнего Востока России во времена его освоения оставалось актуальной задачей. Начиная с первой половины XVII века, когда русские открывали Дальний Восток, и до начала 90-х гг. XX века (около 350 лет) эта задача решалась успешно: численность населения увеличивалась стабильно, хотя разными темпами. Это обусловлено мотивацией до недавнего времени заселения дальневосточных регионов страны долгосрочным государственным интересом. Тенденции последних десятилетий иные, и задача состоит в поисках и применении способов предотвращения потери жителей на этих территориях. Это масштаб задачи национальной безопасности России [8, 5].

Демографические и миграционные проблемы, связанные с оттоком населения из Дальнего Востока и возникшие в результате политических, социально-экономических и духовно-нравственных потрясений начала 90-х гг. прошлого века, изучаются учёными различных отраслей науки. Ищутся методы и способы закрепления населения на территории. В этой связи интересны работы учёных дальневосточного региона, чувствующих как никто другой и наблюдающих ситуацию на месте.

Заслуживают внимания работы доктора экономических наук Е. Л. Мотрич, в которых наглядно раскрыта актуальность проблемы миграционного оттока, в цифрах показана динамика населения и источники его формирования, начиная со времён образования Дальневосточного края. Так, в период с 1926 по 1991 год численность населения в регионе увеличилась в 5,1 раза и достигла максимального значения по состоянию на 1 января 1991 г. 8056,6 тыс. чел. За период с 1991 по 2016 год регион потерял 1869,0 тыс. чел. (23,2 %) [5, 134-135].

Результаты исследований подкрепляются экспертными оценками неутешительного характера: по результатам социологического опроса, проведённого в июле 2014 г. в г. Хабаровске, 39,5 % респондентов хотели бы покинуть регион [6, 10].

Принимая во внимание закрепление тенденции мобильности населения, можно предположить возможность разрушения в короткий срок основ народонаселения региона, складывающихся в течение многих десятилетий с большими трудностями и издержками. Под угрозой распада может оказаться не только производственный, но и социальный потенциал региона [6, 9].

Главными путями решения проблемы оттока населения из региона, по мнению Е. Л. Мотрич, являются:

- создание социально-экономической привлекательности региона за счёт усиления роли и значения денежных доходов (опережающий рост денежных доходов населения по сравнению со среднероссийским уровнем);

- преодоление факторов экономической удалённости от Центра;

- обеспечение формирования в регионе комфортных условий проживания (расширение жилищного, социально-культурного масштабов строительства до уровня приоритетного потребления этих благ в регионе) [5, 149; 6, 13].

«Решение вопросов о создании преимущественных условий для труда и жизни населения региона по сравнению с обжитыми районами в складывающейся демографической ситуации – необходимость. Практика уже не раз подтверждала правильность такого подхода», – отмечает в заключении автор [6, 13].

Таким образом, мы видим, казалось бы, очевидные выводы и пути решения сложившейся проблемы. Но всё не так просто, как кажется. Вышеуказанные статьи были опубликованы Е. Л. Мотрич в разное время: одна – в 2015 году, другая – в 2017-м. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность постоянного населения Дальневосточного федерального округа по состоянию на 1 января 2018 г. составляла 6 165 284 чел., на 1 января 2017 г. – 6 182 679 чел., на 1 января 2016 г. – 6 188 824 чел. (см. прим. 1). В итоге за 2 года численность населения Дальневосточного федерального округа сократилась на 23 540 чел. При этом стоит обратить внимание, что в течение 2017 года численность населения сократилась на 17 395 чел. И это при том, что в федеральном округе действовали и действуют положения программно-стратегических документов социально-экономической направленности по развитию Дальнего Востока РФ, а именно:

- 1) Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р;

- 2) Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (срок реализации – 2014–2025 гг.), утверждённая распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р;

- 3) Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2018 года» (срок реализации – 2014–2018 гг.), утверждённая постановлением Правительства РФ от 06 декабря 2013 г. № 1128;

- 4) Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (срок реализации – 2014–2025 гг.), утверждённая постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308.

Отдельно следует остановиться на таких документах:

- 1) Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;

- 2) Федеральный закон от 01 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (так называемый «дальневосточный гектар»);

- 3) Распоряжение Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. № 704-р «Об утверждении долгосрочного плана комплексного социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре» (окончательный срок реализации – 2025 г.).

Перечисленные выше документы и меры далеко не все. Систематизация и анализ инициатив, до настоящего времени представленных властью разных уровней, требуют отдельного исследования. Приведённый перечень государственных мер свидетельствует, что государство озабочено проблемами Дальнего Востока, но практика показывает, что эти меры не достаточно продуманы и эффективны.

В рамках очередного заседания дискуссионного клуба (2014 год) ряд дальневосточных учёных высказал критические замечания в отношении последней государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона (постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308), потому что в ней о закреплении населения на Дальнем Востоке не было сказано. Таким образом, Правительство РФ отказалось от этой стратегической цели. Из содержания документа следует, что реализация мероприятий не только закрепляет складывающуюся негативную тенденцию в социально-экономическом развитии Дальнего Востока, но и усиливает отрыв экономики макрорегиона от основных рынков страны в пользу иностранных [9, 10-11]. Особо отмечено, что на Дальнем Востоке проходит зона соприкосновения геостратегических интересов крупнейших стран мира: США, Японии, Китая. Им не хватает либо территории, либо ресурсов, либо зон влияния. Восполнить эту нехватку они готовы (пока теоретически) за счёт восточных регионов России [9, 12]. Поднимается и такой неоднозначный вопрос: «Нужна ли сегодняшней и завтрашней России территория (люди, хозяйство, ресурсы, инфраструктура, города, населённые пункты, социальные структуры, среда обитания) под названием Дальний Восток?» [9, 13].

Провал государственной программы в контексте закрепления населения подтверждается данными Министерства РФ по развитию Дальнего Востока, представленными в годовом отчёте о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» за 2017 год. Так, в 2017 году миграционная убыль Дальнего Востока достигла 15 873 чел. (см. прим. 2).

Спустя 4 года после принятия последней государственной программы (15 апреля 2014 г.) в сентябре 2018 г. на IV Восточном экономическом форуме Президент РФ Владимир Путин поставил задачу разработать очередную программу развития Дальнего Востока до 2025 года. Программа должна стать интегральным документом, который объединит меры по улучшению состояния экономики, медицины, образования, транспорта, культуры, спорта и других сфер жизни дальневосточников. Например, с 15 декабря 2018 г. каждый житель России может оставить предложения по развитию Дальнего Востока на специализированном сайте dv2025.rf. Платформа разработана Минвостокразвития России совместно с Всероссийским центром изучения общественного мнения в рамках разработки национальной программы развития Дальнего Востока до 2025 года (см. прим. 3).

Рассматривая политику государства последнего десятилетия в отношении Дальнего Востока России (и не только), невольно задаёшься «извечными вопросами» русской действительности: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Нам представляется, что причины «всех бед» кроются только в людях – в их безразличии, пассивности, алчности и недальновидности в силу воспитания в среде духовно-нравственной «свободы» постсоветской России. Здесь мы подходим к философско-педагогической проблеме *патриотизма*.

Создают законы, программы развития и тому подобное люди, воспитанные в обществе. Реализуют инициативы, строят бизнес, защищают государство и так далее – люди. В чём же их вина? Думается, их вина в отсутствии любви к своей родине, стране, народу и друг к другу.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая 3 февраля 2016 г. на встрече с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров, сделал вывод, заслуживающий самого пристального внимания: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [7, 188].

В своей статье кандидат юридических наук А. Я. Неверов отмечает: «Ни для кого не секрет, что Россия переживает сегодня далеко непростые времена. Это не только экономический кризис, усиленный западными санкциями, это не только противодействие самостоятельной внешней и внутренней политике России со стороны США и их союзников, это реальная угроза существования самой российской государственности и территориальной целостности. Сложившаяся сегодня ситуация неминуемо повлекла за собой существенное изменение государственной политики в различных областях, в том числе и в вопросах национальной безопасности. И доказательством этому

служит новая редакция «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утверждённая Президентом России 31 декабря 2015 г.» [7, 190].

При этом новая редакция «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» устанавливает, что одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодёжи в духе гражданственности». Следовательно, может быть, именно патриотизм и есть «лекарство» от всех бед [7, 190]?

Слово «патриотизм» произошло от греческого «соотечественник» (в другом переводе – «отечество»). Оно означает нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность пожертвовать своими интересами во благо Родины [7, 189].

Значение патриотизма в жизни российского общества в достаточной степени проанализировали в совместной работе кандидат исторических наук А. В. Кузьмин и кандидат философских наук Ю. Н. Трифонов. Авторы отметили, что правильное его понимание основывается на определении, отражающем его подлинную сущность. В связи с этим под патриотизмом понимается положительное отношение людей к своему Отечеству, выраженное в чувствах и идеях любви к нему, проявляющееся в *деятельности* на его благо, в реализации которого участвуют государственные и общественные организации.

Патриотизм деятелен, и российские учёные, исследуя феномен патриотизма именно с этой стороны, разработали патриотический тест в отношении властных лиц и политических сил, которые называют себя патриотами. Смысл теста заключается в оценивании не слов, а дел кандидатов на звание патриотов: куда они «тащат» – в Отечество или из Отечества [3, 122].

В этой связи интересна статья доктора философских наук М. И. Боровко, в которой проанализирована правящая политическая и финансово-экономическая элита современной России с использованием в качестве критерия анализа понятия «патриотизм» [1].

На влияние патриотизма на определённую сферу жизни общества обращается внимание в научной и публицистической литературе. Например, говоря о взаимосвязи экономики и патриотизма, учёные-экономисты З. В. Брагина и Е. В. Пономаренко используют понятие «экономический патриотизм». Как отмечают авторы, с одной стороны, экономический патриотизм можно считать частным случаем патриотизма как любви к своему Отечеству, своему народу: нельзя быть патриотом, не живя интересами своей страны, её жителей; с другой стороны, экономический патриотизм – самостоятельный феномен, являющийся немаловажным условием принятия решений в области экономики как хозяйствующего субъекта, так и экономики государства в целом. Экономический патриотизм – это не просто осознание того общеизвестного факта, что личное благополучие зависит от экономического благополучия страны, в которой живёшь, – прежде всего, это максимальное содействие экономическому прогрессу государства, которое основывается на реализации потенциальных возможностей экономики и эффективном использовании всех внутренних и внешних ресурсов [2, 94].

Не углубляясь в данной статье во всё многообразие определений понятия патриотизма, необходимо отметить вышеперечисленные как наиболее интересные в исторической науке для определения роли патриотизма в процессе закрепления населения на Дальнем Востоке России.

Несмотря на очевидность вышеназванных Е. Л. Мотрич теоретических положений относительно социально-экономической составляющей в процессах закрепления населения – это лишь видимые и понятные всем способы решения проблемы. Они обязательны для реализации, но лишь только они не гарантируют ожидаемого экономического благополучия территории. По нашему мнению, последнее могут гарантировать развитые в каждом специалисте забота о благополучии Родины и готовность защищать её экономические интересы, гордость за достижения родной страны, уважение к её историческому прошлому, бережное отношение к народной памяти и культурным традициям – то, что принято называть патриотизмом.

Соглашаясь с теорией, выдвинутой З. В. Брагиной и Е. В. Пономаренко, считаем необходимым процитировать их утверждение относительно экономического патриотизма: «Чем выше уровень специалиста в управленческой иерархии, тем большее значение имеют его решения, тем шире круг их влияния, тем больше у него возможностей содействовать экономическому прогрессу государства, тем важнее его убеждения как человека, являющегося или не являющегося патриотом

своей страны...». Принятие управленческого решения – это выбор альтернативы. Этот выбор должен быть подчинён моральному закону и социальной цели, вырабатываемой субъектом управления для направленного воздействия на объект управления. Это правило одинаково значимо как для решений, принимаемых в бизнесе, так и для решений, принимаемых в органах государственного и муниципального управления. Основу основ каждого управленческого решения в экономике составляет принятый нравственный принцип и социальная цель» [2, 95].

Используя критерии оценки, предложенные в совместной статье [3] доктором философских наук Д. Т. Жовтуном и кандидатом исторических наук В. И. Меркушиным, можно с достоверностью определить «патриотическую» или «непатриотическую» направленность деятельности отдельных политиков и бизнесменов, государственных и общественных организаций, от которых зависит социально-экономическое состояние региона.

Увязывая обозначенные Е. Л. Мотрич значение социально-экономической составляющей развития региона и оценку деятельности политического и финансово-экономического руководства страны (региона) в патриотическом ключе, можно сделать определённые выводы о роли патриотизма в решении проблемы оттока населения.

Таким образом, в поисках способов закрепления населения Дальнего Востока нельзя пренебрегать и «моральным фактором» (преданность своей Родине, народу, делу), для чего стоит обратиться к историческому опыту предыдущих поколений в патриотическом аспекте. Необходимо изучить опыт деятельности государства, отдельных политиков, купцов, промышленников, руководителей предприятий (бизнесменов), общественно-политических организаций в рамках их работы, направленной на обеспечение экономического благополучия дальневосточной территории, отстаивания интересов своей Родины и обеспечения безопасности её рубежей в исторической ретроспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровко, М. И. Патриотизм как критерий отечественной элиты / М. И. Боровко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2009. – Т 5. – № 2. – С. 88-105.
2. Брагина, З. В. Экономический патриотизм как управленческий ресурс / З. В. Брагина, Е. В. Пономаренко // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. – 2014. – Т 20. – Вып. № 4. – С. 94-99.
3. Жовтун, Д. Т. Подходы к научному определению патриотизма / Д. Т. Жовтун, В. И. Меркушин // Социология власти. – 2006. – № 1. – С. 112-124.
4. Кузьмин, А. В. Значение патриотизма в жизни российского общества: функциональный подход / А. В. Кузьмин, Ю. Н. Трифионов // Учёные записки тамбовского отделения РОСМУ. – 2017. – № 7. – С. 38-54.
5. Мотрич, Е. Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд / Е. Л. Мотрич // Пространственная экономика. – 2017. – № 3. – С. 133-153.
6. Мотрич, Е. Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е. Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 6-14.
7. Неверов, А. Я. К вопросу о необходимости определения вектора дальнейшего развития современного российского общества / А. Я. Неверов // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. – 2016. – № 4. – С. 188-191.
8. Проблемы населения Дальнего Востока / Ю. А. Авдеев, З. И. Сидоркина, Е. Э. Бельская [и др.]. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 211 с.
9. Дискуссионный клуб «Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке России?»: новые подходы и инструменты государственного управления // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 3(68). – С. 8-18.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Демография: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 23.12.2018).
2. Годовой отчёт о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» за 2017 год. Отсканированное изображение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minvt.ru/upload/iblock/4da/godovoy_otchet_1_.pdf (дата обращения: 23.12.2018).
3. Евгения Назипова «Более 300 предложений по развитию Дальнего Востока поступило от жителей России за четыре дня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/20467/> (дата обращения: 24.12.2018).

Иочкова К. О., Малышева Н. В.
K. O. Iochkova, N. V. Malysheva

**РОЛЬ АНГЛИЦИЗМОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ
МЕЖДУНАРОДНО-ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ**

**THE ROLE OF ANGLICISMS IN THE TRANSLATION
PROCESS OF TERMS OF INTERNATIONAL TOURISTIC SPHERE**

Иочкова Кристина Олеговна – студентка кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: AmeliaJane358@gmail.com.

Ms. Christina O. Iochkova – student of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: AmeliaJane358@gmail.com.

Малышева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Natasha@knastu.ru.

Ms. Nataliya V. Malysheva – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Natasha@knastu.ru.

Аннотация. Развитие отношений между странами обусловило возрастание интереса к сфере международного туризма. В связи с этим актуален анализ роли иноязычной лексики, которая стала активно употребляться в международно-туристической сфере. В данной статье рассмотрены основные аспекты заимствований и проанализированы причины их появления; приведены примеры употребления англицизмов в международно-туристической сфере.

Summary. Development of international relations between countries determined a tendency of growing interest to international tourism. Therefore, the analysis of the role of foreign lexis, going into an active usage in international touristic sphere, is relevant today. The article examines the main aspects of borrowings and analyses the reasons for their emergence; it provides with the examples of the usage of anglicisms in international touristic sphere.

Ключевые слова: международно-туристическая сфера, заимствования, англицизмы, термины.

Key words: international touristic sphere, borrowings, anglicisms, terms.

УДК 811.111

Эпоха глобализации и развития отношений между странами обусловила динамичный рост сферы международного туризма. Её возникновение напрямую связано с периодом общественного развития, требующим получения информации о новых объектах, местах и представляющимся в качестве целесообразного закона развития общества.

В мире появляется всё больше и больше туристических организаций, предоставляющих свои услуги и товары; увеличивается количество туристических предложений, охватывающих новые уголки мирового пространства [2].

Динамичное развитие технологий и глобализация нашли своё отражение и в языке. Появление новых товаров и услуг потребовало новых понятий и наименований.

Туристический бизнес в России в целях развития международных отношений и попытках приближения к западному уровню туристического обслуживания занимает приоритетное место по заимствованию иноязычной лексики [3].

В процессе развития русского языка происходит заимствование иноязычных и переосмысление употребления исконно русских слов. Лексика языка стремительно расширяется, пополняется

новыми понятиями и их значениями. Такие слова благодаря использованию их как в устной, так и письменной речи постепенно приспособляются и адаптируются к нормам заимствующего языка. Употребление иноязычной лексики в наше время является частотным и характерно для большинства сфер общественной жизни [7].

Определение термина «заимствование» неоднозначно. В данной статье мы будем оперировать определением данного термина, представленным в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой: заимствование есть «...процесс обогащения словаря лексическими единицами, которые обозначают новые понятия или дифференцируют уже имеющиеся» [1, 150-151].

В общем смысле заимствование предстаёт в качестве непосредственного обращения к лексическому богатству других языков с целью выразить новые понятия и обозначить предметы, которые были неизвестны прежде. Подобные слова способствуют знакомству с другой страной, более глубокому восприятию её реалий.

Настоящая статья посвящена анализу роли лексических единиц, заимствованных из английского языка, которые получили название «англицизмы» в процессе перевода терминов международно-туристической сферы. Материалом исследования послужили примеры англицизмов из сферы международного туризма, активно вошедших в обиход русскоязычного населения.

Актуальность исследования определяется двумя факторами:

1) динамичным развитием сферы туризма и отдыха, в основе которой лежат международные отношения; 2) влиянием заимствованных элементов на активизацию процессов международно-туристической терминосистемы.

Многие исследователи высказывали различные точки зрения касательно появления заимствованной лексики, но наиболее известным является мнение, связанное с характеристикой заимствований иноязычной лексики как способа обозначения новых понятий и реалий, которые образуются вследствие экономических, культурных и политических отношений между разными странами [5].

Перечислим основные причины лексических заимствований, приводя примеры англицизмов из международно-туристической сферы:

1) необходимость в обозначении новых предметов и явлений (*hostel* – хостел (пер. с англ. «общежитие»); *duty-free* – дьюти-фри (пер. с англ. «беспошлинный»));

2) потребность в разграничении различающихся понятий, близких по содержанию (трансфер – перевозка, доставка (англ. *transfer*); бонус – премия (англ. *bonus*));

3) необходимость в специализации понятий (турагент (англ. *tour agent*); туроператор (англ. *tour operator*));

4) потребность во взаимопонимании с носителем другого языка с помощью слов, не вызывающих для него затруднений в понимании (твин – это двухместный номер в отеле с отдельными одноместными кроватями (англ. *twin*); дабл – номер в отеле с двухспальной кроватью (англ. *double*));

5) социальные и психологические причины использования иноязычного слова в качестве более престижного (кейтеринг – обеспечение общественного питания (англ. *catering*); ол инклюзив – всё включено (англ. *all inclusive*)) [3].

Заимствование выступает в качестве инструмента языкового обогащения. Вследствие удовлетворения потребностей языка заимствованное иноязычное слово легко приживается в системе заимствующего языка и становится привычным для его носителей [6].

В русском языке заимствование является одним из основных инструментов терминообразования. Обилие англицизмов в пласте русской лексики означает явное сближение терминологических систем обоих языков [4].

На основании вышеизложенного отметим, что англицизмы играют важную роль в процессе перевода терминов международно-туристической сферы и туризма в целом. Большинство заимствованных слов прочно вошло в обиход носителей русского языка. Этот процесс невозможно остановить, в этом нет никакого смысла. Каждый язык имеет право самостоятельно выбирать подходящие для него лексические единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Буйленко, В. Ф. Туризм / В. Ф. Буйленко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 416 с.
3. Гончарова, Л. М. Иноязычная лексика в туризме: мода или необходимость? / Л. М. Гончарова. – Культура речи. – Издательство «Наука», 2011. – № 5. – С. 57-62.
4. Завтур, А. А. Способы заимствования англоязычной терминологии в сфере туризма и сервиса. Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс] / А. А. Завтур, М. В. Крат. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/4702> (дата обращения: 08.05.2018).
5. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М., 1968. – 208 с.
6. Маркова, Е. И. Заимствованная лексика в сфере туризма / Е. И. Маркова, И. Д. Маркова // Молодой учёный. – 2014. – № 1. – С. 682-684.
7. Мошняга, Е. В. Терминосистема международного туризма как лингвокультурное явление / Е. В. Мошняга // Вестник Московского городского педагогического университета. Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2009. – № 1(3). – С. 67-73.

Фёдоров Ю. В.
Yu. V. Fedorov

**ФЕНОМЕН ВЫРОЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

**THE PHENOMENON OF DEGENERATION IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL
EFORMATIONS OF THE 21st CENTURY**

Фёдоров Юрий Валентинович – главный режиссёр Крымского академического русского драматического театра имени М. Горького, кандидат философских наук, заслуженный артист Украины, действительный член Международной академии экономических и социальных наук (Италия, Рим), академик Крымской академии наук, член экспертного совета Международного межакадемического союза, член правления Крымского центра Международного института театра (ЮНЕСКО), член Союза театральных деятелей РФ, член Межнационального союза писателей АРК, доцент кафедры театрального искусства Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Республика Крым, ул. Киевская, 39; тел.: +7 (978) 830-87-55. E-mail: Fedorov_Juriy@mail.ru.

Mr. Yuri V. Fedorov – chief Director of the Crimean academic Russian drama theatre named after M. Gorky, PhD in Philosophy, honored artist of Ukraine, member of the International Academy of the Economic and Social Sciences (Italy), academician of the Crimean Academy of Sciences, member of the Expert Council of the International InterAcademy Union, member of Board of the Crimean centre of the International Theatre Institute (UNESCO), member of the Union of Theatrical figures of Russia, member of international writers Union, associate Professor, Theatre arts department, Crimean University of culture, arts and tourism (Russia, Simferopol); 295017, Republic of Crimea, Simferopol, 39 Kiev str.; tel.: +7 (978) 830-87-55. E-mail: Fedorov_Juriy@mail.ru.

Аннотация. Данная статья актуализирует проблему деструктивного наличия феномена вырождения в социокультурной реальности начала XXI столетия. Автор анализирует проблемное поле социокультурной реальности сегодняшнего дня и преломляет культурологические и искусствоведческие исследования экспертов второй половины XX века под призмой феномена вырождения. В статье поднимаются вопросы этического и нравственного содержания художника в контексте его психической (генетически наследуемой) структуры личности, а также проблемы широкого присутствия и распространения психоантропологического феномена конституциональной дегенерации – химеризма в современных социокультурных процессах.

Summary. This article actualizes the problem of destructive presence of the phenomenon of degeneration in the socio-cultural reality of the beginning of the XXI century. The author analyzes the problem field of socio-cultural reality of today and refracts cultural and art studies of experts of the second half of the XX century under the prism of the phenomenon of degeneration. The article raises the issues of ethical and moral content of the artist in the context of his mental (genetically inherited) structure of personality, as well as the problems of wide presence and spread of psychoanthropological phenomenon of constitutional degeneration – chimerism in modern socio-cultural processes.

Ключевые слова: вырождение, социокультурная деградация, нравственность, художественная ценность, этика, патология, болезнь.

Key words: degeneration, sociocultural degradation, morality, artistic value, ethics, pathology, illness.

УДК 130.2:111.84

Введение

К широкому спектру глобальных угроз современной цивилизации можно относиться по-разному. Однако научная и морально-нравственная слепота современной технократической цивилизации может привести к реальному концу мировой истории. У западного научного сообщества сегодня, похоже, нет осознания остроты цивилизационных кризисных процессов, стремительно нарастающих социокультурных и личностных радикальных деформаций.

Анализируя европейскую историю второй половины XX века, особенно её культурное содержание, мы убеждаемся в правоте и драматизме предвидений ведущих философов прошлого столетия. Как реализовались прогнозы учёных относительно «сверхчеловека», «человека переходного», «человека гностического», «человека разумного», «человека духовного», и, наконец, «человека универсального», или «интегрального»? Предвидения Ф. Ницше, Т. Шардена, Ш. Ауробиндо, П. Рассела, Д. Уайта и других философов оказались растворены в пессимизме и драматизме начала третьего тысячелетия.

В наши дни «человек, утративший безопасность» (К. Ясперс), не знающий больше «по каким звёздам жить» (Х. Ортега-и-Гассет), продолжает «пробуждать к жизни абсурд» (А. Камю) и усиливать собственную тотальную дезориентацию. Похоже, что М. Хайдеггер был прав, говоря, что «миру нечего предложить пребывающему в тревоге человеку».

Сегодня принципиально изменились геополитические, а вместе с ними и все социокультурные конфигурации современного мира. Культурно-исторические контексты переписываются мировыми стратегами буквально на наших глазах. Многочисленные философские построения, парадигмы, концепты и идеологемы обнаружили свою противоречивость и несостоятельность. Состояние мира и человека в начале XXI века воспроизводит то, что было в эпоху разлагавшегося античного мира. Именно тогда Пилат задавал вопрос, терзающий нас сегодня: «Что есть истина?»

Пребывая в пограничной ситуации, человечество встаёт на путь саморефлексии. Человеческий интеллект ищет выход, пытается разобраться в себе и обнаружить новые духовные ресурсы в сфере культурологии, философии и здравого смысла. А главное, человеческий разум находится в поисках новой модели социального универсума и новой интерпретации истории. Но есть и некое проблемное поле социокультурной реальности России, которое должно волновать нас не менее серьёзно.

«Все ключевые понятия и постулаты современной культуры, вся новоевропейская концепция моделирования и интерпретации человека переживает момент исчерпанности» [6, 141]. История как бы подвела человечество к фазе безвременья и изношенности культурного базиса. Сегодня культура являет собой все признаки радикальных перемен и краха морали. Современные трансформации, включающие кризисные явления в сфере духа, морали, воспитания, образования и т. д., красноречиво говорят о глубинных деформациях антропологического характера, а значит, необходимо заново открывать подлинную природу человека, его духовное содержание и предназначение. Проблема философствования XX века была частично в том, что понятие человека пытались через его языковые практики и тексты. Человеческое содержание, характеризующее поисками смысла жизни, потребностью в счастье, обуреваемое житейскими страхами и желанием адекватно воспринимать и художественно отражать окружающий мир, оказалось науке неинтересно [7].

Негативно воспалённое (больное) сознание и подсознание человека, его наследственно-девиантная психика с заведомо искажённым видением мира отошли в область изучения медицины (психиатрии). Но фрейдизм с его сверхпопулярным в Европе психоанализом на самом деле мало что добавил к нашим знаниям о человеке. Тёмная сторона человеческой природы, как обратная сторона Луны, всё больше пугала и в то же время привлекала к себе внимание общества [9]. Становилось понятно, что любой человек так или иначе редуцирует в социум содержание своей личности, а значит, и свои негативные черты, включая неврозы, психозы, фобии, мании, асоциальное поведение, агрессивность и все формы возможной психосексуальной патологии [9; 3].

До появления глобализма мировые культуры являлись отражением независимой нравственной природы. Мораль в одной культуре не оказывала существенного влияния на другие культуры мира. В контексте современной глобализации распадающаяся мораль Запада прошлого тысячелетия бросила нравственный вызов новому тысячелетию. Многочисленные национальные культуры сегодня существенно деформируются под воздействием идеологического и финансово-политического прессинга англо-саксонского мира. В настоящий момент человечество стоит перед духовной дилеммой, противоречивостью предстоящего выбора.

Однако истинная нравственность начинается не с государственных актов и постановлений, а с внутренних, личностных решений отдельного человека. Она основана на правильных идеях,

побуждающих к правильным поступкам (государство может либо поощрять, либо сдерживать определённое поведение). Именно идеи, принятые человеком, определяют его поведение, его тактические и стратегические жизненные реализации. Следовательно, понимание важности и течение идей стоит на первом плане изменения нравственного пути культуры.

Идеи просачиваются из слоя творцов культуры, интеллигенции в массы (эти идеи частично даже формируют ход истории). Идеи распространяются в культуру посредством литературы, кинематографа, музыки, театра, живописи, через академические заведения, а сегодня – через Интернет.

Но что определяет первичный поведенческий импульс человека, который затем преобразуется в некую идею? Его определяет сложнейший психофизический комплекс или психическая конституция (структура) личности [2]. Это психическое наследие нам передаётся генетически в виде задатков, способностей, талантов или, наоборот, в виде наследственных психических искажений (перверсий, девиаций, парафилий). Раскрытие природных задатков в значительной степени определяется социальными факторами (семьёй, друзьями, обществом), влияющими на становление личности. Но эффективная реализация природных задатков существенно зависит от наследственного кода индивидуума.

Культурологический анализ творческого процесса человека, его самореализации в социуме невозможны без понимания психологии творчества. А это ведёт нас к необходимости постижения глубин становления и психической регуляции человека, формированию его определяющего психокомплекса, а значит, поведенческих импульсов и мотивов. Тут крайне важны психологические исследования В. П. Эфроимсона, К. Юнга, А. Маслоу, И. Н. Шваневой, С. П. Гурина, Р. Догинза, М. А. Дрюка, П. Л. Лесгафта и других.

Психологи выяснили, что ключевым средовым воздействием для человека является импрессионг, который и определяет истинную психобиографию человека [2]. Эволюция превратила нас в стадийно импрессируемых существ.

Учёные-психологи утверждают, что стоит обратить особое внимание на новый тип эволюции – транскультурную, благодаря которой в большей степени и меняется современное человечество [13]. Длительное биологическое эволюционирование уже не имеет столь ярких результатов.

Сегодня поведение человека имеет значимый наследуемый компонент. Невозможны изменения в поведении, которые не отражаются на нервной системе, и не бывает стойких изменений в нервной системе, которые не отражаются на изменении структуры поведения. Повседневные сенсорные ощущения, сенсорная депривация, развитие, стресс и социальный опыт – факторы, которые могут изменять экспрессивность генов.

Транскультурная (внешняя) форма наследования изменила тип развития и снабдила нас транскультурным (нравственным) опытом. Но чтобы способности вида трансформировались в способности субъекта, последнему нужно понять и воспроизвести исторически сформировавшиеся духовные свойства и способы поведения человека. В отношении предмета транскультуры этот индивид должен найти адекватную форму деятельности. Но именно в этом и заключена проблема. Происходящий на наших глазах внутренний распад современной техногенной цивилизации, претендующей посредством глобализации на статус общемировой, требует от человечества переосмысления общественного развития и духовного опыта предыдущих поколений [8]. На протяжении всего социокультурного развития технократической цивилизации человечество всё ближе подходило к эпохальному моменту – моменту критического накопления глубочайших противоречий. Эти противоречия в специфических культурных и геополитических условиях нашей эпохи приобрели общепланетарный характер. Сегодня, пребывая за порогом третьего тысячелетия, человеческое общество максимально приблизилось к некоему пределу цивилизационного развития. Пределу как в полноценно физическом, так и подлинно метафизическом смысле. Современное человечество, достигнув беспрецедентных успехов в сфере научно-технического знания, до неузнаваемости изменило не только лик планеты, но и свой собственный [8; 1].

Сегодня явление импрессионизма принципиально меняется. Речь идёт о восприимчивости психоэмоциональной, интеллектуальной и физиологической. Меняются наследуемые программы и встроенные культурно-генетические коды человека. Геном человека уже не выдерживает жёсткого прессинга современности. Мутации человека становятся очевидными и необратимыми [11].

Психологи всё чаще говорят уже не о психо-антропологическом феномене конституциональной проградации – харизмизме, а о прямо противоположном психо-антропологическом феномене конституциональной дегенерации – химеризме [2]. На сегодняшний день отечественная и западная психиатрия накопила достаточный опыт в исследовании девиантных форм поведения человека, изучении пограничных состояний личности, механизмов формирования патологических потребностей и мотивов, психогенетической специфичности личностных расстройств, психопатий и, наконец, психоантропологического феномена конституциональной дегенерации – химеризма. Разнообразнейшие проявления этих девиантных форм поведения человека мы сегодня видим в современной культуре. Они отчётливо проступают в поведении литературных героев, теле- и киногероев, в извращённых и болезненно преломлённых режиссёрских концепциях и трактовках сценических образов в спектаклях, телесериалах и прочих проектах СМИ, в выставочной деятельности, гендерной политике, вопросах морали, в нравственном содержании современной эстрады, шоу-бизнеса [12].

Современная психология утверждает, что химеризм – это расстройство личностно-поведенческого комплекса, который является сложной системой взаимосвязей и отражает его психическую конституцию. Именно в ней происходят индуцированные «сбои» и «генетические поломки», которые и делают психику человека уязвимой. Эти негативные влияния меняют моральную основу личности и её ценностную шкалу. При этом деформируется значимость важных жизненных явлений. Происходит расбалансирование сознания, нивелировка нравственных установок и, как результат, возникновение сверхценностей и различных акцентуаций [2].

Из лексики современной психиатрии уже исчезли понятия «духовный порок» и «нравственное помешательство». Однако пациентов с ярко выраженными моральными дефектами становится всё больше и больше. Психологи диагностируют у них психологическую слепоту и отсутствие социальных эмоций. У этих пациентов симпатия к окружающим и сознание долга по отношению к обществу полностью отсутствуют. Таким людям неведомы чувства стыда, порядочности, морали, совести, долга и т. д. Эти пациенты равнодушны к осуждению и похвале, они не в состоянии приспособиться к реальным условиям социума и правилам общежития, но иногда достаточно ловко проникают в определённые социальные круги и сообщества. Эти субъекты лживы, ленивы и неспособны к ежедневному труду. Данное явление психологи назвали эпизодической спонтанной социопатией. Её причины до сих пор не выявлены. На этот счёт существуют разные точки зрения, но люди с социопатией живут рядом с нами, считаясь практически здоровыми! Названные выше «пациенты» далеко не всегда изолированы от общества. Наоборот, они часто занимают в нём социально-значимые (ключевые) места, привилегированное положение и высокий социальный статус. Тенденции к различным типам расстройств психики возникают на почве повышенной генетической предрасположенности к подобным расстройствам. «Мозаичность» патопсихических расстройств подобна химеризму – явлению, распространённому в живой природе. В психологии возник термин «психический химеризм». Им именуется мутагенная психическая структура личности, возникающая на неразвитых индивидуальных психотипических качествах вследствие импрессионизмов отрицательного эмоционального содержания, которые провоцируют качественные изменения личности в силу вовлечения всех патогенных конституциональных факторов (невротизмов) [2].

Антропологические черты химеризма – психотипическая деперсонализация, выраженная в отсутствии психологического своеобразия. Именно в химеризме заключается проблема скрытого вырождения, так как в химере присутствуют несовместимые между собой поведенческие черты. Вместо единой личности в психической структуре человека царит хаос психопатий. Носители

таких антропологических черт названы академиком И. Н. Давыдовой химеритами. У подобных личностей наблюдаются нарушения мозаичного типа. Основной чертой при мутагенном расстройстве личности является желание постоянного удовольствия без каких-либо затрат. Основные стратегии таких лиц – нападение, обман, манипуляция, эксплуатация. Единственно открытое проявление эмоций – гнев по поводу обладания тем, чего нет у него, заслуживающего большего, по его мнению, чем он имеет. Характерным для химерита является ощущение правомерности собственного поведения, отсутствие стыда и неприятие упреков. Любопытно, что мышление не ухудшается, а вербальный интеллект очевиден. Химериту свойственно играть роль хищника. Делюзия (условное убеждение) химеритов: без насилия над людьми, без манипулирования ими я никогда не получу того, что заслуживаю. Практически это облик социального зла, религиозно-мифологическим прототипом которого является демон. Именно этот тип личностного расстройства в рамках концепции психодуховного развития рассматривается нами как аномальное, извращённо-порочное. В связи с отсутствием социальных привязанностей и приматом собственных желаний химериты используют психические декомпенсации. Внешние обстоятельства являются для химеритов объяснением их отрицательных качеств и безнравственности. Их глубоко аморальные поступки парадоксально совмещаются с их завышенной самооценкой, а это указывает на глубокие нарушения в их ценностной системе. Вся ответственность у них переносится на окружающий мир. Их поведение всегда диктуется злобой, завистью, тщеславием, корыстью. Их потребности безмерно примитивны, предельно ограничены и извращены (игромания, сексуальные девиации, алкоголизм, наркомания).

Выстраивая концепцию антропогенеза, профессор Б. Ф. Поршнев называл людей с подобными поведенческими характеристиками сверхживотными и относил к хищному подвиду человечества [10]. Считая видовую неоднородность человечества бесспорным фактом, Б. Поршнев давал характеристики и суперанималам, и суггесторам, считая их двумя хищными подвидами человечества в терминах, схожих с теми, к которым пришла современная психология. Другими словами, описываемые им два хищных (агрессивных) подвида абсолютно схожи с химеритами характерными для них поведенческими чертами. Так, разные учёные описали один и тот же тип (вид) людей, но один – с позиций психологии, а другой – антропогенеза [2; 10].

Однако человечество с каждым годом существенно ухудшает условия собственного выживания. Антиприродная среда, синтезированная пища, мутационные нагрузки вместе с глобальным экологическим кризисом принципиально видоизменяют генетические механизмы защиты человека. Неуклонно и угрожающими темпами происходит деформация врожденных, генетически наследуемых признаков и характеристик, ведущих к природной выбраковке человечества (биологическое прерывание беременности, нерождённые дети) и огромному количеству врождённых детских уродств и патологий. Этот процесс особенно заметно усугубился с начала XXI века. С каждым годом человечеству всё сложнее органично и безболезненно вписываться в радикально меняющиеся условия жизни. Иммунная система человека и наследственный генетический его механизм постоянно подвергаются сегодня сильнейшему воздействию, что приводит к их радикальным изменениям. В силу огромного ряда причин постнатальный фильтр человечества, часто именуемый естественным отбором, уже перестал работать. Биологическое содержание нашей планеты мутирует угрожающими темпами и с непредсказуемыми последствиями. Человек как один из биологических видов всего планетарного разнообразия подвергается сегодня мутационному воздействию в большей степени [5].

Феномен психоантропологической генетически наследуемой конституциональной дегенерации с каждым десятилетием увеличивается в процентном отношении и обретает всё более угрожающие очертания. Люди с гипертрофированными потребностями низкого уровня, с ярко выраженной асоциальностью, психосексуальными аномалиями, психотипической деперсонализацией и т. п. (в большинстве своём) не изолированы в психиатрических клиниках и не находятся на стационарном или амбулаторном лечении. У них, как правило, хороший интеллект, и они легко находят себе работу в разных сферах человеческой деятельности, включая культуру (искусство). Частично этим обстоятельством объясняется перенасыщенность

современной мировой художественной культуры (кинематографа, прозы, драматургии, поэзии, эстрады, телевидения, театра) деструктивными образами, агрессивностью, злом во всех его проявлениях, насилием, кровью и всевозможной психосексуальной патологией.

Планка допустимого в культуре РФ опускается сегодня всё ниже. Нравственная цензура на сегодняшний день в российском культурном пространстве практически отсутствует. Всё решает спрос, то есть рынок (столичный). А спрос на всё низкопробное, чувственное, аморальное (под воздействием западной массовой культуры) постоянно возрастает. Критерии стремительно видоизменяются, высокие образцы нивелируются, идеалы стираются, требования занижаются, а значит, упрощается вся духовно-содержательная составляющая социума, что неминуемо ведёт к его деградации [4]. Кризис культуры углубляется, и причины этого не только в болезненности человека. Он живёт в социуме и по его законам. Современный человек должен понять, что с ним происходит в глобальном (антропологическом смысле), иначе ему грозит нравственное, а затем и планетарное вырождение. Современная форма существования западного человека, приведя его к кризису расчеловечивания, усиливается сегодня именно угрозой вырождения. Шизофреническая атмосфера современного европейского способа зарабатывания денег, тотального потребления, извращённых желаний, антиприродных деформаций радикально уродует душу, разум, психику, да и весь генотип человека. Сегодня химериты занимаются культурой (творчеством) так же, как и обычные писатели, режиссёры, сценаристы, продюсеры, художники и т. д. Однако результаты их творчества, содержащие всю сложнейшую психопатологию их личности, крайне негативно влияют на социум. Особенно опасно появление таких людей во властных структурах. Оказавшись в правительстве, химериты проводят политику антигуманизма, деструкции, разложения и аморализма. Так создаётся мир вывернутых наизнанку ценностей. Такова природа появления античеловеческих законов и военных решений о массовых уничтожениях мирных жителей. Вот истоки создания партий педофилов, пропаганды детской порнографии и проституции, гомосексуализма, зоофилии, легализации наркотиков и т. д. Западный мир навязывает нам сегодня примеры подобной псевдо-гуманной, псевдо-толерантной, квази-гендерной политики с чудовищными образцами попрания здравой логики и всех общечеловеческих правовых норм.

Механизмы возникновения антихудожественных произведений и патологических образов в современном искусстве до сих пор не распознаны искусствоведами, театроведами, культурологами и прочими экспертами второй половины XX века, ибо это непопулярная (закрытая) область научных исследований. До сих пор принято считать, что процессы дегенерации сугубо индивидуальны (семейно-наследственные), не имеют широкого распространения и негативного социокультурного влияния. Но это не так. Законы пишутся конкретными людьми, а кризисы не возникают из космоса. Причина любого деструктивного начала социума – человек со всеми сложностями его психофизического и морально-нравственного содержания.

Процесс вырождения в современном (информационном) мире из психоантропологического феномена превращается в формы бурной и агрессивной экспансии мировой художественной культуры. За активной гомосексуализацией культуры идёт её разложение и уничтожение. В Европе и Америке ускоренными темпами нивелируются все морально-нравственные ценности и традиционные установки, включая христианско-православные каноны, социальные табу и семейные ценности. Ситуация в мире сегодня складывается таким образом, что любые действия и процессы, направленные на деструкцию и разложение национальных культур и традиционные морально-этические ценности (особенно православных государств), всячески поддерживаются мировыми финансово-олигархическими кланами, имеющими неограниченное влияние на мировые геополитические и глобально-экономические процессы. В понижении общечеловеческой духовно-нравственной и интеллектуальной планки заинтересованы сегодня архитекторы нового мирового порядка, так как это ведёт к повсеместному уничтожению института семьи и дальнейшему сокращению численности населения по всему миру. Тотальное оболванивание населения – залог полной и всецело контролируемой власти мировой олигархической верхушки (мировой закулисы). Все эти процессы деструктивной направленности привели современную европейскую цивилизацию к глубочайшему культурному кризису. А упадок образования, кризис мышления,

кризис духовности, фиксируемый отечественными и западными экспертами, всё более указывает на углубляющийся антропологический кризис планетарного масштаба.

Современный человек принципиально меняет своё социокультурное содержание, деформируя транскультурные ценности, накопленные человечеством за столетия. С помощью СМИ, телевидения и Интернета актуализируется устойчивая тенденция – тотальное порабощение всех внешних проявлений и реализаций человека. В результате такой мощнейшей обработки сознания происходит перестройка всей системы ценностных ориентаций человека, в которой доминирующей становится установка на потребление [14].

Главными предметами изображения в современном искусстве стали не жизнь, не человек, а распад, гниение человеческой личности. А сам способ изображения выродился в натуралистическую патологию. Сегодня как никогда остро стоит проблема дегенеративной экспансии в современной художественной культуре. Она заключается в существенной деформации и смещении основных критериев подлинной художественности, вымывании здоровой и нравственной составляющей современной культуры. Сегодня воинствующая дегенерация позиционирует себя в социуме очень активно и пронизывает общество сверху. Процесс вырождения проявляется в первую очередь в верхних эшелонах власти (командно-административных системах, финансово-олигархических структурах, транснациональных корпорациях и т. д.). Результатом деформированной психики и неадекватного восприятия окружающей действительности таких людей становятся абсурдные (античеловеческие, антигуманные) законы. Например, узаконивание педофилии или права на усыновление детей гомосексуальными парами. В силу того, что именно на верхних уровнях социальной пирамиды аккумулируются основные капиталы, власть и безграничные возможности, то поддержка вырождающихся кланов, находящихся на нижних уровнях социальной пирамиды (например, эстрадных и театральных «творцов»), объясняется просто. Именно им предоставляются льготные финансовые условия, широкая гастрольная деятельность, элитное эфирное время, обеспечивается широкое внимание СМИ, интерес гуманитарных институтов, создаётся «любовь широких масс» и т. д. Так в современной культуре набирают силу китч и культ «элитарного нездоровья». Услужливые СМИ, отечественное ТВ и Интернет активно формируют психологические установки и клише, деформирующие психику человека. С начала 90-х гг. XX в. отечественные (прозападные) СМИ поставили под вопрос саму «просветительскую идею человека». Бессодержательность, аморализм, идейное убожество, проповедь извращений и насилия стали характерными не только для западной, но и для отечественной культуры. Современное интернет-пространство (с неограниченными возможностями соцсетей) ежеминутно формирует огромные зоны опасных погружений российских пользователей (особенно молодых), увеличивая противоречивые и проблемные (часто ложные) взгляды на отечественную культуру, политику и т. д. Феномен вырождения западной идеологией используется именно в контексте «дегенерации национальной культуры». Тотальная европейская русофобия, извращённый взгляд на нашу историю и её современное развитие становятся не просто проблемой русской культуры, но и глобальной задачей национального выживания и противостояния русской цивилизации в современной геополитической, гибридной национально-культурной (необъявленной) войне Запада с Россией.

Заключение

Сегодня необходимо пересмотреть онтологическое основание социокультурной специфики европейской цивилизации, превращающейся в условиях глобализации в общемировую систему ценностных ориентиров. Но в чём позитивные моменты и фатальные перспективы? Кто способен проделать подобную сверхсложную задачу? Культурно-исторический опыт свидетельствует о том, что в рамках научной рациональности невозможно найти ответы на вызов современности и разработать аргументированную и эффективную стратегию как преодоления последствий современного антропологического кризиса, так и перехода к самоподдерживающемуся, гармоничному состоянию мира. Однако российское философское научное сообщество приближается к созданию новой социокультурной парадигмы, учитывающей все внутренние

национальные противоречия и сложности, а также всё многообразие геополитических и глобальных вызовов современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропологические вызовы современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь: Доля, 2008. – 96 с.
2. Давыдова, И. Н. Психология судьбы / И. Н. Давыдова. – М., 2012. – 196 с.
3. Дегенерация в творчестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://g-klimov.info/Second/index.html>].
4. Искусство эпохи вырождения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rupo.ru/m/1961/iskusstvo_epohi_vyrozhdeniya.html.
5. Кордюм, В. А. Генетическое вырождение [Электронный ресурс] / В. А. Кордюм. – Режим доступа: <https://zit-com.livejournal.com/92072.html>.
6. Лазарев, Ф. В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф. В. Лазарев, Б. А. Литтл. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 264 с.
7. Лазарев, Ф. В. Новый взгляд на философию XXI века [Электронный ресурс.] / Ф. В. Лазарев. – Режим доступа: http://pan-i.usoz.ru/publ/socialnye_tekhnologii/lazarev_f_v_novuj_vzgljad_na_filosofiju_xxi_vek_a/4-1-0-6.
8. Лазарев, Ф. В. Антропологический манифест / Ф. В. Лазарев // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2007. – 22 с.
9. Нордау, М. Вырождение. Современные французы / М. Нордау. – М.: Республика, 1995. – 431 с.
10. Поршневу, Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии) / Б. Ф. Поршневу. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
11. Федоров, Ю. В. Феномен вырождения (дегенерации) как существенный аспект аксио-антропологического кризиса современной техногенной цивилизации / Ю. В. Федоров // Таврійські студії. – 2012. – № 2. – С. 69-79.
12. Федоров, Ю. В. Феномен вырождения: социокультурные и творческие аспекты / Ю. В. Федоров. – Симферополь: СГТ, 2012. – 384 с.
13. Шванева, И. Н. Ноосферная психология: психология предназначения. В 2 кн. Кн. 1. / И. Н. Шванева. – М., 2005. – 190 с.
14. Шоркин, А. Д. Культурно-исторические тренды когнитивности: поиск методологических истоков // Учёные записки ТНУ имени В. И. Вернадского, 2000. – № 13(52). – С. 29-41.

Горенкин В. А.
V. A. Gorenkin

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

STRATEGIC DIRECTIONS OF SOCIAL AND CULTURAL POLICY REALIZATION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Горенкин Валерий Анатольевич – кандидат политических наук, доцент, ректор Крымского университета культуры, искусств и туризма (Россия, Симферополь); 295017, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Киевская, 39; тел.: + 7 (3652) 27-64-58. E-mail: mk.kukiit@mail.ru.

Mr. Valeriy A. Gorenkin – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Rector of the Crimean University of Culture, Art and Tourism (Russia, Simferopol); 295017, Republic Of Crimea, Simferopol, 39 Kievskaya str.; tel.: + 7 (3652) 27-64-58. E-mail: mk.kukiit@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена раскрытию основных стратегических направлений реализации современной социокультурной политики в Республике Крым. На основе анализа региональных нормативно-правовых актов и проводимых мероприятий автор предполагает, что ключевыми направлениями социокультурной политики являются вовлечение жителей полуострова в общероссийское социокультурное пространство, сохранение и развитие самобытных культур народов Крыма. Для совершенствования стратегии социокультурной политики необходимо, во-первых, определение ключевых региональных смыслов и ценностей, разделяемых различными этническими и конфессиональными группами, которые должны отражать не только общенациональную составляющую и традиционные аспекты, но и инновационные тенденции. Во-вторых, необходимо изменение парадигмы восприятия социокультурной среды: от культурно-досугового и развлекательного понимания культуры следует переходить к осознанию её как важного фактора экономического и социального развития, сохранения собственной этнической уникальности и источника модернизации страны.

Summary. The article is devoted to the disclosure of the main strategic directions of the implementation of modern socio-cultural policy in the Republic of Crimea. Based on the analysis of regional legal acts and events, the author assumes that the key areas of sociocultural policy are to involve the inhabitants of the peninsula in the all-Russian sociocultural space, as well as preserve and develop the original cultures of the peoples of Crimea. To improve the strategy of sociocultural policy, it is necessary, first, to identify key regional meanings and values shared by various ethnic and confessional groups, which should reflect not only the national component and traditional aspects, but also innovative trends. Secondly, it is necessary to change the paradigm of perception of the socio-cultural environment: we should move on from cultural, leisure and entertaining understanding of culture to understanding it as an important factor of economic and social development, preserving our own ethnic uniqueness and source of modernization of the country.

Ключевые слова: культура, стратегия, социокультурная политика, регион, идентичность.

Key words: culture, strategy, sociocultural policy, region, identity.

УДК 323.21:353

Актуальность заявленной темы обуславливается несколькими обстоятельствами разного порядка. Россия, являясь полиэтнической страной, всё ещё находится на пути становления собственной национальной идентичности и национальной идеи. Этот процесс нуждается в тщательном, и что важно – постоянном анализе, позволяющем внесение своевременных корректировок, в результате которых возможно соблюдение необходимого равновесия между сохранением этнической идентичности многочисленных народов России и формированием идентичности национальной. Значение последней невозможно переоценить – ведь именно национальная идентичность является основой формирования единого социокультурного пространства, для чего необходимо

выработать как общую стратегию политического развития, так и региональные её варианты, учитывающие особенности «на местах». Одним из таких «мест» является Крым, где после воссоединения с Российской Федерацией в контексте разнообразных интеграционных процессов и на фоне межэтнических противоречий возникла необходимость как в осмыслении места в «общегосударственном» масштабе, так и выработке новой региональной стратегии социокультурной политики, позволяющей эффективно решить комплекс гуманитарных проблем, накопившихся за последние десятилетия. Это, в свою очередь, требует не только использования разнообразного опыта реализации социокультурной политики других полиэтнических регионов России, но и определения собственной региональной стратегии и выработки с учётом местной специфики адекватных механизмов её реализации.

Специфика реализации социокультурной политики в полиэтнических регионах России является предметом интереса многих современных авторов, среди которых выделим научные труды С. Д. Бакулиной, Я. З. Гарипова, Г. М. Королевой, С. С. Кучинского, В. А. Нагорной, А. А. Озерова, В. П. Свечкарева, Л. В. Тарасенко, Е. В. Хлыщевой, А. Ю. Шадже и др. Отдельные аспекты регионального стратегического планирования стали предметом исследований таких отечественных авторов, как О. Н. Астафьева, В. Г. Марача, И. Г. Пивень, Т. А. Мартынова, С. Б. Брижатова, Н. А. Кочеляева и др. При этом следует отметить, что в настоящее время практически отсутствуют полноформатные исследования, связанные с особенностями реализации социокультурной политики в Крыму после его воссоединения с Россией. Однако необходимо оговорить, что проблема современных межэтнических отношений в Крыму в психолого-культурологическом аспекте была детально рассмотрена в междисциплинарном монографическом исследовании (под руководством Е. В. Черного), проведённом коллективом учёных Крымского федерального университета и Крымского университета культуры, искусств и туризма [21]. Значительное внимание вопросам социокультурных особенностей Крыма было уделено и специалистами РАНХиГС в работе «Новые регионы Российской Федерации в социально-культурных и политических процессах» [15].

В статье под социокультурной политикой понимается постоянный системный процесс сознательной координации действий и решений субъектов власти и гражданского общества, обеспечивающий культурное развитие в соответствии с социальными интересами. Основным её субъектом выступает государство, традиционно обладающее максимальным количеством разнообразных ресурсов. При этом роль остальных действующих лиц (от местных органов власти и некоммерческих организаций до отдельных граждан с активной политической позицией) должна возрасти настолько, чтобы (в перспективе) в своей совокупности уравновесить баланс интересов в процессе принятия важных политических решений.

Важнейшим принципом социокультурной политики является то, что её реализация в Республике Крым проводится в рамках общенациональной социокультурной политики Российской Федерации. В процессе её осуществления органы государственной власти Крыма действуют в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, а также нормативно-правовыми актами республиканского уровня.

Ключевым субъектом реализации социокультурной политики на полуострове является Министерство культуры Республики Крым, которое выполняет функции нормативно-правового контроля в сфере культуры и искусства, осуществляя при этом межотраслевое администрирование и координацию в случаях взаимодействия с иными органами власти Республики Крым (к примеру, с Государственным комитетом по охране культурного наследия Республики Крым).

Если обратить внимание на законодательную основу реализаций социокультурной политики в Крыму, то следует отметить, что, кроме общенационального законодательства Российской Федерации, выступающего «юридическим фундаментом», на территории полуострова действуют региональные нормативно-правовые акты, отражающие местную специфику и в различных аспектах регулирующие социокультурную политику и культурную жизнь. Среди них необходимо выделить:

- Закон Республики Крым от 30 декабря 2015 г. № 199-ЗРК/2015 «О библиотечном деле»;

- постановление Государственного Совета Республики Крым от 26 марта 2014 г. № 1841-6/14 «О мероприятиях, направленных на сохранение культурных ценностей»;
- постановление Совета министров Республики Крым от 14 апреля 2015 г. № 199 «О бесплатном и льготном посещении музейных учреждений Республики Крым»;
- распоряжение Совета министров Республики Крым от 04 февраля 2016 г. № 105-р «Об утверждении плана этнокультурных мероприятий, направленных на повышение интереса к истории и культуре народов Крыма, улучшение экскурсионной деятельности в Республике Крым на 2016 год»;
- приказ Министерства культуры Республики Крым от 08 июля 2015 г. № 50 «Об экспертно-закупочной комиссии Министерства культуры Республики Крым по приобретению культурных ценностей» и др.

Кроме того, акцентируем внимание на том, что в «Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» одной из ключевых целей обозначено «формирование принципиально нового культурного пространства» – такой среды, которая будет содействовать раскрытию культурных возможностей представителей всех этнических групп полуострова. В данном законодательном документе также отмечено, что преодоление социальных рисков в межнациональной сфере возможно посредством таких механизмов, как формирование системы мониторинга и раннего предупреждения межэтнических конфликтов, разработка системы информационной поддержки укрепления общенационального единства, а также развитие на местной этнокультурной основе региональной (общекрымской) идентичности [5].

Статья 37 Конституции Республики Крым гарантирует каждому человеку свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания; право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям, а также создание и обеспечение равных условий для сохранения и развития культур всех проживающих в ней народов [4]. Данные конституционные принципы выступают основой для всех нормативно-правовых актов, регламентирующих реализацию социокультурной политики в республике с учётом общенациональных социокультурных приоритетов и региональных интересов полиэтнического населения полуострова.

Отдельно следует отметить то, что одним из важных документов, способствующих снятию напряжения в сфере межэтнических отношений в Республике Крым, является Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [2].

Особо выделим государственную программу «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым на 2017–2020 годы», в рамках которой осуществляется финансирование различных социокультурных мероприятий и контроль их выполнения [6]. По существу, на данный момент эта программа является основным региональным стратегическим документом, в котором сделан акцент на улучшении инфраструктуры социокультурного пространства полуострова. В настоящее время на его территории функционируют 663 единицы библиотечных учреждений, 35 единиц музейных учреждений, 549 единиц учреждений культурно-досугового типа, среди которых отметим 1 республиканское, 27 городских, 521 сельских учреждений, 4 театра, 1 концертную организацию, 1 цирк, 79 объектов киносети, 3 республиканских образовательных учреждения (среди которых 1 вуз) и 65 детских школ эстетического воспитания [8].

Следует отметить, что в настоящее время в Республике Крым нет регионального закона о культуре. На данный момент существует его проект (размещён на сайте Государственного Совета Республики Крым), статьи которого, в частности, статья 6 «Равное достоинство культур народов и иных этнических общностей Республики Крым, их прав и свобод в области культуры» и статья 7 «Права, гарантии и обязанности граждан в области культуры» посвящены урегулированию вопросов, связанных с межэтническими отношениями [9]. С нашей точки зрения, этот документ должен содержать не только положения общенационального законодательства, но и отражать со-

временные аксиологические, коммуникативные и управленческие принципы [11; 12], позволяющие выделить крымский региональный вектор в современной социокультурной политике России. Трудно не согласиться с мнением Н. К. Гасановой, которая в своей работе «Мультикультурализм в культурной политике» справедливо заметила, что практика жизни разных поликультурных государств доказывает следующее: формирование консенсуса среди представителей разных социокультурных групп не может быть осуществлено на основании универсальных принципов взаимной толерантности, так как «они должны дополняться регионально-специфическими технологиями и методами влияния» [17, 6]. С нашей точки зрения, отсутствие регионального закона о культуре негативным образом сказывается на нормативно-правовой поддержке реализации социокультурной политики в Республике Крым.

Далее обратим внимание на стратегию реализации социокультурной политики в Крыму. Отметим, что в рамках данной статьи за основу взято определение, предложенное в презентации О. Н. Астафьевой «Творческие активы культурного развития: от стратегии государства к стратегиям организаций» (6-7 июня 2017 г., г. Симферополь), согласно которому «Стратегия государственной культурной политики – это совокупность современных взглядов, ценностных установок, принципов и приоритетов деятельности правительства и других окружных органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере культуры» [13, 1]. Несмотря на то, что в Крыму ещё не существует Стратегии социокультурного развития (как специального нормативно-правового документа), тем не менее, если исходить из данного определения, можно попытаться определить некий общий знаменатель в приоритетах, взглядах и ценностных установках субъектов власти и гражданского общества.

Какое же направление социокультурной политики в Республике Крым можно назвать стратегическим? По нашему мнению, в данный момент ключевым направлением деятельности Министерства культуры Республики Крым выступает вовлечение жителей полуострова в общероссийское социокультурное пространство, от которого они были искусственно оторваны в период нахождения под украинской юрисдикцией. Конечным результатом данной деятельности должно стать формирование общенациональной российской идентичности, для чего системно проводятся мероприятия, способствующие активному приобщению населения полуострова к культуре России. Данное направление хорошо согласуется с Указом Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (подпункт «а» пункта 12), который предполагает укрепление «российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации» [3]. В данном контексте хотелось бы изложить идею необходимости проведения ежегодного республиканского фестиваля единства народов Крыма с возможной перспективой его трансформации в праздник Дня единства народов Крыма. С нашей точки зрения, проведение данного фестиваля в масштабе Республики ускорит процесс формирования региональной (крымской) идентичности как общей основы для российской гражданской идентичности. Утверждение Дня единства народов Крыма как республиканского праздника может повысить уровень патриотических настроений населения полуострова и способствовать национально-социальной интеграции и солидарности.

Особым объектом социокультурной политики должна стать молодёжь. Хорошим источником формирования гражданско-патриотической позиции крымской молодёжи могут стать молодёжные обмены с другими полиэтническими регионами нашей страны (в том числе на базе образовательных учреждений в сфере культуры). Реализация программы молодёжных обменов жителей Крыма с другими полиэтническими регионами России позволит молодым людям получить и укрепить как личные, так и организационные дружеские отношения, обмениваться опытом гармонизации межэтнических отношений, лучше узнать административно-территориальное устройство России, её региональное и культурное разнообразие.

В продолжение разговора о формировании условий для усиления молодёжных инициатив выразим идею необходимости создания объединений по типу «студенческих» («молодёжных») клубов при учреждениях культуры Крыма (музеях, библиотеках и пр.). Положительный опыт

существования подобных организаций, в том числе и в Российской Федерации, показывает, что студенческие клубы являются одной из наиболее удачных форм приобщения молодёжи к художественным, духовно-нравственным и культурным ценностям; способствуют формированию интереса к профессиональной деятельности (например, к подготовке потенциальных помощников в музеях и театрах); способствуют поддержке волонтерских и добровольческих движений в сфере культуры, о чём, к примеру, свидетельствует опыт Государственного Эрмитажа, где студенческий клуб «Эрмитаж» существует с 14 ноября 2000 г. и в настоящее время трансформирован в Молодёжный центр. Опыт Эрмитажа, на наш взгляд, можно и даже нужно применять в социокультурном пространстве Крыма. Так, создание подобных студенческих организаций при музеях Крыма художественной направленности (например, Симферопольский художественный музей, национальная картинная галерея имени И. К. Айвазовского) позволит привить интерес активной молодёжи к искусству и истории художественной культуры Крыма, а при музеях этнокультурной направленности (например, Симферопольский этнографический музей, Крымско-татарский музей культурно-исторического наследия) будет способствовать укреплению региональной культурной идентичности на основе этнокультурных ценностей народов Республики Крым и Российской Федерации; при музеях исторической направленности (например, музей истории города Симферополя, Керченский историко-культурный заповедник) будет способствовать формированию и укреплению российской гражданской идентичности крымской молодёжи.

Следует обратить внимание на подпункт «к» пункта 12 вышеупомянутого указа президента, в котором говорится о необходимости «поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации» [3]. Всё чаще в нашей стране на различных уровнях говорят о необходимости привлечения добровольцев к делу сохранения культурного наследия, и закономерно, что 2018 год объявлен Годом волонтера. Приобщение молодёжи к добровольческой деятельности в сфере культуры позволит не только повысить её профессиональный уровень, но и будет способствовать популяризации историко-культурного наследия, возникновению и поддержке интереса к родной культуре, истории и пр. На сегодняшний день волонтерские студенческие объединения довольно широко распространены в вузах России (например, клуб волонтеров «Созидание» Сочинского государственного университета, волонтерское движение Оренбургского государственного аграрного университета и т. д.).

Специфика волонтерского движения в сфере охраны культурного наследия предполагает обучение заявленной деятельности, и, на наш взгляд, наиболее органичными волонтерскими молодёжными объединениями при образовательных учреждениях в сфере культуры Крыма могли бы стать добровольческие отряды или волонтерские группы студентов направлений подготовки «Музеология и охрана объектов культурного наследия», «Дизайн», знакомые со спецификой несложных реставрационных и ремонтных работ. Создание таких объединений также будет способствовать интеграции Крыма в общероссийское пространство посредством обучения потенциальных волонтеров в «школах» при Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) [16].

Примечательно, что в настоящее время проводится активная работа, направленная на то, чтобы снять административные ограничения для волонтеров в сфере сохранения культурного наследия «и открыть дорогу свободному развитию волонтерства, в 2018 году планируются изменения в законодательстве. В Госдуме рассматривались два законопроекта о добровольчестве. ... Согласно инициативе государственные органы – как федеральные, так и субъектов России – смогут поддерживать добровольческие организации по программам разного уровня и сами привлекать волонтеров к решению различных задач» [23]. Как известно, в начале мая 2018 г. на законодательном уровне данная проблема была урегулирована.

Вторым не менее важным стратегическим направлением выступает *сохранение и развитие самобытных культур Крыма*. К примеру, распоряжением Совета министров Республики Крым от 04 февраля 2016 г. № 105-р «Об утверждении плана этнокультурных мероприятий, направленных на повышение интереса к истории и культуре народов Крыма, улучшение экскурсионной дея-

тельности в Республике Крым на 2016 год» [7] был определён перечень специальных мероприятий, направленных на развитие и популяризацию историко-культурного наследия народов Крыма.

Следует отметить, что региональные национально-культурные автономии и общественные организации народов Крыма играют заметную роль в гармонизации межэтнических отношений, формировании атмосферы толерантности на базе ценностей полиэтнического российского общества, соблюдении прав и свобод человека, поддержании межнационального мира и согласия.

Знаковым стратегическим социокультурным событием является ежегодный Международный фестиваль «Великое русское слово», состоящий из целого комплекса мероприятий и являющийся «визитной карточкой» полуострова. В его рамках в 2018 году проводился уже четвёртый по счёту Международный Ливадийский форум, который является одним из центров формирования стратегических смыслов не только современной региональной, но и общенациональной, и даже международной социокультурной политики России.

В качестве примера, иллюстрирующего эффективность реализации социокультурной политики в сфере межэтнических отношений в Крыму, приведём социологические данные репрезентативного опроса представителей крымских татар (за октябрь 2015 г.), который провело Федеральное агентство по делам национальностей и согласно которому «каждый пятый (21 %) опрошенный заявил о положительных изменениях в положении крымских татар после вхождения в состав России», а также «вдвое больше крымских татар готовы были бы проголосовать за присоединение Крыма к России, чем на референдуме 2014 года» [24]. Акцентируем внимание также на то, что, к примеру, только на 2017 год Министерством культуры Республики Крым было запланировано 373 основных мероприятия, отражающих сбалансированное единство регионального и общенационального социокультурного вектора [10].

Впрочем, данный подход актуален и для других полиэтнических регионов России. К примеру, подобной точки зрения придерживается А. Ю. Шадже, которая в исследовании межэтнических проблем Северного Кавказа отмечает, что на основе общероссийской культуры можно укрепить чувство принадлежности к единой российской нации и российскую гражданскую идентичность. «Это будет способствовать, с одной стороны, сохранению и развитию русского языка как объединяющего фактора, а с другой – формированию гражданского сознания в поликультурной среде и укреплению патриотизма в нашей стране» [25, 206]. Хотелось бы также заметить, что крымский регионализм не должен быть провинциализмом, разницу между которыми хорошо определил С. Г. Лавлинский: провинция дистанцирована от центра, регионализм же возможен тогда, когда появляется выход за собственные культурные пределы в межрегиональное пространство, где возможно сопоставление с другими на основе коммуникативных связей [19].

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. На данный момент на региональном уровне в Республике Крым преобладает «прямая административная», или «патерналистская», модель управления социокультурной политикой. Это обусловлено, в первую очередь, сравнительно небольшим пребыванием Республики в новом правовом и политическом поле. Кроме того, крымское сообщество в значительной степени неоднородно и не всегда на уровне отдельных этнических групп однозначно воспринимает совершаемые политические действия и принимаемые решения. Переход к «партнёрской» модели – это вопрос ближайшего будущего, решение которого зависит не только от готовности заинтересованных лиц к участию в процессах формирования и развития социокультурного пространства полуострова, но и от осознания ими всей полноты ответственности за возможные принятые решения. Это возможно при обязательном вовлечении в социокультурную политику всех без исключения этнических общностей, каждая из которых должна найти локальные смыслы, позволяющие понять свою роль в данном процессе, соизмеримые со стратегическими.

2. Для Республики Крым стратегическими являются социокультурные проекты, направленные на формирование как *государственной (российской)*, так и *региональной (крымской) идентичностей*, имеющих интегративный статус, и, следовательно, снимающих ряд принципиальных противоречий в обустройстве общего этнокультурного пространства полуострова. Это, в свою оче-

редь, в полной мере соответствует Стратегии развития культуры федерального масштаба и, следовательно, отвечает национальным интересам государства и российского общества.

3. Несмотря на наличие значительного количества законодательных механизмов, следует отметить, что в настоящее время в Республике Крым нет регионального закона о культуре. Этот документ должен содержать не только положения общенационального законодательства, но и отражать современные *аксиологические, коммуникативные и управленческие* принципы, позволяющие выделить крымский региональный вектор в современной социокультурной политике России. С нашей точки зрения, его отсутствие негативным образом сказывается на нормативно-правовой поддержке реализации социокультурной политики в Республике Крым и для формирования Стратегии данный вопрос должен быть решён в первоочередном порядке.

4. Для того чтобы Стратегия социокультурной политики не была простым набором деклараций и лозунгов, но выступала понятным ориентиром для всех представителей крымского сообщества, необходимо, *во-первых*, определить ключевые региональные смыслы и ценности («миссию региона»), разделяемые различными этническими и конфессиональными группами. Очевидно, что они должны отражать не только общенациональную составляющую и традиционные аспекты, но и инновационные тенденции, в рамках которых возможно преодолеть местные разногласия. При этом процесс региональной самоидентификации будет успешным в том случае, если в процессе реализации социокультурной политики не будет попыток прямого навязывания «готовых» мировоззренческих ценностных установок и проходить он будет в условиях поддержки атмосферы диалога и позитивных инициатив самоорганизованного крымского сообщества. В рамках этой системы стратегических смыслов каждый народ Крыма должен иметь возможность определения своего достойного места не только в региональном, но и общенациональном масштабе, только в этом случае он будет себя чувствовать неотъемлемой частью большой страны. Не зря девизом Республики Крым, написанным на её гербе, являются слова: «Прцветание в единстве». *Во-вторых*, необходимо изменение парадигмы восприятия социокультурной среды как в обыденном сознании отдельного человека, так и на уровне представителей региональных и муниципальных государственных структур: от культурно-досугового и развлекательного понимания культуры надо переходить к осознанию её как *важного фактора экономического и социального развития, сохранения собственной этнической уникальности и источника модернизации* страны, и, следовательно, повышения уровня защиты и благосостояния всех без исключения граждан независимо от происхождения и положения в обществе. Иначе говоря, развивать культуру нашего общества – это не только «красиво» и «интересно», но ещё и выгодно не только государству в целом, но и отдельному человеку в частности. Именно в таком ракурсе, на наш взгляд, можно найти возможность согласования индивидуальных, коллективных и общегосударственных интересов, связанных с ролью культуры в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: Федер. закон от 12 февраля 2015 г. № 9-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития: Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 [Электронный ресурс] // – Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 года) [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Крым. – Режим доступа: http://rk.gov.ru/rus/file/constitution_rk.pdf.

5. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года: Закон Республики Крым от 09 января 2017 г. № 352-ЗРК/2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Крым. – Режим доступа: <http://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/strategy-fullvers.pdf>.
6. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Развитие культуры, архивного дела и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым» на 2017–2020 годы и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета министров Республики Крым: постановление Совета министров Республики Крым от 31 января 2017 г. № 28 [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Крым. – Режим доступа: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_326608.pdf.
7. Об утверждении плана этнокультурных мероприятий, направленных на повышение интереса к истории и культуре народов Крыма, улучшение экскурсионной деятельности в Республике Крым на 2016 год: распоряжение Совета министров Республики Крым от 04 февраля 2016 г. № 105-р [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Крым. – Режим доступа: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_278702.pdf.
8. Отчёт о деятельности Министерства культуры Республики Крым на 30 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры Республики Крым. Статистические данные. – Режим доступа: https://mkult.rk.gov.ru/ru/structure/2018_07_27_09_29_otchet_o_deiatelnosti_na_30_06_2018.
9. Проект «Закон Республики Крым о культуре» [Электронный ресурс] // Государственный Совет Республики Крым. – Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/project/149.pdf>.
10. План основных организационных и культурно-массовых мероприятий Министерства культуры Республики Крым на 2017 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Республики Крым. – Режим доступа: http://mkult.rk.gov.ru/file/plan_na_2017.pdf.
11. Астафьева, О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8) [Электронный ресурс] / О. Н. Астафьева // Культурологический журнал. – 2011. – № 2(4). – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6.
12. Астафьева, О. Н. Культурная политика России: теория – реальность – перспектива / О. Н. Астафьева // Государственная служба. – 2010. – № 1. – С. 68-73.
13. Астафьева, О. Н. Творческие активы культурного развития: от стратегии государства к стратегиям организаций [Презентация] / О. Н. Астафьева // Научно-образовательный центр «Гражданское общество и социальные коммуникации» РАНХиГС, 6-7 июня 2017 г. – Симферополь, Республика Крым.
14. Брижатова, С. Б. Стратегия социокультурного развития регионов: программно-технологический аспект [Электронный ресурс] / С. Б. Брижатова // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – № 1(4). – С. 43-46. – Режим доступа: <http://www.iwep.ru/documents/ru/journal/contents/journal/4/pages043-046.pdf>.
15. Васильева, О. Ю. Новые регионы Российской Федерации в социально-культурных и политических процессах / О. Ю. Васильева, И. В. Голубченко, О. В. Коротеева. – М., 2016. – 48 с.
16. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volunteer.voopik.ru>.
17. Гасанова, Н. К. Мультикультуризм в культурной политике / Н. К. Гасанова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. – 222 с.
18. Кочеляева, Н. А. Стратегическое планирование в сфере культуры: российский опыт региональной культурной политики / Н. А. Кочеляева // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – Т. I. – С. 206-211.
19. Лавлинский, С. Г. Региональная культурная политика: философский аспект / С. Г. Лавлинский // Вестник Тамбовского университета. – 2007. – Вып. 6(50). – С. 200-203.
20. Марача, В. Г. Региональное стратегическое планирование: основные подходы и условия реализации [Электронный ресурс] / В. Г. Марача // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – № 11. – С. 35-42. – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/65>.
21. Межкультурные коммуникации: размерность и измерения (социально-психологическое исследование межкультурных коммуникаций и возможности их оптимизации в полиэтничном пространстве Республики Крым): монография / под. общ. ред. Е. В. Черного. – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – 222 с.
22. Пивень, И. Г. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона [Электронный ресурс] / И. Г. Пивень, Т. А. Мартынова // Новые технологии. – 2011. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-sotsialno-ekonomicheskim-razvitiem-regiona>.
23. Парламентская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/cokhranit-obekty-kulturnogo-naslediya-pomogut-volontyory.html>.

24. Презентация Федерального агентства по делам национальностей: итоги 2015 года [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам национальностей. – Режим доступа: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/757/original/FADN_Itoqi_21.12.pdf?1450702263.
25. Шадже, А. Ю. Культурный фактор инновационного развития полиэтничного региона / А. Ю. Шадже // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2015. – Вып. 3(163). – С. 201-206.

Ишутина Ю. А.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ»
В ПАРАДИГМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

Ишутина Ю. А.

Y. A. Ishutina

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ» В ПАРАДИГМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

**ON THE NATIONAL IDEA «GREAT REVIVAL OF THE CHINESE NATION»
IN THE PARADIGM OF IMPLEMENTATION OF «CHINESE DREAM»**

Ишутина Юлия Александровна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой китаеведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Суханова, 8. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Ms. Yuliya A. Ishutina – PhD in Culture studies, associate professor, the head of the Chinese Department, The Oriental Institute – School of Regional and International Researches, Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690091, Primorsky territory, Vladivostok, 8 Sukhanova str. E-mail: ishutina.yua@dvfu.ru.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о формировании национальной идеи великого возрождения китайской нации в рамках стратегии длительного развития «Китайская мечта». Гипотеза исследования заключается в том, что пятое поколение китайских политиков, тщательно изучив и восприняв опыт предшественников, не только отказалось от некоторых неосуществимых на данном этапе проектов (например, «Построение общества социальной гармонии» 社会和谐 shèhuìhéxié), но и сумело задать вектор развития новой национальной идеи великого возрождения китайской нации (中华民族伟大复兴 zhōnghuá mínzú wéidà fùxīng), осуществляемой в парадигме долгосрочной стратегии развития «Китайская мечта» (中国梦 Zhōngguó mèngxiǎng).

Summary. The article considers the formation of the national idea of the «Great Revival of the Chinese Nation» within the framework of the «Chinese Dream» long-term development strategy. The hypothesis of the study is that the fifth generation of Chinese politicians, having carefully studied and apprehended the experience of their predecessors, not only refused some projects that were not feasible at this stage (for example, «building a society of social harmony» 社会和谐 shèhuìhéxié), but also managed to set the vector of development the new national idea of the «Great Revival of the Chinese Nation» (中华民族伟大复兴 zhōnghuá mínzú wéidà fùxīng), implemented in the paradigm of the long-term development strategy of the «Chinese Dream» (中国思想 Zhōngguó mèngxiǎng).

Ключевые слова: конфуцианство, национальная идея, плакат, Большой Китай, формирование идентичности, традиция и современность.

Key words: Confucianism, national idea, poster, Greater China, identity formation, tradition and modernity.

УДК 394

Развитие Китая в период новейшей истории обусловлено взаимным влиянием двух важнейших факторов – острой потребностью в социально-экономическом развитии и социокультурной спецификой самого многочисленного социума в современном мире. Будучи густонаселённой страной не только за исследуемый период, но и на протяжении всего своего существования, Китай всегда находился в прямой зависимости от кризисов, возникающих вследствие диссонанса инертности народных масс и необходимости быстрого регулирования ситуаций с учётом актуального механизма традиционной культуры. Научному сообществу широко известны основные вехи и особенности политического дискурса Коммунистической партии Китая (КПК), этому вопросу посвящены фундаментальные работы отечественных авторов [2; 3; 4]. Тем не менее, полные исследования в современном Китае, а именно на северо-востоке (провинция Хэйлунцзян) и на востоке (город центрального подчинения Шанхай), дают возможность проследить динамику

развития претворяемых в жизнь стратегий долгосрочного развития КНР и определить некоторые формы репрезентации национальных идей на уровне повседневности.

Спецификой китайского пути развития, начиная с триумфального утверждения нового Китая, являются сложные процессы реформирования социально-экономического развития, общественного сознания и официальной идеологии. По мнению А. В. Виноградова, «каждый новый вызов современности всегда вызов не только общественному строю и действующим политическим механизмам, но и лежащей в основе идеологии» [2]. В китайском случае появление идейных альтернатив (типа секты «Фалуньгун» как реакции на застой в 1980-е гг.) не только чревато возникновением волнений, но с учётом многонациональной специфики плюс огромной популяции населения способно привести к дестабилизации внутренней политической ситуации, что крайне опасно для мировой политической ситуации в том числе. Гипотеза исследования заключается в том, что пятое поколение китайских политиков, тщательно изучив и восприняв опыт предшественников, не только отказалось от некоторых неосуществимых на данном этапе проектов (например, «Построение общества социальной гармонии» 社会和谐 shèhuìhéxié), но и сумело задать вектор развития новой национальной идеи великого возрождения китайской нации (中华民族伟大复兴 zhōnghuá mínzú wéidà fùxīng), осуществляемой в парадигме долгосрочной стратегии развития «Китайская мечта» (中国梦 xiǎng Zhōngguó mèngxiǎng).

В научно-публицистической литературе широко освещён феномен стратегии «Китайская мечта» и основные направления, по которым происходит реализация этой стратегии. В нашем исследовании мы делаем фокус на процессе формирования одноимённой национальной идеи и «воображаемого сообщества» в понимании Б. Андерсона [1]. Если принять «Китайскую мечту» как составную часть идеологии, то можно обнаружить, что она имеет глубокое комплексное содержание, включающее понятия и нормы отношений, принятые как в традиционной, так и в самобытной китайской марксистской культуре, то есть эта концепция не только репрезентирует утилитарно-политическую матрицу, но и позволяет обрести определённое место национальной идее великого воссоздания китайской нации в системе национально-исторического бытия китайского народа. Одновременно стратегия «Китайская мечта», если рассматривать её как часть актуализированной идеологии, представляет собой преломление национальной идеи великого воссоздания китайской нации. Вопрос в том, насколько быстро она приживётся и сможет ли стать актуальной для жителей Большого Китая.

Стратегия долгосрочного развития общества «Китайская мечта» имеет конечной целью «возрождение китайской нации» и «создание богатого, могущественного демократического, цивилизованного социалистического государства» (Си Цзиньпин, 2012 год) [5]. Умело сочетая использование марксистской и конфуцианской символики и идею преемственности, Председатель КНР Си Цзиньпин обозначил две промежуточные вехи: 2021 год (столетний юбилей КПК) и 2049 год (столетний юбилей КНР) как временные ориентиры, которым необходимо осуществить задачу создания «общества средней зажиточности» (小康 xiǎokāng) и становления КНР как сверхдержавы соответственно. Идея построения *сяокан* восходит не только к известному высказыванию Дэн Сяопина, применившего его относительно современной ему китайской ситуации, но и выше – к прецедентному высказыванию, взятому из высокой китайской истории, что символично вдвойне.

Си Цзиньпин активно пользуется приёмом своих предшественников и демонстрирует блестящее знание китайской классики. Так, вводя «Концепцию новой нормы» в парадигму стратегии «Китайская мечта» на IV Пленуме ЦК КПК, он призвал «не забывать первоначальных намерений», используя фразу Сунь-цзы (不忘初心 bùwàngchūxīn) [6]. Налицо обращение к конфуцианским ценностям, как это бывало не раз в переходные периоды современной китайской истории, например, при Юань Шикае, на начальном этапе «утверждения курса» в начале 1960-х, политики реформ и открытости в конце 1970-х, во время противостояния студентов и власти в конце 1990-х. С культурологической точки зрения, эффективное использование традиционных знаков культуры всегда подчёркивает серьёзность намерений и вместе с тем доходчиво для китайского обывателя.

Ишутина Ю. А.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «ВЕЛИКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ»
В ПАРАДИГМЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

Содержательно «Китайская мечта» наполнена стратегическими проектами геоэкономического толка «Экономический пояс шёлкового пути» и «Морской шёлковый путь для XX века», в 2013 году объединёнными под названием «Один пояс – один путь» (一帶一路 yídàiyílù). Как известно, целью является укрепление социально-экономического сотрудничества со странами Центрально-Азиатского региона.

На бытовом уровне транслируется возможность получения выгоды для Китая в целом, так как безопасность и стабильное развитие в эпоху турбулентности мирового рынка, а также мирного возвышения Китая гарантирует урегулирование сложной обстановки в СУАР (Синьцзян-Уйгурском автономном районе), где провокационные элементы ведут террористическую деятельность, а существенное разбавление мусульман ханьским населением не приносит ожидаемых результатов. Экономическая выгода и создание безопасной ситуации в регионе дадут возможность КНР сосредоточить военную мощь в акватории «Коровьего языка» в Жёлтом море и контролировать зону интересов КНР на уровне первой островной гряды.

Популярность концепции «Один пояс – один путь» достаточно широка и принята к реализации на уровнях провинций. Так, например, на третьей линии метро г. Харбина среди других реклам социального назначения размещена и такая: «Активно участвуем в реализации проекта «Шёлковый путь провинции Хэйлунцзян!» («深入推进龙江丝路带建设» shēnrútuījìnlóngjiāngsīlùdàijìànshè). Налицо не только активная поддержка внешнеполитического курса КПК, но и осознание местными властями важности работы в интересах жителей указанной провинции, которой предстоит подтянуться в экономических показателях. В данном случае под «Шёлковым путём» подразумевается развитие транспортного сообщения и включённость территории в общегосударственную политику великого воссоздания нации в современных условиях глобальных вызовов.

В рамках реализации стратегии создания богатого, могущественного, демократического общества на IV Пленуме ЦК КПК Си Цзиньпином была предложена беспрецедентная концепция управления «Новая норма», в которой обозначены цели «достижения баланса между регионами, создания высокой экономической структуры всех регионов КНР, борьбы за сохранение экологии, смены центра тяжести с внешних рынков на внутренние, отказа от дешёвой оплаты труда», заявлено о «борьбе с коррупцией и управлением по закону», что может быть осуществлено только при условии корреляции между традиционной китайской этикой управления и законом. Исторически сложилось так, что закон не может восприниматься как абсолютная консолидирующая идея, гораздо более значим авторитет и воля правителя, для нравственной оценки которого значимо следование символам, верность конфуцианским и марксистским идеям, подвергшимся сильной китайизации.

В рамках реализации «Китайской мечты» Си Цзиньпин совершил два последовательных шага: для начала ввёл комиссию советников из наиболее доверенных и профессиональных партийцев, фактически поставив её выше ЦК КПК, затем окончательно зафиксировал личный авторитет, получив законодательно оформленное одобрение Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) на пожизненное правление КНР в марте 2018 г. Первый шаг позволил Си Цзиньпину начать реализацию управления в рамках закона, так как созданная им комиссия имеет исключительную контролирующую функцию в деле борьбы с коррупцией; второй шаг был совершён в духе следования конфуцианской традиции и позволил окончательно закрепить за товарищем Си почётное звание «ядро китайской системы».

На уровне повседневности КПК предпринимает хорошо освоенные и эффективные меры пропаганды и внедрения национальных идей посредством СМИ и учебников, проведения партийных собраний в организациях, еженедельных уроков политинформации для школьников и студентов, а также агитации с помощью плаката. Последний видоизменился, отвечая требованиям времени и приобрёл вид социальной рекламы, размещаемой либо в рекламных блоках на телевидении, либо в виде печатной продукции на улицах китайских городов и транспортных узлах.

В исследуемых регионах КНР (менее развитый северо-восток и процветающий восток), не менее шести раз в день по главному провинциальному каналу транслируют новостные телепередачи с тщательно подобранной программой репортажей, повествующих о выполнении заданного курса стратегии «Китайская мечта», непосредственно связанных с укреплением социально-экономического положения китайской нации. Все сюжеты выполнены в стиле информационной подачи успехов социалистического строительства, изобилуют цифрами и фактами из области социально-экономического развития КНР. Кроме того, существует информационный кластер, в который включена помимо прочей социальная реклама, сюжеты укладываются в парадигму великого воссоздания китайской нации с опорой на конфуцианские ценности, например, гармоничного сосуществования человека и природы (реклама против уничтожения носорогов, акул, тигров и т. п.). Для участия в роликах приглашают китайских знаменитостей, успешных в карьере и имеющих репутацию меценатов, – Яо Мина, Джеки Чана и т. д.). В социальной рекламе в метро популярна тема построения гармоничного общества, внимательного к пожилым и детям (размещение баннеров с изображением стариков в птичьих клетках и призывом не оставлять их в одиночестве дома), призывом к бережливости и уважению к труду (фотографии загорелых лиц и натруженных рук крестьян), утверждением авторитета семьи и материнства (стилизованная китайская вырезка с силуэтом матери, несущей за спиной ребёнка). Эта реклама сопровождается отсылкой к постулатам конфуцианской культуры, подчеркивает её величие и понимание как основы китайской нации.

Необходимо отметить существование бóльшего объёма социальной рекламы, направленной на формирование национальной идеи «Великого воссоздания китайской нации» в отдельных провинциях, очевидно, вследствие региональных отличий в экономическом развитии. Среднестатистический житель такого мегаполиса, как Шанхай, уже имеет высокий уровень доходов, соответствующих *сяокан*, образован, улучшает своё благосостояние, активно включён в общество потребления, более мобилен, и потому его вклад в развитие и укрепление национальных идей остаётся на уровне пассивного освоения. В это же самое время социальная направленность плаката более ощутима в тех регионах, куда Председатель Си Цзиньпин, выступая с докладом на XIX Съезде КПК, предложил перенаправить избыток материальных ресурсов из преуспевающих восточных провинций.

Особое внимание следует обратить на популярные эргономичные плакаты, созданные с целью многократно закрепить матрицу новой национальной идеи на уровне подсознательного запоминания и пассивного освоения. Речь идёт о серии печатной продукции, озаглавленной «Китайская мечта» (в рамках которой зарождается новая национальная идея). Агитационные плакаты расположены как в многолюдных общественных местах, транспортных узлах, так и на фасадах жилых домов, квартальных ограждениях. Обязательными элементами являются изображение Великой Китайской стены, площади Тяньаньмэнь с одноимёнными воротами дворцового комплекса Гугун, откуда 1 октября 1949 г. Мао Цзэдун объявил о создании КНР, и Памятника народным героям как значимых символов национальной идентичности. На красном фоне, который соответствует как традиционным представлениям о счастье, так и цвету революционной романтики, размещены призывы «под руководством партии всесторонне осуществлять построение общества *сяокан*, углублять реформы, управлять в соответствии с законом, следовать указаниям КПК». Константным элементом этой серии также является наличие 24 иероглифов, составляющих 12 лексических единиц (биномов) в соответствии с нормами современного китайского языка. Формально они отражают все концептуальные понятия, связанные с реализацией стратегии «Китайская мечта»: 富强 fùqiáng «зажиточность и (само)усиление», 民主 mǐnzhǔ «демократия», 文明 wénmíng «просвещённость», 和谐 héxié «гармония», 自由 zìyóu «свобода», 平等 píngděng «равенство», 公正 gōngzhèng «справедливость», 法治 fǎzhì «управление в соответствии с законом», 爱国 àiguó «патриотизм», 敬业 jìngyè «уважение к труду», 诚信 chéngxìn «душевная открытость», 友善 yǒushàn «дружелюбие и забота о ближнем». С точки зрения конструирования национальных идей такое гармоничное сочетание иероглифики, репрезентирующей, с одной стороны, базовые конфуцианские, с другой – марксистские, адаптированные к китайской самобытности, представления, иде-

ально подходит для того, чтобы актуализировать давние (по времени), сложные (язык идеологии не прост для обывателя), близкие (по духу и жизненному укладу) составляющие парадигмы китайской мечты.

Примечательно, что в скоростных поездах дальнего следования, названных «Гармония», очевидно, в дань актуализованной в 2004 году Ху Цзиньтао идее общественной гармонии, на видеомониторах непрерывно рекламируются мультипликационные ролики социальной направленности, в которых персонажи, выполненные в технике традиционной бумажной вырезки, поясняют, что подразумевается под понятием «зажиточность, (само)усиление», «уважение к труду», «почитание старших» и т. п. Видеоряд содержательно связан с понятиями стратегии развития «Китайская мечта» и сопровождается соответствующей иероглифической надписью.

Любая национальная идея или национальный миф порождается не столько для репрезентации внешнему миру, сколько в целях формирования национального самосознания у каждого члена воображаемого сообщества, фиксирования у него понимания общественной и личной выгоды, которую он приобретает в том числе. Для китайцев всегда важна прагматичная составляющая любого процесса, поэтому на первый план выходит создание среднезажиточного общества, возможность разбогатеть и преуспевать во всём. У долгосрочной стратегии развития «Китайская мечта» существует серьёзная финансовая база как минимум в виде опоры на «Азиатский банк развития XXI век» с инфраструктурой инвестиций в 100 млрд долл. США и фонда «Шёлковый путь» в 40 млрд долл. США соответственно. Наличие такой мощной финансовой поддержки даёт КНР возможность стабильного развития долгосрочной стратегии и внедрения национальной идеи великого возрождения, одновременно создавая поле деятельности для международных интеграционных форматов: ЕАЭС (Евразийский экономический союз), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика), АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии).

Включение в работу этих организаций, так же как и реализация всех составляющих «Китайской мечты», позволяет правительству КНР эффективно представлять миру успешную модель развития, стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку и формировать национальную идею великого возрождения китайской нации, коррелирующую с китайским национальным мифом о едином великом государстве и дружной семье народов с локальным различием. Очевидно, что на современном этапе континентальный Китай делает ставку на укрепление своего мирового статуса с упором на культурный фактор, который воспринимается толерантнее, нежели фактор экономического или военного превосходства. Популяризация и импорт культуры вполне могут укрепить основу новой мировой идентичности Китая, а идеи великого возрождения китайской нации и воплощения «Китайской мечты» значительно ускорят процесс укрепления национального самосознания китайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: рождение наций в эпоху книгопечатания и капитализма / Б. Андерсон. – М.: Канон-пресс, 2001. – 224 с.
2. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности / А. В. Виноградов – М.: НОМФО, 2008. – 368 с.
3. Титаренко, М. Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени / М. Л. Титаренко. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 224 с.
4. Тихвинский, С. Л. Китай и всемирная история / С. Л. Тихвинский. – М.: Наука, 1987. – 591 с.
5. 人民日报/共产党与中国社会前途2012年十一月九日 Статья «Партия и перспективы общественного развития Китая». // Ежедневная газета «Жэньминьжибао». – Вып. от 09 ноября 2012 г.
6. 中国未来将会怎么样全球时报。第3431期, 2014年十月十九日 Статья «Какое будущее у Китая» // Ежедневная газета «Цюаньцюшибао». – Вып. 3431 от 19 октября 2014 г.

Мельничук Т. А.
T. A. Melnichuk

СЕМАНТИКА КОНФЛИКТА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ГРАЖДАНСКИМИ СВОБОДАМИ В США ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КИНЕМАТОГРАФА

SEMANTICS OF THE CONFLICT BETWEEN STATE SECURITY AND CIVIL FREEDOMS IN THE USA THROUGH AMERICAN CINEMA

Мельничук Татьяна Александровна – доцент кафедры английской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета (Россия, Якутск); 677000, Республика Саха, г. Якутск, ул. Белинского, 58; тел.: +7 (924) 871-41-70. E-mail: melnichuk.ta@gmail.com.

Ms. Tatiana A. Melnichuk – Assistant professor, Department of English Philology, Institute of Modern Languages and International Studies, North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk); 677000, Republic of Sakha, Yakutsk, 58 Belinsky str.; tel.: +7 (924) 871-41-70. E-mail: melnichuk.ta@gmail.com.

Аннотация. Исследование посвящено специфике интерпретации в современном американском кинематографе противоречия между идеалами гражданских прав и свобод и принципами обеспечения государственной безопасности в США. Описаны основные приоритеты политики государственной безопасности США в XXI веке и действия правительства по их решению, вызывающие неоднозначную реакцию в обществе. Приведены результаты контент-анализа ряда американских кинофильмов, характеризующие идеологическую составляющую конфликта через выбор персонажей и их действия. Выявлены главные оценочные компоненты интерпретации конфликта между обеспечением государственной безопасности и гарантией гражданских свобод.

Summary. The goal of this study is to examine how the contradiction between the ideals of civil rights and freedoms and the principles of state security in the United States are interpreted in contemporary American cinema. The main priorities and problems of the United States national security policy in the 21st century are described, as well as the controversial measures taken by the American government in order to deal with the problems. The results are presented of the content analysis of a number of American movies, which characterize the ideology of the conflict through the selection of characters and their actions. The main axiological components of the interpretation of the conflict between ensuring state security and guaranteeing civil liberties were identified.

Ключевые слова: государственная безопасность, гражданские свободы, свобода личности, кинематограф США, американский кинематограф, терроризм, теракт.

Key words: state security, civil liberties, civil rights, American cinema, American movie, terrorism, terrorist attack.

УДК 32.019.52

Говоря о концепции государственной безопасности США, нельзя не отметить, что по крайней мере формально наиболее приоритетной её составляющей всегда была защита благополучия и независимости граждан. Принцип первенства интересов народа в национальной политике символически демонстрируется в преамбуле к конституции США: «Мы, народ Соединённых Штатов...» (англ. «We the people of the United States...»). Однако теракт 11 сентября 2001 г. радикально изменил американское общество [4, 10], тем самым приведя его к переоценке ценностей и пересмотру приоритетов в дихотомии «государственная безопасность – гражданские свободы». Бывший в то время президентом США Джордж Буш-младший назвал новую концепцию государственной безопасности «войной против терроризма» (англ. «war on terror»), обозначив тем самым основную угрозу американским ценностям как минимум на ближайшее десятилетие [8].

Усиление мер по обеспечению государственной безопасности США и расширение полномочий ответственных за это структур привели к возникновению конфликта между защитой государственной безопасности и гарантией гражданских свобод, которые впервые были сформулиро-

ваны в десяти поправках к конституции США, известных как «Билль о правах», и, таким образом, лежат в основе конституционного строя США. После провозглашения войны против терроризма в американском обществе не утихают споры о конституционности некоторых действий органов государственной власти, особенно в тех случаях, когда нарушаются первая и четвёртая поправки к конституции США: право на свободу религии, слова, прессы и запрет необоснованных обысков и арестов [3, 626]. Из наиболее резонансных мер, принятых правительством США и вызывающих беспокойство правозащитных групп, можно выделить следующие:

1. «Патриотический акт» (англ. USA PATRIOT Act) от 26 октября 2001 г. расширил полномочия органов власти и спецслужб по надзору за гражданами [1, 28]. В частности, в нарушение четвёртой поправки к конституции властям предоставляется возможность по облегчённой схеме получать доступ к данным о телефонных разговорах и Интернет-коммуникации граждан США [5, 86]. В 2013 году, благодаря бывшему системному аналитику ЦРУ и АНБ Эдварду Сноудену, стало известно, что Агентство национальной безопасности (АНБ) продолжает следить за гражданами, нарушая их конституционное право на неприкосновенность частной жизни, что вызвало неоднозначную реакцию в американском обществе и привело к расколу общественного мнения по вопросу о балансе между гарантией безопасности и защитой личных прав и свобод [9, 16].

2. Расовое профилирование (англ. racial profiling): согласно этой практике действия правоохранительных органов мотивируются расовой или этнической принадлежностью подозреваемых, что является нарушением 14-й поправки к конституции США, гарантирующей всем гражданам равную защиту закона. Несмотря на то, что расовое профилирование имеет длительную историю в США [6, 26], эта практика получила особенно широкое распространение после терактов 11 сентября 2001 г. Расовое профилирование подвергается резкой критике за статистически необоснованную предвзятость по отношению к определённым группам населения [2, 2].

3. Тюрьма в Гуантанамо, в которой содержатся лица, обвинённые в военных преступлениях и терроризме, и которая воспринимается американским обществом как символ нарушений прав человека, что подтверждается данными правозащитных организаций и свидетельствами самих заключённых [10, 157]. Количество сообщений о пытках и жестоком обращении с заключёнными особенно увеличилось в период «войны против терроризма», достоверность таких сообщений подтвердил бывший президент США Джордж Буш-младший, оправдывая эти практики борьбой с террористической угрозой и защитой государственной безопасности [7, 348].

Материалом для исследования послужили 10 американских фильмов, в которых затрагивается конфликт государственной безопасности и свободы личности:

1. «Враг государства» (Enemy of the State, 1998).
2. «Особое мнение» (Minority Report, 2002).
3. «Стрелок» (Shooter, 2007).
4. «На крючке» (Eagle Eye, 2008).
5. «Точка обстрела» (Vantage Point, 2008).
6. «Совокупность лжи» (Body of Lies, 2008).
7. «Большая игра» (State of Play, 2009).
8. «Пятая власть» (The Fifth Estate, 2013).
9. «Шпионский мост» (Bridge of Spies, 2015).
10. «В поле зрения» (Person of Interest, 2011–2016).

В каждом фильме были выделены главные персонажи (см. табл. 1), разделённые на две группы в зависимости от их идеологической позиции: отстаивают ли они государственные интересы либо защищают права и свободы граждан. Приведённые типы свидетельствуют о том, что защита национальной безопасности воспринимается в американском кинематографе как приоритет госструктур, в то время как гражданские свободы ассоциируются либо с профессиями, так или иначе защищающими свободу личности и находящимися в оппозиции к государству, либо с людьми, разочаровавшимися в государственной машине.

Таблица 1

Типажи главных персонажей в кинофильмах

Идеологическая позиция главных персонажей	Типаж
Защита национальной безопасности	Глава спецслужбы
	Сотрудник спецслужбы
	Глава государства
	Конгрессмен
	Сенатор
Защита гражданских свобод	Бывший сотрудник спецслужбы
	Бывший сотрудник госаппарата
	Хакер
	Адвокат
	Журналист
	Безработный

Следующим этапом исследования стало определение основных категорий анализа (см. табл. 2). Типаж главных персонажей был выбран в качестве первой основной категории анализа, поскольку он позволяет выявить базовые модели поведения и стереотипы, ассоциирующиеся с противопоставленными идеологическими позициями. Вторая основная категория анализа – это положительные и отрицательные действия правительства, связанные с вопросами государственной безопасности и свободы личности. В состав единиц анализа вошли конкретные действия персонажей, показанные в фильмах. Третьей основной категорией анализа являются действия гражданина, связанные с вопросами государственной безопасности и свободы личности, где единицами анализа также служат действия персонажей.

Таблица 2

Основные категории анализа кинофильмов

Категория анализа	Подкатегория анализа	Единица анализа
Типаж главных персонажей	Государство	Глава спецслужбы
		Сотрудник спецслужбы
		Глава государства
		Конгрессмен
		Сенатор
	Гражданин	Бывший сотрудник спецслужбы
		Бывший сотрудник госаппарата
		Хакер
		Юрист
		Журналист
Действия правительства, связанные с вопросами государственной безопасности и свободы личности	Положительные	Выступление против вторжения в частную жизнь граждан
		Защита граждан от стихийных бедствий
		Быстрое выявление потенциальных преступников
	Отрицательные	Слежка и прослушивание
		Убийство
		Ложное обвинение

Продолжение таблицы 2

Категория анализа	Подкатегория анализа	Единица анализа
Действия правительства, связанные с вопросами государственной безопасности и свободы личности	Отрицательные	Шантаж
		Террор
		Коррупция
		Использование ИИ в корыстных целях
		Потеря контроля над ИИ
Действия гражданина, связанные с вопросами государственной безопасности и свободы личности	Положительные	Обращение в правительственные органы
		Помощь в предотвращении опасностей
		Защита своих прав законным путём
	Отрицательные	Незаконный взлом системы правительства
		Попытка совершения теракта
		Убийство представителя со стороны государства

Наконец, в каждом из десяти фильмов были выявлены или не выявлены единицы анализа, входящие в состав каждой категории (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные единицы анализа кинофильмов

Категории и единицы анализа	Наличие единиц анализа в фильмах (нумерация в соответствии с порядковым номером в списке)									
	Типаж главных персонажей									
<i>Государство</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Глава спецслужбы	+	+		+		+		+		
Сотрудник спецслужбы		+	+	+	+	+		+	+	+
Глава государства					+					
Конгрессмен							+			
Сенатор			+							
<i>Гражданин</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бывший сотрудник спецслужбы	+	+	+	+						+
Бывший сотрудник госаппарата							+			
Хакер						+		+		+
Адвокат	+								+	
Журналист					+		+			
Безработный				+						
Действия правительства, связанные с вопросами государственной безопасности и свободой личности										
<i>Положительные</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Выступление против вторжения в частную жизнь граждан	+						+	+		+

Продолжение таблицы 3

Категории и единицы анализа	Наличие единиц анализа в фильмах (нумерация в соответствии с порядковым номером в списке)									
Действия правительства, связанные с вопросами государственной безопасности и свободой личности										
<i>Положительные</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Защита от стихийных бедствий		+		+						
Быстрое выявление потенциальных преступников	+	+	+	+	+	+				+
<i>Отрицательные</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Слежка и прослушивание	+	+		+		+		+	+	+
Убийство	+	+	+				+			+
Ложное обвинение	+	+	+		+	+	+	+	+	+
Шантаж	+									+
Террор				+						+
Коррупция	+	+				+		+		+
Использование ИИ в корыстных целях										+
Потеря контроля над ИИ				+						+
Действия гражданина, связанные с вопросами государственной безопасности и свободой личности										
<i>Положительные</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Обращение в правительственные органы	+			+	+		+	+	+	
Помощь в предотвращении преступлений		+	+	+	+	+	+			+
Защита своих прав законным путём								+	+	
<i>Отрицательные</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Незаконный взлом системы правительства	+			+				+		+
Убийство представителя власти								+		

Были получены следующие результаты: самыми часто встречающимися типажам из каждой категории в данных фильмах являются идейные антагонисты – действующий сотрудник спецслужбы (80 %) и глава спецслужбы (50 %) с одной стороны, и бывший сотрудник спецслужбы (50 %) – с другой. Если говорить о представителях спецслужб в целом (глава спецслужбы, дей-

ствующий сотрудник спецслужбы, бывший сотрудник спецслужбы), то частота встречаемости данного типажа увеличивается (90 %).

Наиболее распространёнными действиями в фильмах являются ложное обвинение со стороны органов власти (90 %), помощь со стороны граждан в предотвращении преступлений (80 %), быстрое выявление потенциальных преступников представителями государства (70 %), слежка и прослушивание (70 %).

Проведённый контент-анализ позволил выявить следующие оценочные составляющие конфликта между обеспечением государственной безопасности и гарантией гражданских свобод:

1. Образ «большого брата». Основной идеей здесь является стремление правительства установить тотальный контроль над людьми, действуя с помощью типажей «глава/сотрудник спецслужбы» и «искусственный интеллект». Часто встречающиеся действия: слежка и прослушивание, быстрое выявление потенциальных преступников, террор, использование искусственного интеллекта в корыстных целях и потеря контроля над искусственным интеллектом.

2. Террористическая угроза. Идея, выраженная в исследованных кинофильмах: с одной стороны, терроризм представляет собой реально существующую опасность, но, с другой стороны, угроза теракта является средством манипуляции гражданами. Основными составляющими данной идеи в кинематографе являются типажи «глава государства», «сенатор», «террорист» и действия «террор», «убийство».

3. Бунт одного человека против государственной системы. Защита своих прав проявляется в различных формах, например: «сотрудник спецслужбы», которого предало государство, а также «обычный гражданин» и «хакер», которые взламывают систему правительства из благородных побуждений. Наиболее характерные для этого компонента действия: незаконный взлом системы правительства и обращение в правительственные органы.

4. Теория заговора. Как известно, события 11 сентября 2001 г. стали плодотворной почвой для различных конспирологических теорий, в частности, о том, что правительство США явилось инициатором этих терактов для того чтобы гарантировать общественное одобрение агрессивной внешней политики на Ближнем Востоке. Таким образом, данный оценочный компонент представляет собой заговор в корыстных целях со стороны какой-либо группы лиц. Часто встречающиеся действия: ложное обвинение, слежка и прослушивание, террор, шантаж, коррупция, убийство и использование искусственного интеллекта в корыстных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Etzioni, A. How patriotic is the Patriot Act?: freedom versus security in the age of terrorism / A. Etzioni. – New York: Routledge, 2005. – 212 p.
2. Gabbidon, S. L. Consumer racial profiling and perceived victimization: a phone survey of Philadelphia Area residents / S. L. Gabbidon, G. E. Higgins // American Journal of Criminal Justice. – 2007. – Vol. 32(1-2). – P. 1-11.
3. Gorham-Oscilowski, U. National security letters, the USA PATRIOT Act, and the Constitution: the tensions between national security and civil rights / U. Gorham-Oscilowski, P. T. Jaeger // Government Information Quarterly. – 2008. – Vol. 25(4) – P. 625-644.
4. Grusin, R. A. Premediation: affect and mediality after 9/11 / R. A. Grusin. – Basingstoke [England]: Palgrave Macmillan, 2010. – 196 p.
5. Herman, S. N. The USA PATRIOT Act and the submajoritarian Fourth Amendment / S. N. Herman // Harvard Civil Rights-Civil Liberties Law Review. – 2006. – Vol. 41(1). – P. 67-132.
6. Kops, D. Racial profiling / D. Kops. – New York: Marshall Cavendish, 2006. – 127 p.
7. Malone, L. A. The legal dilemma of Guantanamo detainees from Bush to Obama / L. A. Malone // Criminal Law Forum. – 2012. – Vol. 23(4). – P. 347-362.
8. Mayer, J. The dark side: the inside story of how the war on terror turned into a war on American ideals / J. Mayer. – New York: Anchor Books, 2009. – 412 p.
9. Verble, J. The NSA and Edward Snowden / J. Verble // ACM SIGCAS Computers and Society. – 2014. – Vol. 44(3). – P. 14-20.
10. Zevnik, A. Becoming-animal, becoming-detainee: encountering human rights discourse in Guantanamo / A. Zevnik // Law and Critique. – 2011. – Vol. 22(2). – P. 155-169.

Сохацкая Д. Г.
D. G. Sokhatskaya

ТРАДИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ ГОРОДА

TRADITIONAL MODELS OF CITY DESCRIPTION

Сохацкая Дарья Геннадьевна – доцент кафедры дизайна архитектурной среды Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: amurliman-design@yandex.ru.

Ms. Daria G. Sokhatskaya – assistant Professor, Design of Architectural Environment Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin pr. E-mail: amurliman-design@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные модели описания города, его классическое понимание. Описаны модели «идеальных городов» эпохи Возрождения. Рассматривается культура города, зависимость городской планировки от внутренних инфраструктур, ландшафта местности и географического положения. Учитывается человек как часть городского пространства.

Summary. The article discusses the traditional model of describing the city, its classic understanding. The models of «ideal cities» of the Renaissance are described. We consider the culture of the city, the dependence of urban planning on the engineering infrastructures, landscape and geographic location. The man in the urban space is a part of the city.

Ключевые слова: город, городское пространство, традиционная модель города, архитектура, градостроительство, планировка, планировочное решение, схема и структура городов, «идеальный город», культура города.

Key words: city, urban space, traditional model of the city, architecture, urban planning, planning, planning decision, scheme and structure of cities, «ideal city», city culture.

УДК 711

Город – многоликое пространство, состоящее из множества инфраструктур: транспортной, социальной, политической, экономической и др. В основе любого города лежит его функциональное предназначение (промышленное, экономическое, торговое и т. п.). Исходя из этого, выстраивается его планировка, где акцентными осями предстают улицы, в границах которых возникают кварталы, районы со своими центрами, зонами отдыха, рекреационными пространствами. Многовековой опыт исследователей разных научных направлений свидетельствует о существовании нескольких видов, теорий, концепций становления и развития городов. В нашей статье мы рассмотрим традиционные модели описания города.

Классическое понимание города как феномена было сформулировано М. Вебером: «Город есть поселение, жители которого занимаются в преобладающей своей части не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей». В данном случае был рассмотрен торговый город, в котором центр играет роль финансово-экономического ядра. Вокруг него строится вся система инфраструктур, в которой существует человек: здесь он устраивает свою жизнь, приобретает морально-нравственные ценности, социальные связи. Город представляет собой «каркас», или схему.

В архитектуре и градостроительстве схема планировки города рассматривается на плоскости, то есть плане, поэтому под схемой города понимается его планировочное решение или генеральный план, который зависит от насыщенности транспортной инфраструктуры, социально-экономического назначения города (промышленность, торговля и т. п.), ландшафта местности, географического положения, климатических особенностей.

Во все времена существования городов ведутся поиски планировки идеального города. В трактате «Десять книг об архитектуре» античный теоретик Витрувий писал: «За обнесением города стенами следует разбивка внутри него площадей, улиц и переулков и расположение их по странам света. Это расположение будет правильным, если будут приняты меры против ветров в переулках» [1, 30]. Следовательно, наряду с географическим местоположением градостроители того времени учитывали и положение города относительно сторон света. Последователи Витрувия А. Палладио и Л. Б. Альберти преобразовали понятие города и городского пространства. Если Витрувий определял только функциональную сторону и географию городского пространства, то архитекторы эпохи Возрождения внесли эмоционально-чувственный фон в восприятие города, его площадей и улиц. Альберти, изучив городское полотно, буквально описал «как делать город» в трактате «Четыре книги об архитектуре»: «Город – не что иное, как некий большой дом, и обратно, дом – некий малый город», что фактически повторяет понятие «город-дом» [1].

Ещё одной моделью городского пространства являются проекты «идеальных городов» эпохи Возрождения, которые рассматривались в социологическом ключе: переустройстве общественного строя, отделении центра города от сельскохозяйственных зон. Суть «идеального города» заключалась в том, что такая система решала не только социальные проблемы, но и градостроительные задачи, а структура города имела форму круга, квадрата или многоугольника, вписанного в круг. Особенно яркими представителями этой идеи были социалисты-утописты Томас Мор («Амауротум»), Дж. Вазари, Т. Кампанелла («Город Солнца»). Идеи «идеальных городов» продолжали социалисты-утописты XVIII-XIX веков Р. Оуэн, А. Сен-Симон и Ш. Фурье. Каждый из них уделял большое внимание человеческому обществу и его развитию. Модели городов и городских пространств представляли собой концентрические или симметрично расположенные поселения-коммуны, фаланстеры (жилые, производственные и административные здания, расположенные в центре фаланги – сельскохозяйственно-промышленной ассоциации), которые на современном этапе жизни города стали жилыми кварталами. На рубеже XIX-XX веков идея концентрического города дала начало идее города-сада Э. Говарда, знаменитого английского урбаниста и социолога-утописта. Эта идея серьёзно повлияла на градостроительство XX века, что до сих пор находит отражение в урбанистических концепциях. Известна запоминающаяся планировкой в виде летящей птицы композиционная схема города Бразилиа, авторами которой являются О. Нимейер и Л. Коста. В каждой из существующих и представленных моделей заложен принцип развития города, но «идеальные» планировочные модели города – это возможность пофантазировать. Для проектирования в реальности нужны конкретные градостроительная и ландшафтная ситуации, прикреплённые к месту, поэтому в градостроительстве существуют правила, по которым должен проектироваться город. В соответствии с этими правилами архитектор, градостроитель, проектировщик, исследователь имеют представление о структуре места.

В градостроительстве выделяют три вида планировочной схемы города: радиально-кольцевую, шахматную и свободную, что говорит об организации города таким образом, чтобы в любом из трёх случаев человек мог беспрепятственно пользоваться благами городской среды. Радиально-кольцевая планировочная схема применяется, когда топографически присутствуют водная артерия, связующая дорога, с помощью которых город развивается, а горожанин имеет полный доступ к центру. Шахматная схема использовалась в планировках древних поселений, основным показателем которой было строительство «на пересечении двух дорог». Развитие городов по такой схеме будет до тех пор, пока его не остановят природные факторы: изменения в рельефе местности или реки. Не менее интересна планировочная схема свободного плана, согласно которой развитие города идёт без чёткого геометрического следования, но с учётом благоприятной ориентации, топографии, климата, зелёного массива и других природных факторов. Исследования в данной области проводили А. В. Крашенинников, Н. Е. Козыренко, Н. П. Крадин, Н. Ф. Гуляницкий, А. В. Куза, А. С. Щенков, А. Э. Гутнов, Ле Корбюзье, А. В. Бунин, А. Rossi, Ю. П. Бочаров, Н. А. Милютин, А. В. Иконников, Э. Берджесс. Тем не менее авторы статьи «От эволюционных моделей городского развития – к современным» Д. П. Фролов и И. А. Соловьев предлагают рассмотреть альтернативные модели городского развития и разделить их на современные и эво-

люционные. В своей книге «Urban Economics» А. О'Салливан [3, 152] описывает исторические модели городского развития: модели торгового, промышленного, инновационного городов. Авторы работы «Guide to City Development Strategies Improving Urban Performance» [3, 153] считают целесообразным выделять четыре исторические модели города: торговый город, промышленный город, сервисный город, а также формирующуюся модель города, ориентированного на удобства (amenities).

Каждый город имеет «душу», или образ, складывающийся из исторических особенностей и культурных ценностей, приобретённых городом за время существования. Образ города присутствует в исследованиях Н. П. Анфицера, М. С. Кагана, М. В. Алпатов. Одним из первых авторов, рассматривавших город как культурное целое, является И. М. Гревс. В 1921 году он опубликовал статью «Монументальный город и исторические экскурсии», в которой попытался исследовать город не только как материальный феномен, но и как сложный коллективный организм, обладающий духовным измерением и имеющий уникальную историю. Он определял город как историческое прошлое государства: «Город – центр в одно время культурного притяжения и лучеиспускания, самое яркое и наглядное мерило уровня культуры, а история города – прекраснейший путеводитель её хода и судеб» [6]. Не только на внешние показатели города полагался И. М. Гревс. Прежде чем ощутить «духовность» города, он исследовал его биографию, процессы, происходящие в нём; основу, или «почву», на которой зародились эти процессы, выявляя образ («душу») города. Кроме этого, И. М. Гревс полагал, что понять образ города, исследуя только историю, генеральный план и другие источники, нельзя, «...необходимо наглядное, зрительное и вместе с тем эмоциональное восприятие истории.» [7].

Научное исследование А. А. Высоковского отличается от остальных концепций и теорий о городе, его каркасе и развитии. В своей статье «Семь сюжетов о городе» он писал: «Человек живёт в мире разнообразных ценностей. Главные из них – нравственные ценности, затрагивающие глубинные основы существования человека. Жизнь конкретных людей и сообществ регламентируется ценностями следующего уровня – культурными. Подобные ценности представляют собой конструкты сознания, существующие и действующие в социальном пространстве. Однако поведение и деятельность людей разворачиваются не только в социальном, но и физическом, точнее, «геометрическом» пространстве. Подобные действия упорядочиваются посредством иных ценностей, объединяющих в себе материальную и ментальную составляющие. Подобные ценности названы мной пространственной точкой отсчёта любой освоенной территории, а применительно к городу – точкой отсчёта городского пространства» [5]. Идея заключается в том, что Высоковский считал «точкой отсчёта городского пространства» такие места в городе, которые так или иначе были прочувствованы и «прошупаны» человеком, например, существующая площадь в городе, прогулочная аллея или сквер. Все эти места знаково (символично) отмечены человеком, проходящими общественными праздниками, массовыми мероприятиями, а также личностными факторами. А. А. Высоковский писал, что «...сделать город и место проживания привлекательными...» [5] возможно с помощью компенсаторной механики создания среды, где человек, проживающий в городском пространстве, должен был оценить городские места по критериям, состоящим из двух факторов, и шкале оценки городского пространства. Такой способ анализа города и позволял выявить «...удовлетворённость человека каким-либо местом хотя бы по одному критерию, позволял ему компенсировать негативную реакцию на это же место по другому критерию» [5]. Воспользовавшись результатами «психологического компенсатора» [5], получаем возможность построить городскую среду таким образом, чтобы горожанин использовал пространство «под себя» наиболее продуктивно, чтобы ему было комфортно находиться в городе.

В основе характеристики города лежат его социологические особенности. «Социология города – специальная социологическая теория, исследующая города как специфические социальные образования и происходящие в них процессы... Социология города изучает город, во-первых, как особую географически-экономически-социальную целостность; во-вторых, как общность людей по поселению и совокупность процессов, протекающих внутри этого локального территориально-сообщества... Фактически объектом исследований в социологии города всегда выступает город-

ское население, а предметом исследования – социальная инфраструктура, образ жизни и круг особых социальных явлений и процессов, которые специфичны для городской жизни» [2, 35]. Образы жизни людей отпечатываются яркими принтами на городском пространстве. Принт – это значимость места, наделённого специфическим характером, учитывающая особенность этого места (физические показатели: сквер, бульвар, аллея, пруд и т. п.).

Учёные Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Тённис начали изучать городской образ жизни, представляя город как целостность, существующую не только по своим законам, но и под влиянием потребностей и поведения горожан. Ещё одним представителем социологической позиции изучения города стал Р. Парк – автор научного термина «городская среда» и социально-экологической концепции, основанной на социал-дарвинизме. Карл Маркс считал, что социальную основу города обуславливает способ производства. В своей статье Е. Н. Заборова пишет: «В настоящее время в понимании города как социального пространства повседневных практик всё более вырисовывается ещё один аспект – город мыслится как пространство потоков. Такой подход к городу характерен для М. Кастельса, который отмечает, что современный крупный город – это не столько пространство мест, территорий, материально оформленных и функционально ориентированных, сколько совокупность разнообразных потоков – людских, информационных, логистических и многих других» [4, 91].

Таким образом, городское пространство наделено духовной материей, имеет выраженное культурное поле, или пространство. Образ города складывается не только из исторических и культурных составляющих, но и эмоционально-чувственного восприятия его жителей. Человеческие взаимоотношения, жизнь людей в городе формируют окружающую среду. Образ города определяется социальным, психологическим, личностным отношением к нему его жителей. Остановившись на физических показателях (географических, климатических, ландшафтных), отметим их значимость и важность, так как они являются одним из главных факторов исследования города. В зависимости от месторасположения города отмечается его планировочное, геометрическое решение, исходя из которого формируются окружающая среда, городской объём и создаются значимые места, «точки отсчёта городского пространства».

ЛИТЕРАТУРА

1. «Идеальные города» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alyos.ru/enciklopediya/arhitektura_gorodskoj_sredi/idealnie_goroda.html.
2. Казанцев, В. И. Социология города: учебно-методическое пособие / В. И. Казанцев, М. Г. Светульников. – Ульяновск: УлГТУ, 2004. – 140 с.
3. Фролов, Д. П. Современные модели городского развития: от противопоставления – к комбинированию / Д. П. Фролов, И. А. Соловьева // *Пространственная экономика*. – 2016. – №3. – С. 151-171.
4. Заборова, Е. Н. Человек в пространстве крупного города / Е. Н. Заборова // *Дискуссия*. – 2012. – № 4(22). – С. 89-94.
5. Высоковский, А. А. «Семь сюжетов о городе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://emsu.ru/um/default.asp?c=167&p=1>.
6. Гревс, И. М. Монументальные город и исторические экскурсии / И. М. Гревс. – Петроград, 1921. – 14 с.
7. Лихачев, Д. С. Книга беспокойства / Д. С. Лихачёв. – М., 1991. – С. 392-407.

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ КИТАЯ

REPRESENTATION OF «AUTHORITY» CONCEPT IN CHINESE CINEMA

Мусалитина Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Ms. Evgenia A. Musalitina – Senior Lecturer, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается реализация концепта «власть» в современном китайском кинематографе. Выделяется ряд критериев, на основе которых проводится анализ характеристик исследуемого концепта, а именно: исторический период, образ носителя власти, символы власти.

Summary. In the article, representation of «authority» concept in contemporary Chinese cinema is considered. A number of criteria for concept features analyzing is defined. They are historical periods, image of authority representatives, symbols of authority.

Ключевые слова: концепт «власть», китайский кинематограф, символы, традиционность, император.

Key words: concept «authority», chinese cinema, symbols, traditionalism, the emperor.

УДК 008

Общество XXI века становится более «визуализированным», предпочитая традиционным печатным носителям информации визуальные: интернет, телевидение, видеотехнологии. В силу сложившихся условий, безусловно, телевидение и кинематограф стали важнейшими источниками формирования значимых концептов в сознании носителей той или иной культуры посредством комплекса образов и репрезентации действующих лиц и значимых для нации событий. Кинематограф позволяет превратить многие концепты той или иной исторической эпохи в общепонятные и общедоступные, в том числе такой многогранный концепт, как «власть».

В настоящее время в Китае несколько существующих киностудий снимают фильмы на общегосударственном языке 普通话 (*Putonghua*) и объединены они многовековой китайской ментальностью и традиционностью. В современном китайском кино чётко прослеживается идея канона, которая характерна для традиционного китайского общества и искусства в целом. Канон чётко определяет границы «хорошего» и «плохого» (см. прим. 1).

Несмотря на существенные изменения, которые коснулись практически всех сфер китайского социума в XXI веке, идея национальной традиционности не покидает современный кинематограф Поднебесной. Вопреки тому, что китайское современное общество приобрело больше демократических свобод по сравнению с прошлым веком, в стране по-прежнему существует тотальный контроль всех средств массовой информации, в том числе и производства кино [4, 124]. Таким образом, государство имеет мощный инструмент пропаганды, во-первых, устанавливая образцы отношения с властью, строгую иерархическую систему «правитель – подчинённый», а во-вторых, диктует ценности и идеалы существующего политического режима.

В качестве материала для исследования было выбрано 10 китайских полнометражных кинолент, в которых объективируется концепт «власть». Данные картины вышли на экран в период с 2002 по 2015 годы.

Анализ реализации изучаемого концепта проводился нами на основе следующих выделенных критериев:

1. Исторический период.
2. Визуализация концепта в образе носителя власти.
3. Символы власти.

Исторический период (критерий 1)

Во-первых, необходимо отметить, что все проанализированные нами современные китайские киноленты посвящены репрезентации власти в ту или иную историческую эпоху Китая. Наиболее распространённым является описание древнего периода «борющихся царств», а именно IV века до н. э. Во-вторых, интересным представляется тот факт, что все вышеупомянутые кинокартины представляют собой исторический боевик, что, на наш взгляд, не случайно, и определяет национальную специфику концепта «власть» как борьбу, сражение за лидирующую позицию, победу сильнейшего.

Обратимся к исторической драме «Битва умов» (кит. «墨攻», 2006 год, режиссёр Чи Люнг «Джейкоб» Чунг), в основу сюжета которого лёг военный конфликт, развернувшийся между мелкими раздробленными воюющими княжествами в IX веке до н. э. Аналогичный период представлен в драме «Герой» (кит. 英雄, 2002 год, режиссёр Чжан Имоу), посвящённому яркому описанию борьбы за власть в условиях кровопролитных междоусобных войн древнекитайского государства. К данному периоду можно отнести события, представленные в драме «Конфуций» (кит. 孔子, 2009 год, режиссёр Ху Мэй), в которой правитель мелкого княжества Лу не имел весомого авторитета, а реальная власть была сосредоточена в руках нескольких кланов. Исторический боевик «Меч дракона» (кит. 天将雄狮, 2015 год, режиссёр Дэниэл Ли) освящает события, происходившие вокруг правящего дома в эпоху империи Хань (48 год до н. э). (см. прим. 2).

Следует подчеркнуть, что в современном кинематографе не существует картин, раскрывающих проблематику современного института власти либо репрезентрирующих «власть» в визуальном образе современных управленцев.

Визуализация концепта в образе носителя власти (критерий 2)

Все рассмотренные нами современные кинокартины, в которых визуализируется концепт «власть» – исторические драмы, представляющие нашему вниманию образы носителей власти разных эпох. Это правители мелких княжеств периода «борющихся царств», как в лентах «Битва умов», «Герой», «Конфуций». Императоры династий Тан, Цин в картинах «Убить императора» и «Полководцы», женские образы императрицы Ян Фей Эр из «Императрица и воины», правительницы Цзинь Эр из «Детектив Ди»; принцессы, предназначенной для императора Цинь в качестве наложницы из картины «Миф»; фигуры представителей последней китайской монархической династии Цин в фильме «Падение последней империи» (см. прим. 2).

На основе рассмотренного материала китайского кинематографа мы выделяем ряд оппозиционных пар, через которые, как мы полагаем, реализуется концепт «власть».

Первая группа может быть определена как «сильный – слабый» правитель. Условность такого разделения объясняется невозможностью однозначно отнести того или иного китайского правителя, изображённого в китайском кинематографе, к образу «хорошего» или «плохого», поскольку фигура каждого главы своего государства включает сложный комплекс характеристик и оценок.

Обратившись, например, к картине «Битва умов», можно отметить, что князь небольшого государства Лян, имя которого ни разу не звучит в фильме, представлен как слабый и нерешительный правитель. Он лично не выполняет своего прямого предназначения, а именно не принимает ни государственных, ни военных решений, нанимая советников для выполнения этих важных функций.

Обратимся к картине «Герой», где представлен образ сомневающегося и недоверчивого правителя. Император королевства Цин обеспокоен информацией о готовящемся на него покушении. Он подозревает всех и от этого не верит никому и ничему. Правитель утверждает, что исто-

рия об убийстве тех, кто потенциально мог покушаться на его жизнь, – это вымысел и ложь: «...почему я должен в это верить?» и продолжает жить своими страхами: «судя по всему, я обречён...» (см. прим. 2).

Необходимо выделить фильм «Конфуций», в котором раскрываются три образа правителей: Лу, Цзы и Вэй. Каждый из них годами планирует военный захват соседнего мелкого княжества, чтобы стать единым правителем объединённых земель, но одновременно они все страшатся показной силы и могущества друг друга.

Слабость правителя княжества Цзы показана в том, что он не в силах принять твёрдую позицию в отношении военного взаимодействия с соседним государством, неукоснительно выполняя распоряжения нанятого им военачальника, и проявляет парадоксальную покорность.

Бессилие и немощность правителя реализуется через изображение физической слабости в картине «Миф». Император Цин смертельно болен, практически не имея возможности самостоятельно передвигаться и разговаривать. Слабость духа и страх императрицы Луньюй («Падение последней империи») проявляются в её попытке уйти от проблем реальности, нежелании слушать и слышать последние новости о царящих в стране беспорядках.

Можно предположить, что все рассмотренные выше примеры являются отражением реально существующей ситуации в современной системе китайской власти. По сравнению со своими предшественниками представители власти КНР в XXI веке обладают меньшими возможностями единолично проводить ту или иную политику, к тому же авторитет современных лидеров значительно слабее, чем, например, носителей власти в XX веке [7, 205].

Иными словами, китайская власть в настоящий момент ориентирована на коллективное принятие решений. Как сказал высокопоставленный китайский дипломат Дай Бинго (戴秉国): «Мао и Дэн могли решать, Цзян и нынешние лидеры должны консультироваться» [8, 197].

Обратимся к противоположным образам в оппозиции «сильный – слабый». Необходимо подчеркнуть, что «сильных» правителей в исследуемых нами кинолентах представлено значительно меньше, чем «слабых» образов, наделённых рядом личностных недостатков.

Рассмотрим картину «Императрица и воины», в которой изображены две фигуры носителей власти – король и пришедшая на трон после его кончины императрица Ян Фэй Эр. Оба действующих лица сильные, решительные и бесстрашные правители, идущие в бой вместе с воинами. Молодая императрица, возглавившая государство, не менее решительна и отважна, чем её отец. Она не сдаётся даже будучи отравленной ядом придворными недоброжелателями.

Таким образом, император и принцесса Ян Фэй Эр из «Императрица и воины» выступают полными антиподами образов «слабых» императоров из рассмотренных выше кинолент.

Перейдём к рассмотрению следующей оппозиционной пары – «мужское – женское». Представляется особо важным выделить ряд женских образов в реализации концепта «власть» в китайском кинематографе. Отметим, что фигура правителя-женщины репрезентирована в пяти из десяти рассмотренных нами фильмов.

Собирательный образ китайской императрицы, полученный нами в ходе исследования, представляет мудрую, сильную, решительную женщину с сильным характером.

Обратимся к фильму «Убить императора», в котором будущая императрица использует хитрость и острый ум, чтобы «приручить» императора и заставить его действовать в преследуемых ею интересах. Правитель безволен, его разум помутнён: «Я сделаю всё, что пожелает моя прекрасная царица...». В картине «Падение последней империи» в условиях массовых восстаний по всему государству царица сохраняет спокойствие и предлагает возможные пути решения в связи со сложившейся кризисной ситуацией.

Несмотря на то, что во всех рассмотренных нами картинах женщина изображена как сильный правитель, в этих лентах одной из ключевых идей является убеждение о недопустимости управления государством женщиной. Доказательством этому может послужить картина «Императрица и воины». Племянник умирающего императора заявляет: «...сама мысль правительницы смешна... она так нежна, как же сможет встать на защиту своих земель?»

Тем не менее, принцесса восходит на трон после смерти своего отца и это вызывает многочисленные протесты со стороны придворных министров. В финале фильма традиционные патриархальные устои побеждают и императрица отказывается от трона в пользу наследника мужского пола.

Этот факт можно объяснить тем, что ущемление прав женщин и патриархальные устои существовали в китайском социуме на протяжении практически всей истории развития этого государства и проявлялись в разные исторические периоды в разных масштабах, усиливаясь или ослабевая [3, 299].

Следующая выделенная нами в ходе исследования оппозиция, в которой раскрывается концепт власти в китайском кинематографе – это противопоставление «гуманность – жестокость».

Проблема гуманности традиционно сопровождает тему власти на протяжении многих веков в разных социумах, и Китай не исключение. Особенно актуальным этот вопрос становится в переходные для общества периоды, а начало XXI века в Поднебесной как раз является периодом реформ и преобразований как в политической, так и социальной сферах. Гуманность становится одним из главных критериев политических институтов общества [1, 336].

Вопрос гуманности власти нашёл своё отражение в кинематографе Китая. Обратимся к фильму «Императрица и воины». Несмотря на то, что княжество Ян находится под угрозой военного захвата соседним государством Чжао, принцесса выступает против насилия и призывает врагов к миру. Для неё жизнь простого человека представляет ценность, поэтому она пытается избежать кровопролития: «...солдаты не должны страдать из-за наших ошибок».

Финальным аккордом фильма звучит идея о мире: «...с этого момента королевство Ян прекратит все войны и займётся установлением мира между десятью королевствами». Аналогичный финал можно наблюдать в картине «Падение последней империи», когда Юань Ши Кай покидает дворец и бросает на землю меч как символ прекращения борьбы.

Перейдём к рассмотрению образов, которым чужды идеи гуманизма. Прежде всего следует отметить, что в рассматриваемых нами работах китайского кинематографа в противовес гуманности выступает жестокость, которая раскрывается через ритуал.

Ритуал всегда был неотъемлемой частью китайского общества и регулировал все сферы жизнедеятельности, даже самые обыденные дела. Наряду с управленческими обязанностями, император выполнял жреческие функции, совершая традиционные жертвоприношения [5, 312].

Киолента «Миф» является ярким примером значимости ритуала в решении государственных вопросов. Вопреки идее гуманности, высшими министрами установлено, что молодая принцесса должна быть заживо погребена после смерти престарелого императора. Чиновники глубоко убеждены, что нарушение этой традиции может навлечь бедствия на всё государство.

Подобную бесчеловечность проявляют чиновники в фильме «Конфуций», приговорив к погребению заживо маленького мальчика, который был любимым рабом умершего высокопоставленного советника. Император не желает отступить от традиции и был решительно настроен на совершение традиционного жертвоприношения.

Обращает внимание на себя тот факт, что только 30 % образов правителей, визуализированных в исследуемых нами фильмах, транслируют идеи гуманности и милосердия. Таким образом, можно утверждать, что в современном китайском кинематографе жестокость и насилие являются одной из самых значимых характеристик концепта «власть».

Следующая оппозиция, которую можно выделить при исследовании концепта «власть» в фильмах Поднебесной, – это противопоставление сакрального земному. Прежде всего следует подчеркнуть, что феномен обожествления власти в китайском обществе существовал с древних времён. Глава государства – носитель политической и военной власти, являлся посредником между Небом и Землёй. В древнекитайском обществе прочно укоренилось представление о внемном «сакральном» происхождении императора [2, 122].

Традиционная «сакральность» власти проявляется и в современном китайском кинематографе. Во-первых, особое почитание и обожествление выражается в форме обращения к правителю. Так, в фильме «Конфуций» придворные неизменно называют императора «Господин», «мой

Господин», «Мой правитель», падая на колени при его появлении. Конфуций, служивший при дворе, выражает особую преданность князю: «Покорный слуга приветствует своего Господина». В фильме «Миф» придворные, военкомандующие называют престарелого императора «отец», «Ваше Величество», «Ваша честь», склоняя голову при встрече с ним.

«Священный» статус правителя позволяет его собеседнику находиться на достаточно удалённом от него расстоянии: «оставайся в ста шагах от императора, а то будешь казнён». Лишь в особых случаях в качестве награды может быть разрешено приблизиться ближе: «Кто убьёт врага императора – «Небесного», тому будет дозволено выпить вина и находиться в двадцати шагах от императора».

Рассмотрим ещё один признак сакральности правителей в исследуемых кинокартинах. Во всех фильмах представлен статичный образ императоров и императриц, и этот факт даёт право предположить, что отсутствие движения, изменения, суетливости, и, напротив, проявление постоянства, стабильности, традиционности является характерной чертой божественной природы власти в представлении китайцев.

Необходимо отметить, что наряду с вышеупомянутыми образами, в семи картинах присутствует изображение правителя, восседающего на троне, который, согласно традиционным китайским представлениям, является символом безграничной власти. В исследуемых нами картинах император статично занимает место на троне независимо от происходящих событий, временных рамок и окружающих его подданных. Это, по нашему мнению, подчёркивает божественную природу монархии.

Наряду с образом «священного» правителя, в рассматриваемой нами оппозиции «сакральное – земное» можно выделить фигуры императоров, которым не чуждо мирское.

Другими словами, правителю присущи черты, слабости, чувства, эмоции и желания обычного земного человека. Например, император («Битва умов») не может избавиться от губительного пристрастия к вину, а правитель («Убить императора») так же, как и князь Вэй («Конфуций») ослеплён любовной страстью к женщине.

Таким образом, рассматривая визуализированные в фильмах исторические фигуры правителей как отражение современных представлений о власти в Китае, можно сделать вывод о том, что в современном китайском обществе наряду с сохранением традиционного восприятия власти как «божественного», управляемого высшими силами укоренилась идея «земной», профанной власти, близкой к простому народу (кит. 老百姓).

Символы власти (критерий 3)

Следующая характерная черта репрезентации концепта «власть» в китайском кинематографе – это символизм образов правителей. Отметим, что властные отношения и политическая жизнь пронизаны разнообразной символикой, более того, легитимация власти не возможна без принятия обществом её символов [7, 205].

Один из символов, обнаруженный в 70 % исследованных нами картин, – меч (кит. 劍). Традиционно он олицетворяет силу, лидерство, отвагу, острый ум, силу мысли, мудрость.

Следующий символ власти, неоднократно встречающийся в кинокартинах, – Небо. Оно выступает как знак высшей власти и страж Закона, подчёркивает сакральный статус императора. Императрица Цзинь Эр («Детектив Ди») в честь предстоящей коронации организует постройку грандиозной статуи «66-е Небо» для установления связи с Небом, укрепив, таким образом, легитимность своей власти.

Отметим, что изображение огромной лестницы с сотнями ступеней, уходящей высоко к воротам дворца, также символизирует связь императорской власти с высшими силами. К тому же, в картине появляется символический образ оленя, посланника небесных сил, выполняющего функцию жреца.

В заключение отметим, что анализ реализации концепта «власть» на материале фильмов современного китайского кинематографа показал, что исследуемый нами феномен представлен в контексте исторических событий Китая, но не представлен как феномен современного китайского общества. Концепт «власть» реализуется в положительных и отрицательных образах китайских

императоров и раскрывается через ряд антонимичных оппозиций и символов, определяющих своеобразие и традиционность власти в китайской картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзенко, И. М. Основы современного гуманизма: учеб. пособие для вузов / И. М. Борзенко, А. А. Кувакина. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 350 с.
2. Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 384 с.
3. История китайской философии / Пер. с кит. В. С.Таскина. Общ. ред. и послесловие М. Л. Титаренко. – М., 2006. – 325 с.
4. Козлов, Л. К. Изображение и образ. Очерки по исторической поэтике современного кино / Л. К. Козлов. – М.: Искусство, 1980. – 288 с.
5. Мудрецы Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуан-цзы / Пер. с кит. Л. Д. Позднеевой. – СПб.: Петербург – XXI век; Лань, 1994. – 412 с.
6. Фэн Юлань Краткая история китайской философии / Фэн Юлань. – СПб.: Евразия, 2001. – 268 с.
7. Graham, A. C. Disputers of the Tao: philosophical Argument in Ancient China. La Salle (Ill) / A. C. Graham. – Open court press, 1989. – 283 p.
8. Watson, B. Record of the Grand Historian of China / B. Watson. – 1991. – Vol. 2. – 234 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chinese cinema page [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geocities.com/To-kyo/5170/viff.html> (дата обращения: 12.09.2018).
2. Hong Kong Movie Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://egretO.Stanford.edu/hk/hkquery.html> (дата обращения: 15.09.2018).

Новиков Д. В.
D. V. Novikov

ВЫБОРЫ В РОССИИ: ОТ ХЮБРИСА К НЕМЕЗИСУ?

ELECTIONS IN RUSSIA: FROM HUBRIS TO NEMESIS?

Новиков Денис Викторович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (914) 175-34-92. E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Mr. Denis V. Novikov – PhD in Political Science of Head of the Department Philosophy and Culture Studies, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (914) 175-34-92. E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Аннотация. В настоящей статье исследуются результаты состоявшегося 9 сентября 2018 г. единого дня голосования. По мнению автора, российская партия власти потерпела поражение на этих выборах и не смогла обеспечить избрание инкубентов в четырёх российских регионах – Хабаровском, Приморском краях, Владимирской области, Республике Хакасия. Выяснению причин данного поражения посвящена статья.

Summary. The article presents the results, concerning the voting date that took place on September 9, 2018. According to the author, the Russian party of power suffered a defeat in these elections, and, in particular, could not ensure the election of incubators in four Russian regions – the Khabarovsk Territory, Primorsky Krai, the Vladimir Region, the Republic of Khakassia. The article is dedicated to clarifying the reasons for this defeat.

Ключевые слова: политика, выборы, власть, элита, политическое сознание, политическая партия.

Key words: politics, elections, power, elite, political consciousness, political party.

УДК 324

*В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим;
под тобою подстиляется червь, и черви – покров твой.*

Исаия 14:11

Начавшаяся 9 сентября 2018 г. и продолжающаяся в настоящее время электоральная кампания оказалась весьма интересной в своей динамике и чрезвычайно непредсказуемой в своих результатах. Как известно, 9 сентября 2018 г. в России состоялся очередной единый день голосования. В этот день прошли избирательные кампании начиная от дополнительных выборов депутатов Государственной думы РФ и заканчивая выборами депутатов представительных органов власти центров субъектов РФ.

Наиболее значимым компонентом единого дня голосования стали выборы глав 22 регионов России. По их итогам в Хабаровском, Приморском краях, Владимирской области и Республике Хакасия кандидаты от партии власти не сумели преодолеть необходимый для победы 50 %-ный барьер, в результате чего в данных регионах были назначены вторые туры выборов. 23 сентября 2018 г. вторые туры состоялись в Хабаровском крае и Владимирской области (см. прим. 1). Действующие губернаторы В. И. Шпорт (Хабаровский край) и С. Ю. Орлова (Владимирская область) потерпели поражение. В двух других регионах – Республике Хакасия и Приморском крае – выборы должны были пройти 11 ноября и 16 декабря соответственно.

Этот казус, связанный с электоральным разгромом глав четырёх российских регионов, при всей его выразительности является лишь частью более масштабного события – общей неудачи

российской партии власти [2]. Средний результат партии «Единая Россия», полученный на выборах депутатов региональных парламентов, снизился по сравнению с предыдущими выборами с 46 до 38 %, а в одномандатных округах произошло снижение результатов на 20 % (с 92 % в 2015-2016 гг. до 72 %) [2, 2]. Наконец, средний результат партии «Единая Россия», полученный на выборах губернаторов, также снизился по сравнению с результатами предыдущих выборов (с 73,8 % до 63,8 %) [2, 17].

Очевидно, что данный итог осенней электоральной кампании не следует считать катастрофой, постигшей российскую политическую систему. Здесь следует, скорее всего, солидаризироваться со специалистами, определяющими его в качестве стресс-теста, продемонстрировавшего хрупкость отечественной политической системы и её уязвимость перед серьёзными внешними вызовами [2, 2], а результаты единого дня голосования стали чрезвычайно неприятной неожиданностью для российского господствующего класса в целом и катастрофой для отдельных его представителей в частности. Это обстоятельство нуждается в серьёзном научном осмыслении. Очевидно, что в ближайшее время феномен 9 сентября 2018 г. станет актуальной темой и объектом изучения многих представителей социально-гуманитарной (и не только) области научного знания.

Попробуем и мы объяснить этот казус. Одним из важных понятий, порождённых античной культурой, является понятие хюбриса. Семантическое значение термина «хюбрис» (ὑβρις) – гордыня и высокомерие). Хюбрис – это мировоззренческая установка, в основе которой лежит чрезмерное самолюбие, в результате чего личность незаслуженно приписывает себе то, к чему она на самом деле не имеет никакого отношения (см. прим. 2). Такая мировоззренческая установка, находя своё выражение в деятельности субъекта, порождает перипетию (περιπέτεια – неожиданное исчезновение удачи в делах), которое с неизбежностью влечёт за собой немезис (νέμεσις – суровое возмездие). Отсюда возникает последовательность: хюбрис – перипетия – немезис.

Данная закономерность «хюбрис – перипетия – немезис» способна не только адекватно объяснять поведение отдельных субъектов, но и обладает высоким эвристическим потенциалом, достаточным не только для описания, но и объяснения современных политических явлений и процессов.

На наш взгляд, вышеобозначенный казус, связанный с фактическим поражением партии власти и её отдельных кандидатов на осенних выборах 2018 года, объясняется античной триадой хюбрис – перипетия – немезис.

Как было изложено ранее [3], одной из важнейших характеристик современной российской политической системы является её тотальная изолированность от общества, в результате чего она превращается в фактическую кратократию, то есть в абсолютно независимую от общества систему власти, содержащую и обретающую в себе самой механизмы воспроизводства и легитимации.

Указанная особенность российской политической системы детерминирует, на наш взгляд, определённые мировоззренческие характеристики отечественного господствующего класса, ключевой из которых является хюбрис. Представители российского господствующего класса начинают рассматривать себя в качестве элиты, не просто лиц, вследствие социальных обстоятельств занимающих высокие позиции, а в качестве избранных и лучших субъектов, наделённых властными ресурсами в силу собственной исключительности. В свою очередь, граждане превращаются в сознании господствующего класса в народ, «массу», электорат – некую нерасчленённую тотальность, не имеющую субъектности (интересов и воли), в силу этого выступающую лишь в качестве объекта воления (см. прим. 3).

Данная мировоззренческая характеристика российского господствующего класса закономерным образом конституирует определённую модель его политической деятельности, суть которой заключается в волюнтаризме (принятии субъективистских решений, игнорирующих реально существующие условия) и логической обструкции (нежелании оставаться в рамках рационального обсуждения проблемы и её реалистичных решений [1, 19]).

Подобная политическая деятельность господствующего класса не может привести к позитивному целедостижению. Наоборот, её итогом становится перманентное увеличение энтропии – перипетии, которая в соответствии с логикой хюбриса отрицается субъектами власти (см. прим. 4).

Общим итогом политической деятельности господствующего класса становится управленческая катастрофа – немезис, которая так же, как и перипетия, им отрицается (см. прим. 5).

На наш взгляд, вышеобозначенный казус, связанный с фактическим поражением партии власти и её отдельных кандидатов на осенних выборах 2018 года, объясняется триадой «хюбрис – перипетия – немезис».

В условиях существования в современной России целостной системы политического монополизма институт выборов (как и любой политический институт) подвержен существенной и сущностной деформации. По существу, российские выборы не являются выборами в строгом смысле слова, а представляют собой симулякры, где наличествует конкурентная форма и монополистическое содержание. Как и любой симулякр, российские выборы создают видимость политической конкуренции при её полном (или почти полном) отсутствии. Выборы по-русски являются мобилизационным проектом, который проводит сама власть. Во время реализации этого проекта общество становится объектом мобилизации и при помощи административного ресурса привлекается к рутинному (ритуальному) одобрению уже принятого господствующим классом политического решения.

Такая сущность российских выборов закономерно формирует политическое сознание и политическое поведение провластных кандидатов – инкубентов – и составляет первый элемент вышеобозначенной триады – хюбрис. Поскольку с точки зрения инкубентов источником электорального успеха является не общество, а сама власть, поэтому основой своей предвыборной активности они делают не политическую рекламу, нацеленную на широкие слои общественности, а подменяют её, во-первых, апеллированием к вышестоящим представителям власти, а во-вторых, административной мобилизацией зависимого электората.

Сам по себе хюбрис не обязательно влечёт за собой перипетию. Однако в ситуации бифуркации, когда происходит синергия «всеобщих», «особенных» и «единичных» негативных обстоятельств, именно перипетия становится закономерным следствием хюбриса (см. прим. 6). Поскольку избирательная кампания по своей хронологии является скоротечной, инкубент оказывается объективно и субъективно не в состоянии разобраться в ситуации и идентифицировать её именно как перипетию. В связи с этим принимаемые инкубентом решения и предпринимаемые действия не только не способствуют позитивному разрешению проблемной ситуации, а наоборот, приводят к ещё большему её обострению.

Закономерным финалом развития ситуации как раз и становится немезис – поражение на выборах.

В итоге укажем на то, что вышеобозначенная логика развития всей отечественной политической системы в целом и её отдельных элементов (эпизодов) «хюбрис – перипетия – немезис» не является тождественной. Так, электоральная катастрофа единичного представителя российского господствующего класса не является проявлением немезиса всей российской политической системы. Очевидно, что данное событие есть лишь проявление перипетии, в которую вступила отечественная политическая система. Выявленные (в том числе в настоящей статье) закономерности дают основания говорить о том, что трёхактная схема «хюбрис – перипетия – немезис» получит неизбежное логическое завершение в рамках отечественной политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев, М. Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия / М. Дмитриев, С. Белановский, А. Никольская. – М: Комитет гражданских инициатив, 2018. – 41 с.
2. Стресс-тест на пол-России. Технологии электорального доминирования. Анализ региональных выборов 2018 года / Н. Зубаревич, А. Кынев, Н. Петров [и др.]; под общ. ред. К. Рогова. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. – 55 с.
3. Новиков, Д. В. Настоящее и будущее российской политики: от диагноза к прогнозу / Д. В. Новиков // Политика и право. – 2018. – № 6(59). – С. 11-13.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Приморском крае второй тур выборов состоялся 16 сентября 2018 г. Формальную победу в нём одержал действующий губернатор – выдвиженец партии «Единая Россия» А. В. Тарасенко. Однако позднее, 20 сентября 2018 г., Избирательная комиссия Приморского края признала итоги выборов недействительными.
2. В христианской традиции эквивалентом хюбриса является гордыня – один из главных смертных грехов.
3. В этой логике совершенно понятными становятся отдельные высказывания Президента РФ В. В. Путина, как например: «Мы внутри страны – ...одна большая семья... если на нас нападают извне, то ...мы все можем так прыгнуть, что мало не покажется» (Президент России [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58772> (дата обращения: 20.10.2018)); «И когда мы убеждаемся (а это всё происходит в течение нескольких секунд), что атака направлена на Россию, только после этого мы наносим ответный удар. Это ответно-встречный. Почему встречный? Потому что летит к нам, а навстречу полетит в сторону агрессора. Конечно, это всемирная катастрофа, но я повторяю, мы не можем быть инициаторами этой катастрофы, потому что у нас нет превентивного удара. Да, в этой ситуации мы будто ждём, что в отношении нас кто-то применит ядерное оружие, сами ничего не делаем. Ну да. Но тогда агрессор всё равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен. А мы – жертвы агрессии, и мы, как мученики, попадём в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют ((Президент России [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 20.10.2018)).
4. См., например: «Губернатор Шпорт верил, что его и так все любят» [Электронный ресурс] / Информационное агентство Regnum: официальный сайт. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2479196.html> (дата обращения: 20.10.2018).
5. См., например: По правилам демократии. Дмитрий Медведев считает итоги сентябрьских выборов вполне успешными для «Единой России» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2018. – 3 октября. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/03/medvedev-nazval-itogi-sentiabrskih-vyborov-vpolne-uspeshnymi-dlia-er.html> (дата обращения: 20.10.2018).
6. О синергии «всеобщих», «особенных» и «единичных» негативных обстоятельств, предопределивших поражение в первом туре, в частности, губернатора Хабаровского края В. И. Шпорта, достаточно аргументированно высказался кандидат исторических наук А. Б. Семенов (см.: Семенов, А. Б. Предсказуемая неожиданность провала на выборах губернатора Шпорта [Электронный ресурс] / Электронное периодическое издание «Дебри-ДВ». – Режим доступа: http://www.debri-dv.ru/article/20063/predskazuemaya_neozhidannost_provala_na_vyborah_gubernatora_shporta (дата обращения: 20.10.2018)).

Донченко А. И.
A. I. Donchenko

ПСЕВДОНАРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В МЕРОВИНГСКОЙ АГИОГРАФИИ (ЧАСТЬ II)

PSEUDONATIONAL AND SOCIAL SUBJECTS IN MEROVINGIAN HAGIOGRAPHY (PART II)

Донченко Алексей Иванович – доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск). E-mail: alexdon@mail.ru.

Mr. Alexey I. Donchenko – Dr. hab. of Culture Studies, Professor, General History, Philosophy, Culture studies department, Blagoveshchensk State pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk). E-mail: alexdon@mail.ru.

Аннотация. В данной статье автор выявляет особенности сюжетов и мотивов агиографической литературы эпохи Меровингов. Автор приходит к выводу о том, что литература данной эпохи носит в большей степени церковно-монастырский характер и не имеет тесной связи с подлинно народным творчеством.

Summary. In this article the author reveals the plots and motives of Merovingian hagiographic literature. The author comes to the conclusion that the literature of this epoch is, to a greater extent, ecclesiastical and monastic in nature and has little to do with genuinely folk art.

Ключевые слова: эпоха Меровингов, христианство, агиография, жития святых, фольклор, сказка, литературный персонаж.

Key words: the era of the Merovingians, Christianity, hagiography, the lives of saints, folklore, fairy tale, literary character.

УДК 008 (8)

Псевдонародные мотивы встречаются в меровингских произведениях не слишком часто. Намного чаще, можно сказать в подавляющем большинстве, в них используются *социальные мотивы*, в которых автор выражает своё отношение к общественным проблемам своего времени. Эти мотивы проявляются не во всех легендах и не во всех их составных частях с одинаковой выразительностью. Зачастую они выражаются сильнее в сообщениях о чудесах (*miracula*), предназначенных для простых слушателей, чем в житиях (*vitae*), предназначенных для монастырей. Различны они и по отношению к отдельным типам святых. Далёкий от мира затворник и аскет заботится лишь о спасении собственной души; окружающий мир ему безразличен. Отвергая его, он противопоставляет ему. Мирские проблемы, и социальные в том числе, ему неинтересны. Для монаха социальные мотивы также играют незначительную роль: он живёт в монастырском сообществе, и в стенах монастыря подобные мотивы и не могли возникать. Иначе обстоит дело со святым аббатом или аббатисой, которые отвечают за монастырскую общину, ведь монастырь, помимо всего прочего, выполняет и социальную функцию. Он кормит бедных, принимает странников и пилигримов; он должен быть основным местом благотворительной деятельности. Своего апогея эти мотивы достигают в легендах о святых епископах, пребывающих и действующих в гуще жизни, святых, которым была поручена особая забота о бедных, больных и угнетённых в своих диоцезах. Поэтому во многих легендах о епископах мы находим демонстративное подчёркивание социальных мотивов (см. прим. 1).

Внутри христианского сообщества не должно быть никаких социальных различий, все должны быть равными – идеал, столь излюбленный древней церковью. Но те времена давно прошли, равенство верующих осталось только в теории, на практике же от него давным-давно отказались. Христиане в социальном плане были расколоты, и в приходах оказались бедные и богатые,

угнетённые и господа, которые поклонялись одному христианскому Богу. Церковь, особенно агиография, должны были занять в этом вопросе какую-либо позицию.

В литературе этого времени прежде всего господствует древнее противостояние *бедный* – *богатый*. В эту переходную эпоху оно оказалось доминирующим противоречием в обществе и оставалось таковым в сознании людей на протяжении средневековья. Отчётливо противоречия между бедными и богатыми проявляются в Ветхом Завете, где пророки восстают против жестокосердных богачей и проповедуют милосердие к бедным. Однако в Новом Завете звучит проклятие богатству; и потому «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Мф. 19, 24), а осуждение богатых в Послании Иакова (Иак. 5) достигает визионерско-профетического пафоса.

Некоторые Отцы церкви также проклинали богатство, видя в основе его происхождения явления несправедливости и грабежей. Но эти голоса становились слабее по мере того, как сама церковь становилась богаче, и потому постепенно ослабевало утверждение о богатстве как опасности для спасения души. Рука об руку с этим идёт процесс прославления бедности, поскольку Христос прославляет бедных (см. прим. 2), и, как известно, в качестве своих апостолов Он избирает бедных, простых людей (см. прим. 3). Прославление бедности господствовало в средневековых произведениях до появления городской литературы, которая, как и фольклор, увидела в бедности отнюдь не достоинство, а проявление злой судьбы.

Вскоре церковное учение ограничивает смысл образа блаженного бедняка и при этом подчёркивает, что прославляются «бедные духом» (см. прим. 4). Августин предостерегает от превозношения бедности (см. прим. 5). Напротив, агиография в этом отношении более прямолинейна, её симпатии полностью на стороне бедных, но тех бедных, которые стали ими Христа ради. Лишь изредка здесь появляется «нищий духом», и только в отдельных случаях в агиографии проявляется известный народный мотив, когда бедность выступает как наказание, а богатство – как награда (см. прим. 6). Обычно в агиографии господствует абсолютное прославление бедности.

В церковных произведениях также решительным образом отстаивается точка зрения о неважности различия между бедностью и богатством. И здесь речь идёт либо о чисто «светской» идее о том, что в действительности бедняк гораздо счастливее богача, постоянно пребывающего в страхе за своё богатство, либо (чисто по-христиански) окончательное воздаяние обоим переносится в потусторонний мир. История о Лазаре – очень популярный мотив католических проповедников; в Галлии его неоднократно использовал Цезарий Арелатский, однако в агиографии он употреблялся довольно редко; авторы легенд не очень любят социально-уравнительные истории и теоретические спекуляции на эту тему.

В социальном плане центральный мотив, популярный в церковной литературе и особенно в агиографии, – это благотворительная деятельность богатых и церкви. *Милостыня* искупает грехи (см. прим. 7), с её помощью богач тоже может достичь царствия небесного; епископ, особенно святой, должен заботиться о бедных, и он это делает, раздавая милостыню.

Церковь действительно проявляла заботу о бедных, и было бы верхом несправедливости приуменьшать значение этой деятельности, ибо в то время церковь была единственной организацией, занимающейся решением подобных вопросов. Конечно, полностью устранить бедность как общественное явление она не могла, ибо вообще никакая благотворительная деятельность не может (да и не стремится) это сделать. Но больным и старым, нуждающимся и чужеземцам без помощи церкви было бы обойтись чрезвычайно трудно. Подаяние бедным – это богоугодное дело, и эпитет *pauperibus largus* (щедрый к бедным) употребляется в качестве прославления той или иной личности. Святой, конечно, делает щедрые подаяния бедным, иногда он в больших объёмах использует для этого церковные средства или основывает специальные приюты-больницы для бедных. Но для святого этого недостаточно. По библейской заповеди он должен отказаться от всего своего имущества и, по возможности, раздать его бедным. Он отрекается от мира, оставляет имущество и богатство, раздаёт всё нуждающимся, и это не воспринимается им как некий великий подвиг, после этого он даже не вспоминает об утерянном богатстве. Но и этого для святого и агиографии мало. Святой отдаёт бедным даже свою одежду (см. прим. 8) – всё, что ему подарили или

что он сумел выпросить в качестве подаяния (см. прим. 9). Он презирает светский лоск, избегает его, и последнее слово этого идеала – святой как нищий, явление, которое позже станет особенно популярным благодаря св. Франциску. Внутреннее стремление к такому идеалу бедности было настолько сильным, что он проник во франкские легенды и создал в них тип святого нищего, хотя в своей основе этот тип был совершенно чужд франкской епископальной церкви.

Святой аббат Сигирамн согласно его житию (см. прим. 10) был очень знатного рода. Какое-то время он даже находился при дворе короля и в итоге стал аббатом. Но когда несколько монахов составили против него заговор, он покинул монастырь, однако не стал основывать новый (как это сделал в своё время св. Бенедикт), а предпочёл скитаться по стране в изношенной одежде, нищенствуя, раздавая полученное подаяние и помогая бедным в их работе. Вершина идеала бедности была достигнута.

Идеал бедности, радость подачи милостыни полностью господствуют в меровингской литературе. Святой меровингской эпохи совершенно беден: всё, что у него есть, раздаёт нищим. Щедрая раздача милостыни, забота о бедных делают его идеальным примером благотворительности.

Однако святой приближается к простому народу не только посредством невзыскательности и бедности, но и тем, что он трудится, поскольку в Библии есть заповедь: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (см. прим. 11). *Работа* известна и героям сказки, и героям героической саги: они тоже должны иногда работать (правда, они идут на это не по своей воле), но они быстро повышают свой социальный статус и избавляются от этой обузы. Иначе обстоит дело в агиографии, где труд является своего рода добровольным умерщвлением плоти. Монастырские уставы требуют от насельников монастырей телесной работы, и, соответственно, в житиях трудятся монахи и монахини, аббаты и аббатисы (см. прим. 12). Конечно, возможности для работы в монастыре и в житиях весьма ограничены: монахи трудятся в поле или корчуют лес, монахини посвящают себя заботам о больных (интересно, что святых-ремесленников эта эпоха почти не знает). Святой также может находиться в услужении, как это имеет место с рабом Митрой, с Винценцианом, который вынужден был служить на конюшне или с верной служанкой Лиутбиргой. Святые прислуживали в том случае, когда они брали на себя этот труд добровольно. Они лично прислуживали бедным во время еды, мыли гостям ноги, ухаживали за прокажёнными и даже прислуживали рабам. Труд – это один из инструментов аскезы, и чем унижительней он был, тем больше представлялась заслуга святого, тем больше он демонстрировал своё смирение.

Идеал бедности и идея о том, что работа является составной частью аскезы, в агиографии защищались много убедительнее и настойчивее, чем в остальных церковных произведениях. Но это настоятельное подчёркивание не объясняет проникновения в агиографию народных представлений, которым неизвестно ни прославление бедности, ни работа как умерщвление плоти (см. прим. 13). Примечательно то, что сказка намного критичнее социально, чем житие, основные черты которого были подчинены идеалу благотворительности. В этом отношении агиография также совершенно чужда народу, однако по-своему она обращена к рядовым мелким крестьянам, ремесленникам и беднякам. Святые отрекаются от всех житейских благ, они раздают милостыню, заботятся о нуждающихся и иногда даже помогают в повседневном труде. В результате посредством таких, совершенно «чуждых народу», средств они становятся ближе к нему.

Однако нищета была далеко не единственной социальной проблемой, определявшей повседневную жизнь того времени. Эпоха Меровингов – это время, когда в общественных отношениях зачастую царит грубая, неприкрытая *сила*. Эта эпоха была далека от того, чтобы её можно было определить словом «право», и власть имущие весьма часто использовали силу для подавления и лишения прав своих бедных сограждан, а раб практически полностью находился в руках своего господина. Угнетение бедных и слабых осуждается уже в Ветхом Завете (9см. прим. 14), но в церковных произведениях мы лишь изредка находим литературное развитие этого мотива. В определённой степени теологи всё же были озабочены проблемой угнетения бедных, но данный мотив редко использовался для самостоятельных рассказов, ибо, благословив восстание против угнетателей, против власть имущих, церковь оказалась бы в противостоянии с властвующими, с «государством», а этого она не могла себе позволить по ряду понятных причин. Именно поэтому появ-

ление в агиографии святого, противостоящего угнетателям, наблюдается очень редко. И хотя в агиографии властители (см. прим. 15) или скупые богачи (см. прим. 16) наказываются довольно часто, это происходит только тогда, когда они выступают против святого или его церкви, ибо святой в легенде защищает своё имущество от посягательств других лиц – мотив, пропагандистская функция которого настолько очевидна, что нет особой необходимости подчёркивать это ещё раз.

Особенно жалкой была участь невольников, их количество непрестанно росло в результате войн и набегов. Агиография была вынуждена занять определённую позицию и по этому вопросу, но всё же она заставляет святого не бороться против угнетателей, а лишь смягчать последствия угнетения. Такова позиция церкви и агиографии по отношению к *правосудию* того времени, которое отличалось немалой жестокостью. Эта жестокость была обусловлена не только собственно наказаниями, но и системой высоких штрафов, которые были чрезмерными для бедняков, а кроме того, большим количеством разного рода юридических бумаг, которыми простым смертным было трудно обзавестись. Судебные разбирательства проводились с грубым произволом и зачастую имели своим следствием жестокие наказания. Церковь, правда, подчёркивала необходимость справедливости судей и особенно господ и возлагала на епископов обязанность брать под защиту бедняков, вдов и сирот, но эти идеи ещё не получили должного развития в литературе. И всё же лишь в единичных случаях подвергается сомнению сама возможность добиться правого суда (см. прим. 17) и примечательным образом из меровингской агиографии полностью исчезает образ злого, несправедливого судьи, игравшего большую роль в актах мучеников, особенно в сказаниях о них. Конечно, судья в агиографии тоже по-своему жесток, тираничен, он являет собой полную противоположность кроткого и доброго святого. Однако его жестокость – это неумолимое исполнение действующего «закона», а не произвол и несправедливость.

В этом отношении агиография отличается от остальных церковных произведений и от церковной практики. Святой выкупает пленных или чудесным образом освобождает заключённых, невзирая на их виновность или невиновность. Он постоянно заступается за беглеца, он даже принимает беглых невольников, хотя теоретически резко осуждает такие побегы. Церковные законы даже ограничивали право убежища для таких лиц (см. прим. 18), а монастыри преследовали своих бежавших невольников путём «объявления розыска». Иначе поступает святой: он освобождает заключённых и невольников, он является воплощением христианской кротости, которая и не питает вражды к судье (как в сказаниях о мучениках), но благотворным образом смягчает последствия приговора, при этом святой выкупает и освобождает даже заключённых, приговорённых к виселице.

Иное отношение у святого и к *вору*. На практике преступления, связанные с посягательством на собственность, в большинстве случаев на протяжении всей феодальной эпохи карались смертной казнью. Однако святой в церковной литературе ведёт себя иначе. Хотя он и наказывает вора, посягнувшего на его собственность (см. прим. 19), но это наказание похоже на пристыжение и обычно не имеет далеко идущих последствий. Наказания же светской власти святой, как правило, может предотвратить. При помощи чуда с повешенным он может добиться освобождения даже самого отпетого разбойника (см. прим. 20) и таким же образом избегает смерти вор, которого привели на виселицу необдуманные слова священника (см. прим. 21). Позднее святые-властители обязаны были не наказывать вора, а давать ему возможность совершить кражу и бежать.

Таким образом, агиография заставляет действовать святых *благотворительно*, смягчать последствия угнетения, «правосудия» и бедности. Святой – типично христианский «герой»; он не борется против несправедливости, а предотвращает её последствия. Намного убедительнее остальных источников агиография подчёркивает «социальные мотивы», и в этом её идеи частично отличаются даже от повседневной практики церкви. Своими рассказами агиография обращается к народу, которому демонстрируется благотворительно действующий святой, по воле Божьей отказавшийся от всех благ, живущий беднее и аскетичнее самого последнего нищего, но больше всех готовый всегда прийти на помощь. Он, добровольно став бедным, щедро раздаёт милостыню, присматривает за больными и неимущими, освобождает заключённых, заботится о вдовах и сиротах. Он является не только могущественным покровителем в борьбе с враждебными сверхъестественными силами, которые постоянно угрожали человеку и делали окружающую его действи-

тельность небезопасной, святой одновременно является фактически главным помощником во всех социальных нуждах, а церкви и монастыри в то время были действительно единственными организациями, которые заботились о бедных и заключённых.

Итак, агиография стилизует святого и в социальном плане. Понятно, что в данном случае речь не идёт о «подлинно жизненном» изображении. Не приуменьшая благотворительных заслуг святого, подчеркнём, что его социальная деятельность в легенде идеализирована и типизирована. Об этом свидетельствует не только громадное имущество церкви во времена Меровингов, но и прежде всего тот факт, что в церковную литературу проникли «антисоциальные» мотивы. Некоторые агиографы как о вполне естественном рассказывают о невольниках, принадлежавших святым. *Passio Thrudperti* (нач. X века) (см. прим. 22) рассказывает о довольно примечательной смерти указанного святого: он был убит своим же невольником, которого отягощал чрезмерной работой, и, таким образом, обрёл мученический венец.

Такого рода сообщения в легендах единичны, поскольку противоречат общим типам и обычным топосам. Но именно их присутствие и доказывает тот факт, что социальные мотивы, которые встречаются в агиографии в столь ярко выраженном виде, преобразены в топосы и выполняют особую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турский, Г. История франков / Г. Турский. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
2. Великий, Афанасий Творения. В 4 т. Т. 3. Житие Антония / Афанасий Великий. – М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – С. 178-250.
3. Сульпиций Север Житие Мартина Турского / Сульпиций Север. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 220-251.
4. Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения / Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. – М.: Прогресс, 1994. – 448 с.
5. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum* (Wien 1866 ff.).
6. Hellmann, Siegmund (ed.). *Ps.-Cyprianus. De xii abusiuis saeculi* / Hellmann, Siegmund // *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur* 34. – Leipzig, 1909. – P. 40-56.
7. *Liber historiae Francorum* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. Т. II. – Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. – P. 215-328.
8. Migne, J. P. *Patrologia Latina* (Paris 1844 ff.) / J. P. Migne.
9. *Scriptores rerum Merovingicarum* // *Monumenta Germaniae Historica* (Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888 ff.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это особенно заметно в «Житии Мартина Турского» Сульпиция Севера, где данные мотивы занимают особое место. Кроме этого отметим *Vita Caesarii ep. Arelat.* (SS rer. Mer. III, P. 433-501; 549 год.); *Vita Boniti ep.* (Ibid. VI, P. 110-139; перв. пол. VIII века; оно особо интересно тем, что здесь народные мотивы совершенно отсутствуют, социальные же выражены особенно ярко); *Vita Ansberti ep.* (Ibid. V, P. 613-643; 800 год).
2. См.: Тертуллиан. О терпении, С. 325: «Он (то есть Христос – А. Д.) всегда оправдывает бедных, а богатых осуждает».
3. См.: Augustin *Sermo* 197, 2 (Migne PL 38, 1023): «Не избрал (Христос – А. Д.) царей или сенаторов, или философов, или ораторов: но избрал плебеев, бедняков, неучёных, рыбаков».
4. Hieronimus. *Contra Vigilantium* С. 14 (Migne PL 23, 350): «Ибо блаженными зовутся не просто нищие, но нищие духом».
5. *Sermo* 85 (Migne PL 38, 521).
6. Pseudo-Cyprianus, P. 49 ff. Данное произведение создано в VII веке в Ирландии. Образ «надменного нищего» появляется уже в Ветхом Завете (Сир. 25, 3).
7. См.: Тов. 12, 9; Сир. 3, 33; позднее в этом же духе истолковывался фрагмент из Евангелия от Луки (Лк. 11, 41). Иногда понятие *eleemosyna* толковалось расширительно и приближалось к понятию «доброе дело».
8. Это имеет место уже в знаменитой истории о разрезании плаща св. Мартином, когда он ещё служил солдатом (Жит. Март. гл. 3; С. 227-228); этот же святой согласно Dial. II, 1 (CSEL 1, P. 180 f.) отдаёт нищему свою одежду и остаётся совершенно голым. В *Vita Caesarii ep. Arelat.* I, 3 (SS rer. Mer. III, P. 458; перв. пол.

VI века) рассказывается о том, как святой, будучи ещё мальчиком, часто отдавал свою одежду нищим; сходную ситуацию мы видим в II Vita s. Medardi c. 2 (AA IV-2, P. 68; нач. VII века) и Vita Trudonis conf. C. 2 (SS rer. Mer. VI, P. 276 f.; VIII век.). Несмотря на запрещение своего господина, святой (Vita Vincentiani conf. C. 8-9; Ibid. V, P. 118) отдаёт свою одежду нищему.

9. См., например: Greg. Tur. Vitae patrum XIII, 1 (SS rer. Mer. I-2, P. 715 – Люпицин); Ibid. XV, 1 (Ibid., P. 721 – Сенох); Ibid. XIX, 1 (Ibid., P. 736 f. – Монегунда); Vita Richarii sac. C. 3 (Ibid. VII, p. 446; VIII век); Vita Pardulfi abb. C. 3 (Ibid., p. 26; VIII век). См. также каролингское Vita Sigiramni abb. C. 24 (SS rer. Mer. IV, P. 620).

10. Vita Sigiramni abb. Longoretensis (SS rer. Mer. IV, P. 603-625). К сожалению, данное житие сохранилось только в каролингской переработке, однако оно, несомненно, меровингское.

11. 2 Фес. 3, 10.

12. См.: Жит. Антония. гл. 3, 50, 53 (С. 181, 219, 221). В Галлии: Vita Germani ep. Autissiod. C. 3 (SS rer. Mer. VII, P. 252 f.; 480 год – святой сам себе пёк хлеб); Greg. Tur. Vitae patrum I, 2 (Ibid. I-2, P. 665 – при основании монастыря и в самом монастыре); Ibid. XVIII, 1 (Ibid., P. 734 – то же самое); Ibid. XII, 1 (Ibid., P. 712 – корчевание); Ibid. VIII, 1 (Ibid., P. 691 – св. Ницетий трудится сначала в отчем доме, затем, будучи уже в сане дьякона, за пределами монастыря). О роли труда в монастырской общине см. также: Vita Johannis abb. C. 4, 7, 16, 18 (Ibid. III, P. 508, 509 f., 514, 516). Эти примеры можно умножать до бесконечности, поскольку их содержат все монастырские жития. Монахи сами настаивают на том, чтобы все работали (ср.: Greg. Tur. Vitae patrum XI, 1; Ibid. I-2, P. 709).

13. Здесь она выглядит, скорее, как проклятие или наказание.

14. См., например, притчу Нафана об овце бедняка в 2 Цар. 12, 1-6. Часто социальные проблемы затрагивали пророки (особенно, Исайя).

15. Часто подобного рода рассказы носили подчеркнуто *церковный* характер, то есть они должны были устрашать могущественных людей, которые замахивались на церковное имущество; в этом отношении весьма показательны Greg. Tur. Virt. Martini I, 29 (SS rer. Mer. I-2, P. 602). Особенно стали популярны истории о наказании могущественных притеснителей бедных, начиная с X века.

16. См., например: Vita Willibrordi archiep. C. 15, 20 (SS rer. Mer. VII, P. 129, 131 f.).

17. См.: Vita Dalmatii ep. Ruteni C. 3 (SS rer. Mer. III, P. 345; VII-VIII вв.). Святой пришёл в Нарбон, «где суровость суда подвергла подсудимого заключению и он, обречённый смерти, пребывал в тюрьме. И вот пришёл святой и напомнил о том, что не раз по человеческому суду некоторые преступники случайно освобождались, а другие, невинные, жестоко убивались, а часто бывало и так, что страдали без разбора как невинные, так и преступники». Затем следует сообщение о чудесном освобождении заключённого.

18. То есть укрытие в церкви вовсе не означает, что невольник получал свободу; он лишь должен был быть освобождён от тяжёлых телесных наказаний.

19. Обычно посредством чар.

20. См.: Григ. Тур. Ист. фр. VI, 8; С. 164-165; здесь освобождению преступника препятствует даже сам *народ*.

21. См.: Greg. Tur. Gloria mart. C. 72 (SS rer. Mer. I-2, P. 536); данное чудо приписывается мученику Квинтину.

22. Passio Thrudperti mart. Brisgoviensis (SS rer. Mer. IV). – P. 352-363.

Плеханова В. А., Коноплева Н. А.
V. A. Plekhanova, N. A. Konopleva

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЧЕРЕДОВАНИЯ СТИЛЕЙ И СПОСОБОВ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ В ДИЗАЙНЕ ИНТЕРЬЕРОВ XX ВЕКА

THE REGULARITIES OF ALTERNATING THE STYLES AND METHODS OF FORM-FORMATION IN THE DESIGN OF INTERIORS OF THE XX CENTURY

Плеханова Виктория Александровна – старший преподаватель кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, Владивосток); 690014, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; тел.: +7 (423) 240-40-94. E-mail: viktoriya.plehanova@vvsu.ru.

Ms. Victoriya A. Plekhanova – senior lecturer at the Department of Design and Technology, Vladivostok State University of Economics and Service (Russia, Vladivostok); 690014, Primorsky Krai, Vladivostok, 41 Gogolya str.; tel.: +7 (423) 240-40-94. E-mail: viktoriya.plehanova@vvsu.ru.

Коноплева Нина Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, Владивосток); 690014, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; тел.: +7 (423) 240-40-94. E-mail: nika.konopleva@gmail.com.

Ms. Nina A. Konopleva – doctor of Culturology, professor, Department of Design and Technology, Vladivostok State University of Economics and Service (Russia, Vladivostok); 690014, Primorsky Krai, Vladivostok, 41 Gogolya str.; tel.: +7 (423) 240-40-94. E-mail: nika.konopleva@gmail.com.

Аннотация. В статье исследуются современные стили нелинейных форм как способ преобразования повседневной жизни человека посредством эстетизации и экологизации внутреннего пространства повседневности – жилья. Визуальный комфорт человека как эстетическая и важнейшая экологическая составляющая среды обитания в значительной степени определяется преобладающими в окружающем пространстве формами. Стремлению человека к преобладанию в его жилье более экологичных объектов соответствует нелинейное формообразование. Исходя из общепризнанного утверждения ведущих деятелей искусства и культуры о том, что законом формы является стиль, в работе представлена характеристика современных стилей нелинейных форм. Обозначена их преемственность, проанализирована динамика способов формообразования в интерьерном дизайне XX века, выявлены некоторые закономерности в чередовании линейного и нелинейного формообразования в интерьерном дизайне. В динамике сроков появления стилей нелинейных форм отмечены черты квазипериодического процесса. Показано, что с 80-х гг. XX века в дизайне и архитектуре преобладал интерес к стилям нелинейных или смешанных форм.

Summary. The article explores modern styles of nonlinear forms, as a way to transform the everyday life of a person through aesthetization and greening the internal space of everyday life - housing. Human visual comfort as an aesthetic and most important environmental component of the environment is largely determined by the forms prevailing in the surrounding space. The aspiration of a person to the predominance of more environmentally friendly objects in his dwelling corresponds to nonlinear shaping. Based on the generally accepted assertion of leading figures of art and culture that the law of form is style, a characteristic of contemporary styles of nonlinear forms has been compiled in the paper. Their continuity is indicated, the dynamics of the shaping methods in the 20th century interior design are analyzed, and some regularities in the alternation of linear and non-linear shaping in the interior design are revealed. In the dynamics of the timing of the appearance of styles of nonlinear forms, the features of a quasiperiodic process are noted. It is shown that interest in non-linear or mixed forms has dominated since the 1980s in design and architecture.

Ключевые слова: форма, стиль, формообразование, интерьер, жильё, повседневность.

Key words: form, style, shaping, interior, dwelling, everyday life.

УДК 7.03

В последней трети XX века складывается и обретает зрелые формы новый исторический тип повседневности, материально-предметные и духовные проявления которой в значительной степени определяются массовым искусством, в частности, интегрированным в него дизайном. Повседневность обращается к искусству как к зеркалу, в котором она может увидеть своё отражение, и как к образной системе, с помощью которой она может быть осмыслена. Искусство не только запечатлевает повседневность, но и является активным участником повседневной жизни, организующим и украшающим её. Жизнь в богатом эмоциональном окружении является качественно иной, открывающей человеку новые культурные и эстетические возможности [16].

Нейробиолог А. Дамасио сделал революционное открытие о ключевой роли эмоций в регулировании рационального поведения: при нарушении связи между когнитивной и эмоциональной сферами утрачивается способность к адаптивному поведению и принятию решений. Результаты исследований, проведённых группой К. Элларда и Я. Гейлом, позволили им утверждать, что накопленный эффект от ежедневного погружения в угнетающую и скучную среду, стерильное, однородное пространство оказывают неблагоприятное воздействие на поведение, способствуют стрессу, импульсивности, понижению уровня позитивного эффекта и постоянному росту вероятности неадекватного и рискованного поведения [17].

Носителем эстетической ценности и выразительности жилых пространств и населяющих их вещей, воплощением содержания пространства повседневности как структуры, объединяющей отдельные элементы и части в единое целое, является форма. В этом понятии зафиксированы прежде всего материально-предметная, бытийная, внешняя стороны эстетического. Но, согласно В. Д. Лелеко, в этом внешне-формальном всегда просвечивает внутренне-содержательное, духовное, психологическое [7].

Визуальный комфорт человека – это не только эстетическая, но и важнейшая экологическая составляющая среды обитания. В значительной степени визуальный комфорт определяется преобладающими в окружающем пространстве формами. Человек от природы питает слабость к плавным изгибам. Эти пристрастия «записаны» в нашей ДНК.

Учёные, исследующие вопросы психологии и эстетики, пришли к выводу, что почти все люди предпочитают гибкие линии, и выявили связь этого предпочтения со свойствами нейронов, отвечающих за распознавание объектов в участках нашей зрительной коры. Среди корковых клеток гораздо больше тех, что приспособлены для анализа нюансов криволинейной поверхности, чем тех, что анализируют поверхность остроугольную.

Богатая пейзажами окружающая среда снижает уровень стресса, улучшает сосредоточенность и концентрацию внимания. Прямые линии и острые углы не только меньше привлекают эстетически, но могут сильно воздействовать на поведение. Контраст между реакциями человека на эти два типа контуров предполагает, что даже неярко выраженные особенности окружающей среды могут вызывать сильные реакции. Форма окружающих предметов может заставить человека чувствовать себя счастливым и расслабленным или беспокойным и напуганным, а также способна повлиять на манеру обращения людей друг с другом [8, 17].

Изложенное выше позволяет утверждать, что формообразование в интерьере является важнейшим способом эстетизации и экологизации пространства повседневности, а следовательно и повседневной жизни в целом. Биология, бионика и связанные с ними сферы деятельности дают дизайнерам новое, плодотворное понимание проблемы формообразования. Дизайнеры должны находить аналогии, используя биологические прототипы и системы дизайнерского подхода, взятые из таких областей, как этология, антропология и морфология. Человек всегда черпал идеи, наблюдая за природой. В прошлом это происходило естественно. Но теперь, по мере того как проблемы дизайна всё более усложняются в связи с глобальным распространением новых технологий, человечество утрачивает непосредственный контакт с биологической средой [11]. Однако тенденция к разработке форм, близких по виду натуральным, становится популярнее и в дизайне, и в архитектуре.

Законом формы является стиль [7]. Социальные, экономические и мировоззренческие предпосылки обусловили множественность стилей и направлений в искусстве и архитектуре XX века. [9]. Но причинами такой множественности, на наш взгляд, могут быть также неоднозначные оценки современными авторами (Д. Бониколини, Л. Бхаскаран, А. И. Локотко, С. Махлиной, Н. И. Софиевой) значимости и таксономической категории различных стилевых явлений [2; 3; 9; 10; 13]. Нет общепризнанных стилей и направлений. Предпочтение термину «стиль» либо термину «направление», как правило, не учитывает реальной соподчинённости художественных явлений. Так, Л. Бхаскаран почти всегда определяет их как стили, а Д. Бониколини одно и то же явление называет и стилем, и направлением. Зачастую понятия стиль, направление, течение применяются как синонимы, то есть авторы по-разному воспринимают понятие стиля и применяют разную степень дифференциации стилевых явлений. Причиной такой неоднозначности, по предположению А. И. Локотко, является субъективное истолкование авторских концепций, девизов и деклараций. С нашей точки зрения, названные классификационные проблемы могут быть связаны и с недостаточно строгими определениями понятия «стиль». Их анализ показывает, что зачастую они не различают масштабы и соподчинённость художественных явлений. Равноправными оказываются и стили целых эпох или крупных художественных направлений, и индивидуальные стили (творческие манеры) отдельных авторов.

На данный момент строгая иерархия художественных явлений в искусстве и в дизайне не определена. В одном и том же литературном источнике одно и то же художественное явление может называться и стилем, и стилевым направлением, или разные по масштабу художественные явления могут обозначаться одним термином – «стиль» [14]. Например, Н. И. Софиева, рассматривая развитие стилей барокко и рококо во французской истории, дифференцирует их опять же на стили последовательно сменяющих друг друга Людовиков, Директории, Консульства и т. д. В то же время таксономическая категория художественного явления (стиль, направление, течение, школа) позволяет судить об источниках формирования его важнейших признаков, степени самостоятельности этого процесса – являются ли эти признаки результатом внутрестилевых поисков либо формируются новыми технологическими возможностями и эстетическими представлениями. В первом случае характерные черты обязательно включают и отличительные качества стилевого фона.

Исследуя современные архитектурные стили, А. И. Локотко делает вывод, что на протяжении XX столетия в архитектуре определились две условные линии стилей и направлений. Одну составляют рационализм, функционализм (конструктивизм), органическая архитектура и постмодерн. Эти направления базируются на академической архитектонике и имеют причинно-следственную связь со стилями и направлениями европейской архитектуры предшествующих эпох. Другая линия представлена новаторскими направлениями: авангард, футуризм, деконструктивизм, техноархитектура, брутализм, метаболизм, минимализм, хай-тек, традиционализм, блоб-тектура, нелинейная архитектура, ноэли, виртуальная архитектура. Линии в данном случае, по мнению автора, – это скорее восходящие во времени спирали, имеющие точки соприкосновения и связи [9].

Интерьерные стили, наиболее востребованные в дизайне современных внутренних пространств, представлены достаточно большим списком (более 20 названий).

Из анализа взглядов различных авторов на современные стилевые явления нам не удалось выделить приоритетные суждения об их свойствах. Поэтому для их описаний были объединены *дополняющие и не противоречащие друг другу* стилевые характеристики. В соответствии с форматом статьи в табл. 1 приведён небольшой фрагмент этих данных – описание современных интерьерных стилей нелинейных форм.

Таблица 1

Современные интерьерные стили нелинейных форм

Стиль, направление	Стилевые истоки	Основные черты
Органический дизайн	Модерн	<p>Принцип: гармоничность, единство объекта со средой, открытые <i>«перетекающие» пространства</i></p> <p><i>Органические, функциональные формы объектов с плавными, округлыми очертаниями, напоминающие естественные линии</i></p> <p>Материалы: светлое дерево, стекло, сталь, керамогранит, кожа; с 1990-х гг. – пластмасса</p> <p>Сочетание разнообразных фактур материалов: шероховатых и гладких, глянцевых и матовых</p> <p>Мебель из гнутой древесины без декоративных элементов</p> <p>Присущи лёгкость и плавные формы</p> <p>Цветовая гамма: сдержанные светлые цвета, преобладание пастельных оттенков</p> <p>Текстиль: натуральные ткани</p> <p>Декор минимален и функционален</p> <p>Освещение: простые, лёгкие, формы с <i>плавными</i> линиями</p>
Биоморфизм	Модерн, Органический дизайн	<p>Принцип: «ничего лишнего», создание максимально комфортной эргономичной среды обитания, функциональность</p> <p><i>Отсутствие острых углов, природные, зооморфные и растительные формы, плавные и скруглённые линии, обтекаемость, единство пространства</i></p> <p>Материалы высокотехнологичные; допустимо сочетание инновационных материалов с натуральными</p> <p>Мебель эргономичная <i>растительной и зооморфной тематики, плавных</i> очертаний</p> <p>Цветовая гамма: яркие, но неагрессивные цвета в сочетании с основными чистыми спокойными тонами</p> <p>Декор минимален, лаконичен, природной тематики</p> <p>Освещение: стилизация растительных, природных элементов</p>
Деконструктивизм	Модерн, Конструктивизм, Супрематизм, Постмодернизм	<p>Принцип: стремление к комфорту через «идеологию разлома», дисгармонию, хаос</p> <p>Нагромождение <i>ломаных линий, разнообразных форм – круглых и прямоугольных</i> (искривлённые стены, потолок из геометрических фигур)</p> <p><i>Асимметричность; характерно прерывание чётких линий в пространстве для создания эффекта разрыва плоскостей пола, стен и потолка</i></p> <p>Материалы: сочетание натуральных, искусственных и высокотехнологичных</p> <p>Мебель эргономичная и удобная минималистичных форм, без декоративных элементов, часто модульная и встроенная</p> <p>Цветовая гамма: несочетаемые цвета; яркие тона используют в качестве контраста на фоновом цвете</p> <p>Декор: минимален, неприемлем орнамент</p> <p>Освещение: точечные светильники и подсветка</p>

Полученные описанным выше способом характеристики визуальных свойств современных интерьерных стилей, в том числе представленные в табл. 1, подтверждают представления о том, что, в отличие от утвердившихся в истории искусства исторических стилей, современные стили носят не строгий характер и являются скорее образными интерпретациями, нежели устоявшимися определениями [5]. Тем не менее из их сравнения можно проследить преемственность и временную соотнесённость отдельных художественных явлений и принципов формообразования. В этих целях в первую очередь было учтено время их возникновения. Эта характеристика является в значительной степени относительной, но всё же, на наш взгляд, наиболее детерминированной по сравнению с другими временными характеристиками стилей и отражает *динамику интереса* к тем или иным способам формообразования и соответственно динамику стилей как формообразующих факторов, обусловленную социально-экономическими и культурными условиями конкретного периода.

Сначала мы попытались ответить на вопрос: существуют ли закономерности в смене способов формообразования в интерьере? Представляется, что стили линейных форм фактически всегда связаны со стилями предшествующих эпох. Им присущи строгость и гармония классики, ясная геометрия форм и чёткие объёмы классицизма. Некоторые современные стили, к примеру, винтаж и шебби-шик, прямо возрождают традиции и моды прежних эпох и поколений.

Сложнее определить преемственности качеств современных стилей нелинейных форм. Ранее мы отмечали, что их истоком служит модерн [12], что наглядно показано в табл. 1. То угасая, то возрождаясь в течение прошлого столетия, модерн стал востребованным в современном дизайне интерьеров [15].

Чтобы обнаружить какие-либо закономерности в чередовании способов формообразования в интерьерном дизайне, весь ряд появившихся с конца XIX века стилей был ранжирован в хронологическом порядке (см. табл. 2) и для наглядности вынесен на хронологическую ось (см. рис. 1).

Таблица 2

Последовательность появления новых стилей в конце XIX – XX вв.

Стиль	Способ формообразования	Место и время появления
Модерн	нелинейный	Англия, 1880 год
Футуризм	нелинейный	Италия, 1909 год
Супрематизм	линейный	Россия, 1910 год
Конструктивизм	линейный	Россия, 1921 год
Ар-деко	смешанный	Франция, 1925 год
Органический дизайн	нелинейный	США, 1930 год
Биоморфизм	нелинейный	Европа, 1935, 1990 годы
Лофт	линейный	США, 1940 год
Скандинавский стиль	линейный	Северная Европа, 1950 год
Винтаж	смешанный	Франция, 1950 год
Поп-арт	смешанный	Великобритания, США, 1955 год
Контемпорари	линейный	1960-е гг.
Минимализм	линейный	США, 1967 год
Хай-тек	линейный	США, Великобритания, 1972 год
Постмодернизм	смешанный	США, 1970-е гг.
Техно	смешанный	1980-е гг.
Деконструктивизм	нелинейный	Франция, 1980-е гг.
Шебби-шик	смешанный	США, конец 1980-х гг.
Фьюжн	смешанный	США, 1990 год
Эко-стиль	смешанный	конец XX века

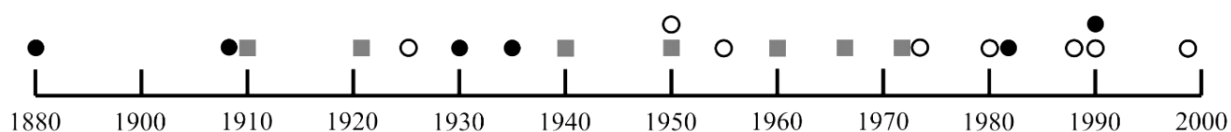

Рис. 1. Хронология появления современных интерьерных стилей:

■ – линейных форм; ● – нелинейных форм; ○ – сочетаний линейных и нелинейных форм

Исходя из представленных выше данных, отметим, что в истории XX века почти равновероятным оказалось появление стилей трёх выделенных по способу формообразования групп. Интересным представляется распределение их во времени. Обращает на себя внимание положительный тренд в развитии стилей смешанных форм. До начала 1940-х гг. только один из них – ар-деко – вмещался в «противостояние» линейного и нелинейного формообразования, а в конце века, с 1980-х гг., абсолютно преобладающими стали либо стили, сочетающие прямоугольные и нелинейные формы, либо отдающие предпочтение последним. Период от начала 40-х до середины 70-х гг. XX века был периодом зарождения стилей линейных форм. В начале XX века заметна квазипериодичность в появлении стилей нелинейных форм: примерно через 30 лет после создания модерна появляется футуризм, и ещё через 20–25 лет – органический дизайн и биоморфизм. Следующий всплеск интереса к нелинейному формообразованию отмечается только в конце века и проявляется в деконструктивизме и возродившемся биоморфизме. Ранее О. Б. Чепурова отметила периодичность чередования форм выражения художественного образа предметно-пространственной среды в рамках культурно-исторического среза и объяснила её связью развития материального мира и искусства [16]. Вряд ли можно согласиться с использованием в данном случае строгого математического понятия «периодичность», но колебания разной продолжительности в развитии искусства в целом и соответственно дизайна, безусловно, присутствуют, и происходят они на фоне поступательного развития всех социально-экономических процессов, обуславливающих также тренд в развитии искусства. Наличие цикличности в смене способов формообразования в связи со сменой стилей наиболее чётко прослеживается в Новом времени: ренессанс – барокко, рококо – классицизм – модерн. В XX столетии в дизайне эта закономерность несколько затухает множественностью художественных явлений, чаще всего обозначаемых одним понятием «стиль» без учёта их взаимосвязей и взаимоподчинённости. К тому же, процесс стилеобразования здесь определяется не только социальными, экономическими, культурными факторами, но и потребительскими запросами. Механизм влияния последних на непрерывную смену в дизайне внешне контрастных друг другу «стилей» и «антистилей» В. Л. Глазычев объясняет неоднородностью потребительского контингента (делением его на массового и элитного потребителя) и принципиально различным девизом потребления в этих двух группах: «как у всех» в первом случае и «не как у всех» во втором [6]. «Система перехода “антистиля” в “стиль”, – пишет Глазычев, – является естественной, внутренне присущей характеристикой времени... Следующий “стиль” проявляется не только через контраст к предыдущему, он является одновременно и его продолжением, не в частности, а в основном, часто скрытом за конкретностью форм содержания». Данные табл. 2 и источников [1; 4; 6] свидетельствуют о длительном (последние десятилетия) сосуществовании в дизайне интерьера и контрастных (футуризм – супрематизм, техно – деконструктивизм), и сходных по способам формообразования стилевых явлений (органический дизайн – биоморфизм, минимализм – хай-тек). Зачастую их основные отличия могут проявляться в используемых материалах (фьюжн – экостиль).

В заключение ещё раз отметим, что перспективность нелинейного формообразования в дизайне современного интерьера, обусловленная развитием научных представлений и сменой проектных парадигм, появлением обоснованных представлений о роли нелинейных форм в создании

экологического пространства, достижениями в технологии их производства, подтверждается реальным ростом интереса к стилям нелинейных или смешанных форм с 80-х гг. прошлого века.

Основные выводы:

1. Визуальный комфорт человека, являющийся важнейшей экологической составляющей, в значительной степени определяется преобладающими в окружающем его пространстве формами.
2. Соответствующим современному миропониманию и стремлению человека к преобладанию в среде его обитания более экологичных природных воздействий является *нелинейное формообразование*.
3. С 80-х гг. XX века преобладающими в дизайне интерьеров стали новые стили, либо сочетающие прямоугольные и нелинейные формы, либо отдающие предпочтение последним.
4. Периоды наиболее активного обращения архитекторов и дизайнеров к сложным нелинейным формам – конец XIX – первая и последняя трети XX века – разделены интервалами, в среднем близкими к 40 годам, то есть динамика сроков появления стилей нелинейных форм представляется похожей на квазипериодический процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Бониколони, Д. Создание интерьеров. Стиль и комфорт / Д. Бониколони. – М.: Рип-холдинг, 2014. – 272 с.: ил.
3. Бхаскаран, Л. Дизайн и время. Стили и направления в современном искусстве и архитектуре / Л. Бхаскаран. – М.: Арт-Родник, 2009. – 256 с.: ил.
4. Быстрова, Т. Ю. Вещь. Форма. Стиль: введение в философию дизайна [Электронный ресурс] / Т. Ю. Быстрова. – Режим доступа: http://taby27.ru/tvorcheskie_raboty/veshh-forma-stil-vvedenie-v-filosofiyu-dizajna-bystrova.html (дата обращения: 05.11.2018).
5. Бытачевская, Т. Н. Искусство художественного авангарда XX века как фактор формообразования в дизайне: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / Бытачевская Тамара Никифоровна. – М., 2005. – 18 с.
6. Глазычев, В. Л. Дизайн как он есть / В. Л. Глазычев. – М.: Книжный дом «Университет» (КДУ), 2013. – 320 с.
7. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб., 2002. – 320 с.
8. Лидвелл, У. Универсальные принципы дизайна: пер. с англ. / У. Лидвелл, К. Холден, Дж. Батлер. – СПб.: Питер, 2012. – 272 с.: ил.
9. Локотко, А. И. Архитектура: авангард, абсурд, фантастика / А. И. Локотко. – Минск: Беларус. наука, 2012. – 206 с.
10. Махлина, С. Художественные стили в жилом интерьере. – СПб.: Алетейя, 2012. – 168 с.
11. Папанек, В. Дизайн для реального мира / В. Папанек. – М.: Издатель Дмитрий Аронов, 2008. – 416 с.
12. Плеханова, В. А. Об актуальности нелинейного формообразования в современном отечественном дизайне / В. А. Плеханова // Современные наукоёмкие технологии. – 2016. – № 12-3. – С. 531-536.
13. Софиева, Н. И. Дизайн интерьера: стили, тенденции, материалы / Н. И. Софиева. – М.: Эксмо, 2012. – 656 с.: ил.
14. Стили и направления в изобразительном искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.art-katalog.com/russian/article/122> (дата обращения: 18.10.2018).
15. Стиль модерн в интерьере: всё о цветовой палитре, декоре и обзор лучших реализаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://happymodern.ru/ctil-modern-v-interere-37-foto-izyskanno-dorogo-vkusno/> (дата обращения: 11.10.2018).
16. Чепурова, О. Б. Теоретические проблемы формирования художественного образа в дизайне [Электронный ресурс] / О. Б. Чепурова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 9. – Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2005_9_1/16.pdf (дата обращения: 20.10.2018).
17. Эллард, К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие / К. Эллард. – М.: Альпина Паблицер, 2018. – 288 с.

Сова О. Н.

O. N. Sova

КАРНАВАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ САПАТИСТОВ

CARNIVALITY IN THE CONTEXT OF POLITICAL CULTURE OF CONTEMPORARY ZAPATISTA

Сова Оксана Николаевна – кандидат культурологии, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104. E-mail: sovamur@mail.ru.

Ms. Oхana N. Sova – PhD in Culture studies, associate professor, World history Department, Blagovestchensk State Pedagogical University (Russia, Blagovestchensk); 675000, Amur region, Blagoveshchensk, 104 Lenin str.; tel.: +7 (924) 673-78-03. E-mail: sovamur@mail.ru.

Аннотация. В данной статье автор анализирует политическую культуру сапатистов в современной Мексике с точки зрения наличия в ней феномена карнавальности, обусловленного синтезом иберо-американских и самобытных индейских традиций. Карнавализация мира, мысли и слова позволяет сапатистам привлечь внимание общественности к своим общинам, самобытности и культуре, выступая как один из способов политического протеста и самосохранения.

Summary. In this article the author analyzes the political culture of zapatista in modern Mexica in terms of the presence of the carnival phenomenon in it, due to the synthesis of Ibero-American and original Indian traditions. Carnivality of the world, thoughts and words allows zapatista to draw public attention to their communities, identities and culture, acting as one of the methods of political protest and self-preservation.

Ключевые слова: политическая культура, сапатисты, народная смеховая культура, карнавал, карнавализация, карнавальность, протест.

Key words: political culture, Zapatista, folk culture of laughter, carnival, carnivalization, carnivality, protest.

УДК 008 (8)

Современная латиноамериканская культура уникальна и интересна. Её появление связано, с одной стороны, с самобытными традициями коренных народов, с историей их великих древних цивилизаций, а с другой – с вмешательством в общий процесс эволюции местной культуры западной цивилизации и привнесением своеобразных культурных форм жизни народами африканского континента.

В настоящее время латиноамериканская культура находится под мощным воздействием основной тенденции мировой культуры – универсализации, ведущей к нивелированию культурной уникальности отдельных народов. В то же время сильными остаются специфические черты культур латиноамериканских народов, среди которых особое место занимает карнавальность как проявление народной смеховой культуры. В свою очередь, народная смеховая культура является реакцией на систему угнетения, деспотизм и несправедливость повседневной жизни. Интерес представляет выявление влияния феномена карнавальности на деятельность представителей радикального протестного движения в латиноамериканском регионе. Элементы карнавальности характерны для разных партизанских организаций прошлого и настоящего, например, для достаточно известных в мире революционных вооружённых сил Колумбии – Армии народа, которые недавно прекратили вооружённую борьбу [3]. Потому наиболее ярким примером проявления этого феномена в современной жизни являются сапатисты в Мексике.

Впервые о сапатистах мир узнал в начале 1990-х годов, когда они восстали в знак протеста против договора о свободной торговле, подписанного США, Канадой и Мексикой (НАФТА)

и вступившего в силу 1 января 1994 г. Сапатистская армия национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional – EZLN), таким образом, заявила о себе, нуждах мексиканских индейцев полуострова Юкатан, выступила против хищнической политики государственной власти, десятилетиями не учитывающей интересов коренных жителей. В настоящий момент организация не ведёт боевых действий, но вынуждена защищать автономные поселения индейцев от насилия со стороны мексиканской армии и полувоенных формирований (paramilitares).

Сапатисты – это крестьяне, в большей степени метисы по своему происхождению, но в то же время это десятки разных индейских народов. Название движения уходит своими корнями в историю Мексиканской революции 1910–1917 гг. Одним из революционных лидеров начала XX века был Эмилиано Сапата (1879–1919), выступавший за интересы крестьянского населения. Благодаря его фамилии, современные борцы за права коренных жителей стали называть себя сапатистами.

Почти четверть века современные сапатисты ведут борьбу за право жить так, как они считают справедливым. У них есть автономные поселения в штате Чьяпас, на которые не распространяется государственная власть. В этих поселениях существуют свои порядки и управление, опирающиеся на мировоззренческую концепцию жителей. Одним из основных аспектов этой концепции является карнавальность.

Для начала необходимо выяснить содержание терминов «карнавал», «карнавальность» и «карнавализация».

Согласно данным одной из современных энциклопедий, карнавал – это масленичное гулянье с уличными шествиями, театрализованными играми у народов Европы и Латинской Америки [5, 124]. Концепция карнавала в контексте народной смеховой культуры раскрыта М. М. Бахтиным, который выделяет три основные её формы: обрядово-зрелищную, словесную смеховую и различные формы и жанры фамильярно-площадной речи [1, 9]. В этом ключе автор отмечал и основные черты карнавальной культуры, отражающей философию жизни: универсальность, амбивалентность (восприятие бытия в постоянном изменении, вечном движении от смерти к рождению, от старого к новому, от отрицания к утверждению), утопизм, бесстрашие и неофициальность. У карнавала сложный язык с большим арсеналом символических и чувственных форм, начиная от отдельных жестов и словесных выражений и заканчивая массовыми действиями.

При рассмотрении феномена латиноамериканского карнавала необходимо исходить из того, что, как и всякий праздник, карнавал как таковой – прежде всего обряд, причём обряд архаичный, строящийся из множества действий, жестов, процедур, которые носят глубоко символический, сакральный характер. Латиноамериканский карнавал – это праздник, возникший не столько в результате транскulturации, сколько в ответ на внутренние запросы формирующейся культуры нового типа. Он не столько воспроизвёл формы европейского праздничного действия, сколько актуализировал древнейшие, восходящие к доевропейским культурным слоям архетипы социального бытия. Поэтому он носит моделирующий характер для разных форм проявления латиноамериканской культуры [2, 172-173]. Подтверждением этому является сапатистское движение.

Обобщая вышеизложенное, можно говорить о том, что слово «карнавал» в латиноамериканской культуре имеет три значения:

- 1) как форма национального праздника (и формирования латиноамериканского самосознания);
- 2) как способ самоидентификации и созидания культурного мира;
- 3) как актуализация доевропейского социального бытия (сохранение культурного наследия).

Карнавал играет значимую роль в латиноамериканской культуре. К функциям карнавала следует отнести меморативную, психологическо-компенсаторную, социально-коммуникативную, интегративную. Эти функции наглядно можно проследить в деятельности сапатистов.

Меморативная функция карнавала связана с сохранением культурных традиций индейских народов. Это выражается в сохранении языка, форм организации жизни, видов деятельности, фольклора, почитания праздников. Сапатистам удалось создать автономные поселения, в которых

управление осуществляется по принципу «править, подчиняясь» согласно общинным правилам, уходящим своими корнями в далёкое прошлое. Элементы карнавальности распространяются и на сферу управления, когда за безучастие в общественной жизни, за игнорирование коллективных действий и за безынициативность члена автономных поселений могут «наказать». «Наказание» заключается в предоставлении возможности возглавить какой-либо местный орган власти, руководить какой-либо деятельностью, что само по себе выступает амбивалентным, характерным для народной смеховой культуры и связанным с ней карнавалом.

Психологическо-компенсаторная функция карнавала помогает людям почувствовать себя субъектом истории, её творцом. Кроме того, карнавал выступает своеобразным способом избежать социального, включая революционного, взрыва, выплеснув энергию накопившихся противоречий. Это особенно актуально в связи с методами борьбы сапатистов, отказавшихся от оружия в пользу мирной пропаганды своих идей и организации жизни. Сапатисты активно используют такие формы гражданского сопротивления, как митинги, демонстрации, блокаду (блокирование доступа в административные здания или перекрытие улиц с целью давления на чиновников), марши (в том числе «марши молчания») [8, 380].

Социально-коммуникативная функция карнавала проявляется в особых формах выстраивания взаимоотношений между членами сапатистских общин, с одной стороны, и сапатистскими и несапатистскими общинами – с другой, как в атмосфере праздника, так и в повседневной жизни. Показательным примером является влияние установившихся правил отношения к женщинам среди сапатистов (возможность получать образование, занимать гражданские и военные должности, отказ от мачизма, уважение личности и достоинства женщин, их права на выбор жизненного пути) на несапатистские общины, в которых также начинает меняться отношение к женской части мексиканского общества [11].

Интегративная функция заключается в мобилизации сил самих сапатистов, в объединении сапатистских общин с несапатистскими. Для совместной деятельности важна внутренняя сплочённость сапатистов, включающая общность идей, мировоззрения, целей борьбы. Одновременно актуальность приобретает поиск поддержки извне, сближение с несапатистами для решения общих задач. Сапатистская армия национального освобождения (EZLN) в каждую годовщину своей деятельности проводит фестиваль, на котором поют, танцуют, читают стихотворения, исполняют музыку. В таких мероприятиях активно участвуют сапатисты и их сторонники [10, 122-131].

Карнавальность зачастую рассматривается как праздничность, ощущение карнавала. Под карнавализацией понимается переворачивание смысла бинарных оппозиций, то есть типов отношений в семиотических системах, в рамках которых знак приобретает своё значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции. При этом феномен карнавализации в современной жизни проявляется в разных областях, включая политическую культуру. Карнавальность сопутствует общению представителей разных социальных и политических сил, где смех как основа карнавализации выступает значимым коммуникативным средством для выстраивания эффективного диалога. В этой статье термин «карнавальность» используется в значении осознанной причастности сапатистских общин и отрядов партизан к народной смеховой культуре и её составляющей – карнавалу, современным формам карнавализации.

Наиболее выраженными аспектами карнавала, встречающимися у сапатистов, являются элементы площадной культуры, смеховая литература, использование маски и даже обращение к образу смерти, которая в культуре мексиканцев занимает особое место.

Как подчёркивает Т. В. Гончарова, многолюдная праздничная процессия, массовое театрализованное действо латиноамериканских карнавалов остаются основной формой культурной жизни и сохраняют социокоммуникативные, сакральные и метафизические функции древних празднеств доколумбова времени [6, 65-66]. К тому же театрализованные приёмы коммуникации в разные времена занимали важное место в публичной политике из-за обращения ко всем свойственным человеку средствам восприятия мира, его переживаниям, эмоциям. В качестве примеров можно привести шествия, митинги, переговоры между группировками. Всё это присутствует в методах борьбы сапатистов. В качестве примера можно вспомнить «иные кампании» сапатистов, ко-

торые начались в 2006 году параллельно с очередной президентской кампанией в Мексике. Это были шествия с целью выработки альтернативного общенационального проекта развития общества и государства. «Иные кампании» распространились не только по разным мексиканским штатам, но и за пределами государства, например, в США, где проживают мексиканские эмигранты. По своей форме эти шествия сочетали черты гражданских форм сопротивления и элементы карнавальности, что проявлялось в костюмах участников (чёрная маска, красные платки, традиционные индейские одежды), их речах (использование элементов площадной речи с приёмом снижения), символике.

Основными атрибутами любого карнавала являются костюмы и маски, которые призваны скрыть социальное происхождение человека и уравнивать всех на время праздника. Сапатисты на официальных встречах и переговорах с представителями средств массовой информации, общественных и политических организаций, во время митингов, шествий, на сапатистских праздниках соблюдают определённые правила в ношении одежды. Чаще всего они надевают традиционную индейскую одежду, подчёркивая свою принадлежность к коренным народам Мексики, хотя это не является обязательным. Неизменными атрибутами костюма сапатистов стали чёрные маски и красные платки, которые формируют образ борца-сапатиста и отражают обрядово-зрелищные формы народной смеховой культуры в наличии элементов карнавального образа.

Чёрная маска, прикрывающая часть лица, первоначально служила для обеспечения безопасности её носителям, но со временем обрела символическое значение. Маска не только скрывает людей, чтобы не различать по социальному происхождению, но и подчёркивает их индивидуальность, проявляющуюся в единстве, коллективном действии. Это «люди без лиц, без прошлого, без имён...» [10], но при этом это люди, за которыми «находитесь вы». Чёрный цвет масок выбран не случайно. Чёрный цвет – это цвет земли, которая является неотъемлемой частью самобытной культуры коренных народов Мексики, отражает их принадлежность к общине и ассоциируется с автономией, позволяющей быть творцом своей жизни. Мирный поход сапатистов в 2001 году по территории многих мексиканских штатов с целью признания прав и культуры индейских народов на уровне Конституции носил название «Поход цвета земли». Все участники похода были облачены в чёрные маски, ещё раз подчёркивая значимость чёрного цвета в символическом аспекте.

Маска чёрного цвета сапатистов – это знак протеста против консервативно-патриархальных норм мексиканской действительности, против таких феноменов, как каудильизм, мачизм, сопротивление унижительному положению индейских народов относительно белого населения (необходимость уступать дорогу, не смотреть в глаза белому человеку и т. д.). Чёрная маска в современном мире действительно ассоциируется с сапатистами, это главный объект в войне символов, информации и метафор. Для мирового сообщества это знак того, что перед ними те, кто выступает за альтерглобализм, кто скрыл свои лица, чтобы защитить интересы всего человечества, чтобы провозгласить право выбора и свободы.

Справедливо пишет С. А. Шомова о многоаспектности феномена маски, который не ограничивается только лишь затруднением идентификации. Маска выступает средством общения и налаживания контактов в межличностном диалоге; маска – это проявление индивидуального стремления к творчеству и самовыражению; это средоточие характера и эмоционального состояния; это указатель границы между пространством повседневности и пространством игры [9, 67].

Красный платок отражает цвет революции. Многие мужчины-сапатисты носят военную форму, подчёркивая связь с освободительной борьбой и традициями мексиканской революции 1910–1917 гг., и сомбреро как проявление национальной идентичности.

В рамках деятельности EZLN встречаются акции с переодеванием значимых для мексиканцев объектов. Например, распространёнными акциями протеста сапатистов являются переодевание статуй героев освободительной борьбы, когда им на лица надевают чёрные маски в значимые для Мексики общенациональные праздники, особенно в День независимости. Святую Деву Гваделупскую, которую любят и почитают индейцы как защитницу обездоленных и несчастных, сапатисты рисуют на своих агитационных листовках, стенах зданий и транспарантах с прикрытым лицом в знак солидарности с сапатистским и индейским движениями. Такая траверсия характерна

для карнавала. Сапатисты следуют этим традициям, закрепляя карнавальность в своей нонконформистской культуре.

Феномен карнавальности находит своё отражение и в выборе сапатистами средств борьбы. Например, во время сапатистских походов вместо оружия используются цветы в качестве антитезы настоящему оружию военных. В качестве оружия чаще всего используется слово, несущее смех или обличённое в смеховую форму. Значительная часть речей и заявлений субкоманданте Маркоса, долгое время являвшегося лидером сапатистов, представляет собой литературные эссе, написанные в духе магического реализма. Это связано со своеобразием региональной культуры, оценивающей окружающую действительность сквозь призму коллективно-мифологического сознания коренных народов и ориентацию на традицию народно-коллективного мифотворчества.

Магический реализм как часть постмодернистской литературы тесно связан с гротескным реализмом, имеющим выход на народную смеховую культуру. Поэтому в письмах Маркоса встречаются пародийные рецепты излечения невозможными для лечения средствами, множество оговорок (когда государственные учреждения и институты низводятся к местам «низким», несерьёзным, балаганным), оксюморонов, игра слов, смешение серьёзного с несерьёзным, использование сложных аббревиатур и длинных слов, вызывающих смех [9, 178-179]. В своём творчестве Маркос использует приём снижения, который М. М. Бахтин относит к народной смеховой культуре [1, 297]. Типичное развенчание в чисто карнавальном духе – непосредственный спутник речей и писем Маркоса. Таким образом, обращение Маркоса к народной смеховой культуре через карнавальные образы в слове помогает освободить сознание людей от страха, неуверенности и угнетения, характерных для мексиканской повседневности.

Как отмечает М. А. Загibalова, наличие и значимость феномена карнавализации как одной из ключевых культурных трансформаций карнавала в современной культуре обусловлены спецификой самой постмодернистской культуры рубежа XX-XXI веков. Эта культура близка к карнавалу и карнавализации через такие явления, как трансгрессия (переход непроходимой границы прежде всего между возможным и невозможным) и симулякр (открытие новых пространств в сфере понимания) [4, 97-98]. Учитывая присутствие в пропагандистской лексике сапатистов магического реализма, влияющего и на другие формы их деятельности, можно в этом видеть ещё один источник происхождения и культивирования в своём мировосприятии феномена карнавализации.

Карнавальность занимает неотъемлемое место в политической культуре и в образе жизни сапатистов, что объясняется их этническим составом и прочными связями с народной культурой и иберо-американскими традициями. Кроме того, карнавализация мира, мысли и слова позволяет сапатистам привлечь внимание к своим общинам, самобытности и специфике культуры не только мексиканского общества, но и международного сообщества. По существу, это один из способов пропаганды своих идей и самосохранения за счёт общественной поддержки как в своей стране, так и за её пределами.

Учитывая распространение карнавала в разных странах в условиях глобализации, использование элементов карнавальности сапатистами – это не только отражение и актуализация сапатистами своей мексиканской культуры с её мощными народными корнями, но и воспроизведение узнаваемых всеми в мире форм проявления социальной общности. В свою очередь, это оказывает мобилизующее воздействие в рамках всего мира. И здесь нужно вспомнить об альтерглобалистском аспекте деятельности сапатистов, не потерявшем актуальности до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Гирин, Ю. Н. Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры / Ю. Н. Гирин. – СПб.: Изд-во «Алетейя», 2008. – 216 с.
3. Донченко, А. И. Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа (FARC – EP): основные этапы деятельности / А. И. Донченко, О. Н. Сова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2006. – № 3. – С. 110-115.

4. Загibalова, М. А. Карнавал и карнавализация как пограничные феномены культуры / М. А. Загibalова // Известия Волгоградского государственного технического университета. Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2013. – Т. 13. – № 9. – С. 96-98.
5. Новая иллюстрированная энциклопедия. В 20 т. Т. 8. Ит-Кл. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 256 с.
6. Праздник как феномен иберо-американской культуры // Латинская Америка. – 1997. – № 11. – С. 57-75.
7. Сова, О. Н. Элементы народной смеховой культуры в творчестве Маркоса / О. Н. Сова // Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского: сб. докладов / отв. ред. А. И. Донченко. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – Вып. 16. – С. 174-181.
8. Субкоманданте Маркос. Четвёртая мировая война / сост. и пер. О. Ясинский. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 695 с.
9. Шомова, С. А. Карнавальные корни митинга: генезис и современные проявления / С. А. Шомова // Государственная служба. – 2012. – № 4. – С. 64-68.
10. Muñoz Ramírez, G. The Fire and the Word. A History of the Zapatista Movement / G. Muñoz Ramírez. – San Francisco: City Lights Books, 2008. – 339 p.
11. Subcomandante Insurgente Galeano. Entre la luz y la sombra. 25.05.2014 // Enlace Zapatista [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enlacezapatista.ezln.org.mx/2014/05/25/entre-la-luz-y-la-sombra/> (дата обращения: 25.08.2017).

Ильин А. Н.
A. N. Ilyin

КУЛЬТУРА ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

CULTURE OF CONSUMPTION AS A FACTOR OF FAMILY VALUES TRANSFORMATION

Ильин Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Mr. Alexey N. Ilyin – PhD in Philosophy, Professor, Practical Psychology Department, Omsk State pedagogical University (Russia, Omsk); 644043, Omsk, 4a Partizanskaja str. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

Аннотация. В статье обосновывается оказание разрушительного влияния культуры потребления на семейные ценности. Абсолютизация комфорта, карьеры, материального достатка противоречит более высоким и духовным стремлениям. Связанный с культурой потребления индивидуализм и рождаемый ей феномен лёгкой социальности выступают в противовес солидарности и коллективизму. Социально значимые (в том числе семейные) ценности утрачивают своё распространение, оставляя место для индивидуально значимых ценностей.

Summary. This article argues that culture of consumption has had a devastating impact on family values. Absolute comfort, career, material wealth contradict with the higher and spiritual aspirations. Individualism, associated with the culture of consumption and the phenomenon of light sociality being its cause are opposed to collectivism and solidarity. Socially significant values (including family values) lose their spread, leaving space for individually significant values.

Ключевые слова: культура потребления, семья, лёгкая социальность, индивидуализм, гедонизм.

Key words: culture of consumption, family, light sociality, individualism, hedonism.

УДК 008 (103)

Введение

Духовность культуры, характерной для определённого народа и конкретного времени его существования, – тема настолько же актуальная, насколько однозначно не эксплицированная. В сегодняшней культуре российского общества существует весьма влиятельный культурный сегмент, который принято называть консюмеризмом. Культура потребления стала доминирующим культурным типом не только в России, но и во многих странах мира – глобализация делает своё дело, экспортируя ценности и нормы поведения из одного пространственного ареала в другой. Многие духовно-нравственные проблемы российского и мирового общества созданы или во многом усилены именно тенденцией к культурному крену в сторону консюмеризма. Потребительские ценности не являются «ценностями в себе», влияющими только на практики покупательского поведения, а оказывают глубокое деструктивное воздействие на различные формы сознания – политическое, нравственное, экологическое – и, соответственно, на политическое, нравственное, культурное, экологическое устройства социального бытия.

Культура потребления ценностно-смысловым ядром подразумевает символизм вещей, стигмулирующий поведенческие практики демонстративной самопрезентации. Общество потребления – общество имиджезации, где коммуникация осуществляется преимущественно актуализацией потребности в самопозиционировании. Символически насыщенный товар выступает стратифицирующим маркером, функция которого – осуществлять позиционирование потребителя.

Потребление – практика, имеющая мало общего с удовлетворением потребностей. Культура потребления формирует и закрепляет чёткую индивидуалистическую направленность, отвращает

сознание от серьёзных проблем современности и направляет его исключительно в сферу личного быта. Обладание модными брендовыми вещами как средствами выделения себя из общей массы становится значимым ценностным ядром, по сравнению с которым ценности солидаризма, коллективизма, патриотизма в значительной степени нейтрализуются. Потребкульт требует жить в роскоши и беззаботности, концентрировать своё внимание на перманентных покупках гаджетов и вещей, быстро выходящих из моды, требующей постоянно успевать за ней. Вследствие этого усиливается невнимание к другим людям, формируется феномен социальной безответственности и семейные ценности тоже уходят на второй план, представляясь в качестве слишком обременительных моральных обязательств.

Возникает явление лёгкой социальности, выраженной в поверхностности отношений. Она трансформирует восприятие других людей в функциональное, коммерческое и рыночное русло. Вместо душевности или, напротив, ненависти, возникают отчуждённость, равнодушие, поверхностность в отношениях, недоверие. Глубина отношений утрачивается, традиционные общественные связи разрываются, сами отношения формализуются и обезличиваются, одиночество выступает условием усиления потребительского поведения. Эмоциональность к социальной жизни, к другим снижается, и эту утрату компенсирует эмоциональная вовлечённость в частную жизнь.

Расширение сетевых связей в современном обществе во многом возникает благодаря распаду традиционных связей, которые характеризовались значительно большей прочностью. Согласно данным, одинокие люди тратят на одежду, продукты питания, лекарства, средства по уходу за собой, походы в рестораны и развлечения на 20–30 % больше, чем семейные (возможно, в том числе поэтому пропаганда холостяцкого безответственного образа жизни так активна); в России на 6 человек семейных встречается 1 одинокий, а в столице одинок каждый третий [4]. Конечно, под ослаблением социальных связей далеко не всегда следует понимать одиночество. В основном имеется в виду переход к достаточно поверхностным отношениям. Общественному мнению, связанному с усиленным вниманием к предметам потребления, недалеко до полного пренебрежения интересами других, до крайней формы солипсизма.

Крупный город современного типа ослабляет социальную сплочённость в основном потому, что в нём исчезли многие прежние элементы городского пространства, по своей природе непотребительские или даже антипотребительские. Современные мегаполисы с их инфраструктурой отражают цель рыночной пользы, прибыли. Всё городское пространство наполнено потребительскими соблазнами, торговые площади и реклама стали неотъемлемой частью городского пейзажа и ликом глобальной капиталистической цивилизации. Они овладевают вниманием, призывают к избыточным покупкам, формируют ложные потребности. Инфраструктура и пространство нынешних городов, подстёгивая потребительские практики как способ самопрезентации, трансформируют ценностные ориентации, поведенческие практики и образ жизни общества и человека.

Если традиционные культуры, как правило, осуществляли сплочение людей, то потребление актуализирует удовлетворение индивидуальных потребностей, что способствует эгоизации человека и разрушает межперсональное единство на разных уровнях – от семейных до профессиональных, от малых групп до больших.

Даже любовь становится на некий имиджевый поток, переставая быть самой собой. Лёгкие отношения, стремление пожертвовать глубиной связей во имя нарастания их количества, секс без обязательств входят в жизнь современного общества. Коллекционирование сексуальных связей с различными партнёрами представляется консюмеру чем-то вроде коллекционирования вещей. Секс отделяется от чувственной сферы (любовь), институционально-духовной сферы (семья), лично-духовной сферы (ответственность). Скоротечный акт, даже если он повторяется какое-то время с одним и тем же партнёром, не ограничивает свободы в дальнейшем выбирать себе партнёров, ибо количество партнеров – знак собственного престижа. В ином случае потребитель заинтересован в односторонней любви – в желании быть любимым, но не любить. Как заметил Э. Фромм, стараясь вызвать чувство к себе со стороны других, человек стремится к максимальному материальному успеху (деньги, престиж, власть) и у него не хватает времени на подлинную любовь, на искусство любить [17]. Однако «многочисленность связей не может заменить

тождествообразующую силу стабильных первичных взаимоотношений» [1, 172].

Задаётся вполне обоснованным вопросом С. Жижек: «...что, если в нашем постмодернистском мире предписываемой трансгрессии, где супружеская верность воспринимается как старорежимное чудачество, по-настоящему подрывным оказывается поведение тех, кто цепляется за неё? Что, если искренняя свадьба сегодня есть “самая тайная и смелая из всех трансгрессий?”» [7, 111]. Б. Райнов, ещё в 70-е гг. XX в. описывая последствия сексуальной революции на Западе, отмечал увеличение случаев сексуальных преступлений, показное презрение молодёжи к чувству любви как старомодной сентиментальности, которая является признаком отсталости и слабости [14]. Все эти явления характерны и для современного российского общества, в котором инфраструктура потребления чрезвычайно сексуализирована, а благодаря в том числе и ей, – весь быт. К счастью, «идеология интимности» перечисленными Райновым явлениями не ограничивается, и, естественно, остаётся немало места для их противоположности – для «архаичных» традиционных ценностей любви, преданности, духовности. Только сами по себе потребительские ценностные ориентиры противоречат укоренённости в возвышенном чувстве любви и культивируют разврат, сексуальную «новизну», антисемейственность, «любовную независимость» и т. д. То, что называется сексуальной демократизацией, по существу превратилось в примитивизацию и коммерциализацию интимности, в снижение «градуса» духовности и романтизма. Здесь уместно привести слова Э. Гидденса, произнесённые в несколько ином контексте: «...сексуальность является не антитезой цивилизации, посвятившей себя экономическому росту и техническому контролю, а воплощением её неудачи» [3, 208].

Тут важно обратить внимание на демографический аспект проблемы, а именно на то, что потребительство и связанный с ним гедонизм способствуют сокращению уровня рождаемости. Консюмеризм вместо семейных ценностей придерживается индивидуализма, согласно которому жить надо в кайф и для себя, а не для семьи или детей. Потребительство как таковое направлено в сторону карьеризма, культа личной успешности, что идёт вразрез со стремлением обзавестись семьей и детьми. Множащиеся организации типа Child free («Свобода от детей») только культивируют идеологию потребительского индивидуализма, убеждая, что дети – это ненужная обуза. И даже в странах с высоким уровнем дохода населения, но в которых господствуют потребительские ценности, наблюдается демографический спад, поскольку потребительская культура делает своё дело, в том числе и там, где у людей есть материальная возможность обеспечивать детей. Ссылаясь на книгу П. Бьюкенена, В. Г. Федотова пишет, что на Западе индекс рождаемости составляет 1,4, когда для воспроизводства населения нужно 2,25 [16]. Как мудро заметил М. Делягин, вызванное потребительской ориентацией сокращение численности населения в развитых странах свидетельствует о глубоком внутреннем неблагополучии обществ [6].

Недаром отмечается, что по социально-демографическим характеристикам транжиры-шоперы, вкладывающие огромные деньги в брендовый символизм, – обычно неженатые/незамужние молодые люди или молодые семейные пары без детей [5]. Малодетность не обязательно связана с повышенным уровнем смертности или низким уровнем благосостояния. Поэтому стоит отчасти согласиться с утверждением А. Никонова о том, что если в прежние века регулятором рождаемости были эпидемии чумы и других болезней, то сегодня этим регулятором выступает приобретённый за счёт развития техники и технологий комфорт, который декларирует жизнь для себя, а не для своих детей. Ранее зрелость и самостоятельность наступала годам к 16, а сегодня она и в 30 может не наступить, что объясняется не только потребительскими тенденциями, но и спецификой информационной цивилизации, в которой от каждого специалиста требуется постоянно обновлять свои знания для того, чтобы идти параллельно развитию технологий; постоянно обучаясь, он испытывает дефицит времени на семью и многое другое. Так что закономерна демографическая стабилизация, выраженная в нулевом приросте, именно для развитых стран, наполненных комфортом [13]. Не согласимся только в положительной оценке данных тенденций, высказываемой Никоновым.

Сегодня в среде молодёжи слабеет желание обзавестись семьёй; браки отличаются запоздалостью и неустойчивостью, уровень рождаемости снижается. Бытовавшее в прошлом возвы-

шенное отношение к семье уступает место представленности семьи как необременительного сожителства. «Антисемейная идеология «живёт и побеждает» потому, что предлагаемый ею идеологический товар легко усваивается на животно-инстинктивном уровне и в первую очередь ориентирован на «обжорливую младость», познающую мир через наушники плееров, экраны телевизоров и мониторы подключённых к Интернету компьютеров» [11, 30]. В качестве источников этой идеологии В. Н. Лексин правомерно выдвигает следующие: 1) концепция угрозы перенаселения и увеличения количества неполноценных людей (теория и практика «планирования семьи»); 2) трактовка брака как несвободы и противопоставление ему свободной любви как формы отсутствия семейных обязательств; 3) либерально-рыночные интерпретации брака не как сакральной духовной ценности, а как партнёрских отношений. Антисемейная идеология выступает чуть ли не манифестом, указывающим путь к отказу от нежелательного, психологически и финансово затратного родительства, которому противопоставляется индивидуальное благополучие и гедонистическая жизнь, лишённая обузы.

Кстати, последний пункт весьма интересен тем, что рыночная идеология проникает именно туда, где ей места вообще нет и быть не должно. Согласно ей, отношения между мужем, женой и детьми призваны носить монетарный характер (один из примеров – брачный контракт), они должны платить друг другу деньги, например, за помощь по хозяйству и т. д. В книге «Девиантность в обществе потребления» находим несколько примеров – выдержек из проекта договора между супругами (из практики петербургского суда):

«Муж обязан предложить жене поговорить с ней каждый день с 20:30 в течение часа. Если он забыл или сделал вид, что забыл, он уплачивает штраф...».

«В случае измены жена уплачивает штраф в размере 1/3 стоимости квартиры, начиная со второй измены...».

«Супруг уплачивает штраф за попытку оставить другого супруга наедине со своими родственниками. Список лиц, которых нельзя пускать в дом без согласия второго супруга, указывается в качестве неотъемлемой части настоящего договора».

«Жена обязана предупредить мужа о своём эмоциональном состоянии не менее чем за две недели с тем, чтобы он успел выработать контраргументы»¹.

При реализации монетаризма в семье последняя перестаёт быть семьёй. В мире не всё продаётся и покупается, как бы там ни считали отчаянные рыночники. Есть явления, возникающие по ту сторону рынка. К ним прежде всего относятся любовь и патриотизм. Доведённая до крайности рыночная идеология предполагает дозволенность торговать политическими партиями (кстати, это довольно широко себя проявляет), убеждениями, отношениями, Отечеством, детьми. Эта идеология – тотальный инструмент десакрализации всего.

Ячейкой общества всегда являлась семья, но теперь, с постепенной утратой социальности, её легитимность ставится под сомнение несмотря на то, что лишь семья способна быть общественной ячейкой; один человек, в отличие от семьи, не может продолжать род, а потому необходим социальный скреп в виде семьи. К тому же семья – это особый социальный мир, позволяющий скрыться от проблем повседневности, решить их всеобщими усилиями членов семьи, мир заботы, уюта, человеческого тепла и любви. Ребёнок развивается семьёй и в семье, которая даёт ему любовь, заботу, понимание. Именно в семье происходит первичная социализация, обеспечивается преемственность языка, трудовых навыков, этических представлений. Именно в семье ребенок получает первоначальные и определяющие понятия о добре и зле, формирует модели поведения и нормы общения, наконец, посредством семейного воспитания формируется как личность. «...Многие институты человеческой жизни, будь то устоявшийся круг дружеского общения, будь то приход, монашеская или дружеская община, добровольное творческое объединение, иной раз даже – в некотором идеальном случае – трудовой коллектив или воинское подразделение, обретают свою прочность и благоприятный человеческий климат именно благодаря тем навыкам друже-

¹ Девиантность в обществе потребления: Коллективная монография. Под ред. Я. И. Гилинского и Т. В. Шипуновой. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 464 с., с. 163.

ского общения, заботы и взаимной ответственности, которые слагаются именно в семье. Слагаются – вопреки всем возможным злоупотреблениям внутрисемейным авторитетом или тем внутрисемейным распрям, описания которых с древнейших времён стали неотъемлемой частью и мифологии, и литературы, и историографии»². Без семьи, без традиционного семейного воспитания не просто вырастает неповзрослевший, инфантильный человек, но и не формируется личность как таковая.

На Западе с его развитой потребительской индустрией (и, соответственно, потребительской культурой) либеральный индивидуализм диктует правило, согласно которому ячейка общества – индивид. Вместо утверждения интересов и прав семьи как коллектива любящих друг друга людей утверждаются права ребенка, которые, к тому же, противопоставляются правам родителей; вспомним ювенальную юстицию, которая под видом борьбы с внутрисемейным насилием над детьми легитимирует детскую вседозволенность и наносит сокрушительный удар по институту семьи.

Приведём цитату из книги Ж. Липовецки: «Кто ещё может верить в труд, узнав о масштабах прогулов и *turn over* (текучесть рабочей силы), о страсти к отпускам, уик-эндам, развлечениям, которая не перестаёт усиливаться, когда уход на пенсию становится всеобщим стремлением, если не идеалом жизни; кто ещё может верить в семью, когда число разводов неуклонно увеличивается, когда стариков загоняют в дома престарелых, когда пожилые желают оставаться «молодыми» и участвуют в конкурсах «пси»; когда супружеские пары становятся «свободными», когда узаконены аборты, применение контрацептивов; кто ещё может думать об армии, когда принимаются все меры для того, чтобы её реформировать, когда уклонение от военной службы уже не считается бесчестием; можно ли говорить о добросовестности, экономии, о профессиональной этике, об авторитете, о санкциях?» [12, 58-59].

В прошлые века дети считались сакральным даром, подарком судьбы. Бездетные поэтому чувствовали себя неполноценными. Существовали различные поговорки на эту тематику, например: «Бездетный умрёт, и собака не взвоят», «Живёшь – не с кем покалякать», «Семья без детей что цветок без запаха», «Дом с детьми – базар, дом без детей – могила» и т. д. (см. [15]). Если ранее молодые люди видели смысл жизни в своих детях, теперь они детей расценивают как барьер для реализации смысла жизни, сводимого преимущественно к развлечениям. Если ранее в СМИ культивировался идеальный образ женщины как матери, а мужчины – как отца, теперь идеальным образом обоих становится бесполой консюмер. Мир культуры подавил многие социально вредные проявления человека, а мир потребительской культуры подавляет инстинкт воспроизводства жизни, подменяя его искусственно сконструированным «инстинктом гедонизма». Чем больший выбор предоставляет цивилизация для различных жизненных практик, тем в меньшей степени брак и рождение детей рассматриваются как сакральные ценности. Потребкульт и вся потребительская инфраструктура предлагают множество форм деятельности (прежде всего развлекательной), не связанных с семейной жизнью и деторождением. Потребительская инфраструктура максимально развита в городах. В том числе по этой причине именно в городской среде, в отличие от сельской, наблюдается наибольшее количество бездетных женщин; в городской среде рождение ребёнка часто откладывается и, соответственно, средний возраст женщины, рожавшей первого ребенка, повышается. Личные благоденствие и комфорт абсолютизируются как высшие ценности, но за них предлагается платить бездетностью.

Консюмеристскому влиянию оказались подвержены едва ли не все социальные группы российского общества, но особенно молодёжь, становление которой проходило на фоне рыночных изменений российской экономики и формирования новых ценностей. Сегодня всё менее наблюдается позитивная консолидация молодёжи, основанная на солидарности, сотрудничестве и руководстве общественно-полезными целями. А вот негативная консолидация (криминальность) в постперестроечное время начала стремительно развиваться. «Положительные» объединения требуют от инициаторов проявить больше усилий, чем «отрицательные»; последним значительно

² Рашковский Е. Б. Феномен семьи (междисциплинарные заметки) // Вопросы философии. – 2010. – № 10, с. 27-37, с. 28.

легче возникнуть. В настоящее время существует, конечно, много молодёжных объединений, но основным мотивом вступления в них является не желание быть полезным обществу, а стремление всё к той же карьере; объединения, с помощью которых осуществляется позитивная консолидация, чаще всего рассматриваются в качестве социального лифта. Процессы молодёжной самоорганизации либо имитируются, либо навязываются извне.

После катастрофических для народа либеральных реформ возникла ужасающая бедность на фоне демонстративного богатства немногих и роскоши выставленных витрин. В результате не только распространения потребительских ценностей как таковых, но и либеральных реформ (вследствие которых потребкульт укоренился), снизивших уровень жизни и изменивших систему ценностей, возникло явление социального распада, деконсолидации и деполитизации. «По нашему народу прошли трещины и разломы. Люди съжились, сплотились семьями и маленькими группами, отдаляются друг от друга, как разбегаются атомы газа в пустоте. Народ, который в недавнем прошлом был цельным и единым, становится похож на кучу песка. Но сначала его раскололи на большие блоки – и так умело, что мелкие трещины прошли по всем частям» [9]. Прежние ценности коллективизма, солидаризма, сопричастности общему делу, труда ради благой социальной, а не индивидуальной цели потеряли свою значимость. Как заметил В. В. Кривошеев, «ныне общество всё больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы, при этом в значительной мере оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии» [8].

Статистику депопуляции в странах Запада приводит и делает прогноз о возможном вырождении Запада П. Бьюкенен. Он обоснованно пишет, что на падение уровня рождаемости оказывают влияние потребительский гедонизм, индивидуализм, феминизм, насаждение толерантности, карьеризм, дехристианизация [2]. В качестве одной из причин снижения уровня рождаемости он называет социалистическую гарантию пенсии. Когда есть пенсия и связанная с ней экономическая независимость, нивелируется потребность в семье и детях. Какое мы видим «замечательное» оправдание либеральных антиобщественных реформ: «нам пенсии не нужны, так как они мешают воспроизводству». Пенсии – не пережиток проклятого социализма, поэтому связывание их с социалистическим режимом – верх лицемерия. В капиталистических странах того же Запада, в эпоху welfare state, пенсионное обеспечение было обязательным. И явно не оно – главная причина депопуляции. Волна индивидуализма, гедонизация и реформы типа ювенальных – намного более значимые причины снижения уровня рождаемости. Правда, о ювенальной юстиции Бьюкенен предпочитает умолчать и не упоминает о ней вовсе.

В депопуляции на Западе Бьюкенен обвиняет в том числе неомарксистов типа представителей Франкфуртской школы, которые подрывали семейные ценности и рассматривали семью как буржуазный пережиток. Вообще, согласно Бьюкенену, культурную революцию по подрыву традиционных ценностей в самом широком смысле, осуществляли неомарксисты. Однако следует высказать несколько возражений. Далеко не весь Запад зачитывался творениями Д. Лукача, А. Грамши, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Э. Фромма, Г. Маркузе. Их работы были достоянием в основном только интеллектуалов и потому не могли повлиять и постоянно поддерживать это влияние на массовое сознание, перестраивая последнее под свой идеал. Да, труды франкфуртцев оказывали влияние, но лишь на американскую молодёжь 60-х гг. XX в. В последующие десятилетия эти философы (как и философия в целом) в деле формирования массового сознания принимали участие менее активное, чем вполне буржуазные СМИ. Смешно даже предполагать, что трактат Адорно более популярен в массах, чем какое-либо ток-шоу. Тем более сам Бьюкенен пишет, что немногие знали франкфуртцев по именам. Антисемейные ценности проповедуются не только марксистами (и то лишь некоторыми), но и современными либеральными идеологами, которые являются убеждёнными антимарксистами. Антисемейными ценностями полнится культура потребительского гедонизма, которую неомарксистские теоретики подвергают жёсткой критике – вспомним хотя бы «Одномерного человека» Г. Маркузе, а также Т. Адорно и М. Хоркхаймера, изблещавших в своей «Диалектике просвещения» потребительскую капиталистическую культуру индустрии.

Никакая горстка марксистов-ревизионистов в принципе не смогла преобразовать европейскую и американскую культуры – да ещё в сторону совсем антимарксистского консюмеризма. Вряд ли кто-либо из франкфуртцев хотел увидеть Запад будущего таким гедонистическим и индивидуалистическим, каким он стал. И пусть Бьюкенен покажет пальцем на кого-то из этих мыслителей, кто воспевал потребительские ценности и характерную для современного Запада политкорректность. Но указывать не на кого. Кроме того, при чём тут марксизм, если в США и Европе крайне низка доля пропаганды классово-борьбы, выравнивания доходов, декоммерциализации медицины и образования? Там нет сильной коммунистической партии. Зато повально распространена насаждаемая сверху идеология свободного рынка, равенства возможностей и прочих типично либерально-капиталистических ценностей.

Очевидно, что Бьюкенен занимается «ложной критикой», подтасовывая факты и выстраивая схемы, обличающие невинных и обходящие стороной виновных. Обвинять марксизм в инициированных либеральным капитализмом злодеяниях – значит сваливать с большой головы на здоровую. Видимо, просто всё плохое ассоциируется с «гнусными коммунистами» – в лучших традициях капиталистической идеологически насыщенной мысли. Осталось только коммунистов и социалистов обвинить в росте имущественного расслоения, происходящего как внутри Запада, так и между странами, в экономическом закабалении Западом других стран, в росте влияния транснациональных корпораций на национальные правительства. Думаю, подобный абсурд мы скоро найдём в интеллектуальном мусоре а-ля Бьюкенен или а-ля Фукуяма.

Противные Бьюкенену повальный консюмеризм, дехристианизация, гомофилия, бунт против вполне здоровой гомофобии, ценности child free, антипатриотизм, противоречащая здравому смыслу толерастия – все это детища не марксизма, не контркультурной идеологии «детей цветов», а, напротив, либерального капиталистического идеологизма. Из слов великого коммунистического идеолога о том, что пролетариат не имеет отечества, вовсе не следует, будто любые проявления антипатриотизма исходят от марксистской мысли. Из высказываемых некоторыми теоретиками коммунизма суждениями о семье как пережитке буржуазного общества нельзя заключать, что всякий бунт против семьи – отпрыск коммунистов. В общем, поход Бьюкенена против марксизма имеет под собой мифологическую основу.

Один из немногих положительных аспектов деятельности правительства – введение доплаты за рождение второго ребенка, так называемый материнский капитал. Понятно, что эти деньги не слишком повышают покупательскую способность людей и вряд ли они являются серьёзным стимулом для рождения детей. К тому же их нельзя потратить на самые насущные нужды вроде питания и лечения. Но всё же их наличие намного лучше, чем отсутствие. К сожалению, эта мера не имеет достаточного веса при решении проблемы рождаемости, да и не компенсирует суммарные родительские затраты на ясли и детские сады, детскую одежду, питание, учебники, образование, медицинское обслуживание, отдых. Всё это сегодня находится в труднодоступной зоне. К тому же беспредельно высокие цены на квартиры и кабальная ипотека очень сильно бьют по семьям, особенно молодым, которые сталкиваются с проблемой отсутствия жилья. Поэтому, не умаляя необходимости материнского капитала, отмечу, что рекламные фразы «слуг народа» о материнском капитале как серьёзном прогрессе по сравнению с советским периодом не оправданы. В СССР не было введено такой доплаты, но и затраты на вышеперечисленные детские нужды были значительно ниже. Человек чувствовал уверенность в завтрашнем дне и потому имел мотивацию к рождению детей. В то время отсутствовала «антисемейная» потребительская пропаганда, представляющая семью как рудимент и ставящая на её место карьеру и удовольствия. Вот только партийные агитаторы это не учитывают в своей пропаганде, выпячивая однобокое видение проблемы, точнее, не проблемы, а достижения, о котором в стране советов даже не помышляли.

Заключение

Для повышения уровня рождаемости в стране необходимо принять множество мер различного характера и степени сложности. Важно объявить борьбу против потребительских идеологических тенденций, которые воспевают жизнь для себя любимого, представляют детей в качестве ненужной обузы и отвращают от обзаведения потомством; ведь нарушено не только количествен-

ное (демографическое) воспроизводство, но и качественное (культурное). В частности, необходимо ограничить поле деятельности коммерческой рекламы – манипулирующей сознанием, акцентирующей внимание лишь на вещизме, предлагающей «жить в кайф». Телеэфир должны заполнять не люди неидентифицируемого пола, пропагандирующие вещизм, индивидуализм, бездетность, рассматривающие детей как тяжкую ношу и говорящие о вреде семейной жизни для свободы и возможностей покупать новые модные сотовые телефоны и одежду от кутюр. Пусть медиаэфир наполняют люди, вещающие о счастье в семейной жизни и воспитании детей. Пусть это будут беременные женщины и многодетные матери, которые своим примером учат реципиентов. Масс-медиа всегда пропагандируют и внушают, и от этого никуда не деться. Следует внушать действительно значимые ценности, а не потребительский китч, разлагающий общество и деморализующий человека. Только эти ценности необходимо внушать интересными способами, а не путём нудного морализаторства, как это делалось в советский период.

Однако пропагандой деторождения дело не должно ограничиваться, иначе она станет пи-ком лицемерия в стране, где экономические условия действительно превращают детей в тяжесть. В целом для улучшения демографической ситуации требуется отход от экономического либерализма, то есть значительная социализация.

Нельзя ожидать высокого уровня рождаемости, если, по данным С. Кара-Мурзы, в 2003 году даже в Москве 50 % опрошенных первой жизненной проблемой назвали страх за своё будущее и будущее своих детей, а в Северной Осетии такой страх представили как первую проблему 60 % [10]. Лишь увеличением доплат побороть этот страх не получится. Необходимо бросить все силы на повышение уровня народного благосостояния, снижение безработицы и обеспечение уверенности в завтрашнем дне. Ведь отсутствие как достойного благосостояния, так и уверенности в будущем выступают важными демотивирующими факторами в контексте обзаведения детьми. Одним из аспектов борьбы с нищетой является обеспечение достаточного прожиточного минимума. Имеет смысл выплачивать пособие, которого хватает на нормальный уход за ребёнком. Важно качественно повысить доплаты за рождение детей. Нужно обеспечить большое количество бесплатных мест в детских дошкольных и школьных учреждениях, сделать обучение, воспитание и здравоохранение финансово доступными.

Обязательно следует упростить сбор бесконечных справок на получение детского пособия, на получение места в яслях или детском саду. Необходимо создать условия, при которых связанные с рождением детей перерывы в профессиональной деятельности женщин не повлияют негативно на их материальный достаток; тогда пойдёт на убыль уровень отвлечённости женщин от семьи в пользу карьеры, а также снизится возраст для материнства (сегодня он растёт).

Изменения в медийно-культурной сфере, а также действительная национально-ориентированная экономическая политика, связанная с модернизацией инфраструктуры и созданием рабочих мест, вернут молодым людям уверенность в будущем и смысл жизни. Но перечисленное невозможно реализовать в русле социально безответственной либеральной политики, проведение которой в России выгодно не нашему народу, а нашим геополитическим конкурентам и сращённому с ними транснациональному капиталу. Либерализм предполагает отказ от протекционизма и открытие экономики страны, повальную приватизацию, проникновение монетаризма во все сферы жизни, коммерциализацию культуры, сворачивание социальной политики, дарование людям свободы от государственной заботы. Это всё несовместимо ни с демографическим ростом, ни с борьбой против потребительской культуры, ни с повышением народного благосостояния, ни с экономическим развитием, ни с жизнью страны в целом. А если взглянуть на проблему шире и увидеть в политическом курсе не только либеральную, но и коррупционную составляющую, приходится констатировать ещё большую несовместимость этого курса с жизненно важными интересами народа и страны.

Решения о рождении детей люди принимают под воздействием самых разных аспектов реальности, и меры как экономической, так и культурной политики – всего лишь одни из таких аспектов. Сама же депопуляция – не первопричина кризисов и проблем, а скорее ответ людей на серьёзные проблемы, с которыми они столкнулись.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. – М.: АСТ, 2003. – 444 с.
3. Гидденс, Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
4. Голова, А. Г. Факторы, влияющие на потребительское поведение личности в мегаполисе / А. Г. Голова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. XIV. – № 5(58). – С. 304-312.
5. Гурова, О. Ю. Шопинг, одежда и типология потребителей в Санкт-Петербурге / О. Ю. Гурова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. XIV. – № 5(58). – С. 129-141.
6. Делягин, М. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем / М. Делягин. – М.: Новости, 2007. – 446 с.
7. Жижек, С. Накануне Господина: сотрясая рамки / С. Жижек. – М.: Европа, 2014. – 280 с.
8. Кара-Мурза, С. Аномия: особенности российской болезни [Электронный ресурс] / С. Кара-Мурза // Россия навсегда. Народные ведомости. – Режим доступа: <http://rossiyanavsegda.ru/read/554/>.
9. Кара-Мурза, С. Аномия бедности [Электронный ресурс] / С. Кара-Мурза // Россия навсегда. Народные ведомости. – Режим доступа: <http://rossiyanavsegda.ru/read/617/>.
10. Кара-Мурза, С. Г. Угрозы России. Точка невозврата / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. – 592 с.
11. Лексин, В. Н. Идеологические основы упадка современного института семьи / В. Н. Лексин // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 29-42.
12. Липовецки, Ж. Эра пустоты / Ж. Липовецки. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2001. – 332 с.
13. Никонов, А. П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности / А. П. Никонов. – М.: Изд-во НИЦ ЭНАС, 2005. – 352 с.
14. Райнов, Б. Массовая культура / Б. Райнов. – М.: Прогресс, 1979. – 490 с.
15. Фахрисламова, Р. Т. Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки / Р. Т. Фахрисламова // Социологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 33-54.
16. Федотова, В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 3-23.
17. Фромм, Э. Искусство любить: Исследование природы любви / Э. Фромм. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.

Клычева Е. Г., Коноплева Н. А.
E. G. Klycheva, N. A. Konopleva

**ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА**

**THE DAILY CULTURE OF PEASANT FARMS IN THE FAR EAST. THE 2nd HALF
OF THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES**

Клычева Елена Геннадьевна – учитель истории и обществознания Муниципального казённого вечернего (сменного) общеобразовательного учреждения – вечерней (сменной) общеобразовательной школы с. Тополево Хабаровского муниципального района Хабаровского края (Россия, Тополево); 680510, Хабаровский край, Хабаровский район, с. Тополево, ул. Школьная, 4А; тел.: + 7 (4212) 37-36-08. E-mail: zolotolev@mail.ru.

Ms. Elena G. Klycheva – teacher of history and social studies Municipal state evening (shift) educational institution – evening (shift) secondary school of the village Topolevo of the Khabarovsk municipal area of Khabarovsk territory (Russia, Topolevo); 680510, Khabarovsk territory, Khabarovsk area, 4A School str.; tel.: + 7 (4212) 37-36-08. E-mail: zolotolev@mail.ru.

Коноплева Нина Алексеевна – доктор культурологии, профессор кафедры сервисных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, Владивосток). E-mail: Nina.konopleva@vvsu.ru.

Ms. Nina A. Konopleva – doctor of cultural studies, Professor of the Department of service technologies Vladivostok State University of economy and service (Russia, Vladivostok). E-mail: Nina.konopleva@vvsu.ru.

Аннотация. В российской науке исследования истории и теории культуры повседневности развиваются медленно. Работы, посвящённые анализу особенностей повседневной культуры землепользования в Дальневосточном регионе России в исторической ретроспективе и современной культуре, отсутствуют. В данной статье культура повседневности рассматривается через исторический аспект организации землепользования в крестьянских хозяйствах Дальневосточного региона на примере второй половины XIX – начала XX века. Внимание уделяется влиянию природно-географических особенностей региона на развитие полеводства, огородничества, садоводства. Обосновано, что натуральные повинности отвлекали крестьян Дальневосточного региона от повседневного труда на земле. Установлены факты привлечения труда иностранных подданных в крестьянских хозяйствах.

Summary. In Russian science, studies of the history and theory of everyday culture develop slowly; in particular, there are almost no research devoted to the analysis of the features of everyday land use culture in the Far Eastern region of Russia in historical retrospect and modern culture. In this article, the culture of everyday life considers the historical aspect of land use organization in peasant farms in the Far East region, using the example of the 2nd half of the 19th and early 20th centuries. Attention is paid to the influence of the natural and geographical features of the region on the development of field crop cultivation, horticulture, horticulture. It is substantiated that natural duties distracted the peasants of the Far Eastern region from everyday work on the land. It is established that the attraction of labor of foreign nationals in peasant farms.

Ключевые слова: повседневная культура, Дальний Восток, организация землепользования, натуральные повинности, труд иностранных подданных.

Key words: everyday culture, the Far East, organization of land use, natural duties, labor of foreign nationals.

УДК 930.85:316.728:631.1.017.3(571.6)(045)

Культура повседневности является предметом исследования гуманитарных наук. Особое внимание уделяется теме повседневной культуры крестьян, ставшей объектом междисциплинарного культурологического исследования. Актуальность статьи обусловлена прежде всего тем, что в российской науке исследования культуры повседневности развиваются медленно, в частности,

материалы, посвящённые особенностям повседневной культуры землепользования, не имеют особого значения.

Как отмечает А. В. Белова, западные исследования культуры повседневности, активизированные в 60-х гг. XX столетия методологическим поворотом к микроисторическому подходу, опережают обращение к данной проблематике в российской науке [2].

В анализе человека в повседневной жизнедеятельности Ю. А. Поляков обосновывает необходимость междисциплинарного подхода, использования данных истории, правоведения, социологии, демографии, литературоведения, психологии и т. д. [11].

О безграничности источников изучения повседневности говорит и Н. Е. Соколова-Семпер [16]. Подчёркивая необходимость междисциплинарного подхода, З. Е. Дорофеева перечисляет эти источники, подразделяя их на 2 группы:

1) материалы о реалиях культуры повседневности: природные, градостроительные и др.; демографические: документы о регистрации браков, разводов, рождений и др.; вещественные источники: здания, мебель, предметы интерьера, одежда, бытовые вещи и др.; изобразительные источники: живопись, рисунки, фотографии, документальное кино, телевизионные программы; описи вещей, музыкальных коллекций; архитектурные проекты, планы городов, официальные отчёты, статистические материалы; объявления, афиши, театральные программы, плакаты, меню и др. письменные источники;

2) материалы, представляющие повседневный контекст восприятия источников 1-й группы: источники личного происхождения (дневники, мемуары, художественная литература, публицистика, карикатура, художественное кино, пословицы, поговорки) [3]. Эта группа источников определяет повседневность как продукт длительного исторического развития, как одно из пространственно-временных измерений развёртывания истории, как форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию – банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры [3, 2].

В свою очередь Н. Н. Козлова отмечает, что внимание к повседневности – признак смены парадигм, признак обращённости к культурной «плоти» истории. По её мнению, «повседневность выступает как нечто видимое, но не замечаемое: «...тот, кто занимается изучением повседневности, исходя из восприятия повседневной жизни как ценности, живёт в мире, где нет пригодной для всех истины «последней и завершающей» [6, 48-49]. Она считает, что в современных условиях познающий субъект открыл для себя повседневную реальность; «...такой сдвиг в методологических установках позволяет обратить внимание на то, чего раньше не видели, что казалось неважным, третьестепенным» [6, 51].

По нашему мнению, одной из таких важных для исследования форм повседневной реальности является повседневность землепользования в российской культуре. Исследователь В. Б. Безгин отмечает важное влияние аграрной реформы и процесса модернизации на сельскую повседневность на территории европейской части России [1]. Особенности хозяйственных традиций крестьян (занятия земледелием и кустарными промыслами, сельскохозяйственные орудия, распределение работ и распорядок дня) в Курской губернии рассматривает З. З. Мухина [7]. Пути трансформации повседневных жизненных практик сельских жителей Приангарья исследует С. В. Ковригина [5]. Данный аспект повседневности рассматривается нами на примере Дальневосточного региона РФ.

Владимир Путин в своём выступлении на XXV Саммите АТЭС в Дананге отметил, что развитие Дальнего Востока является национальным приоритетом России XXI века: «Вместе к процветанию и гармоничному развитию» [14]. Таким образом, история организации культуры землепользования в крестьянских хозяйствах Дальнего Востока представляет большой интерес.

В данной статье сделана попытка рассмотреть повседневную культуру крестьянских хозяйств в аспекте организации землепользования Дальневосточного региона в период второй половины XIX – начала XX века.

Первыми землепользователями в регионе были казаки, старообрядцы, которых исследователи называют старожилами [8]. Массовое заселение региона, освоение его земель приходится на

вторую половину XIX – начало XX века, после подписания Айгунского и Пекинского договоров, когда территория Приамурья и Уссурийского края вошли в состав Российской империи. В это время правительство приняло законы, которые благоприятствовали переселению крестьян из западных регионов на Восток.

На дальневосточную окраину устремились тысячи крестьян из разных регионов страны. Земли дальневосточного края осваивали земледельцы Украины, Белоруссии, Центральной России, Сибири. Всего с 1859 по 1908 год в край переселилось 256 156 чел., в том числе в Амурскую область – 74 899 чел., в Приморскую – 181 257 чел. [9].

На «край земли» люди отправлялись за мечтой о собственной земле и крепком хозяйстве. «Что же касается до воспоминаний о родине, то крестьяне теперь уже нисколько о ней не тоскуют. Правда, сначала, особенно дорого, было немного грустно, а теперь бог с нею, с родиной, – обыкновенно говорили они. – Что там? Земли мало, теснота, а здесь видишь, какой простор: живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество; чего же ещё надо? А даст бог, пообживёмся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем», – говорили не только мужчины, но даже и их благоверные хозяйки [12, 58-62].

Дальневосточные новосёлы, в основном малороссы, трудно приспосабливались к новым местам и нередко терпели неудачи. На малой родине они привыкли к посевам озимых хлебов, к сухим чернозёмам родных степей, где глушится хлебным злаком всякая сорная трава и потому прополка хлебных растений для них (кроме кукурузы) была незнакома. Между тем во многих местах края посев озимых был невозможен, где снега большие, как под Хабаровском, или наводнения от разливов рек.

В Южно-Уссурийском крае озимые хлеба возделывались в различных долинах с большим успехом. Вместе с тем опыт земледелия Европейской России не всегда срабатывал на Дальнем Востоке. Например, в Приморской области надо было сеять хлеб на грядке, чтобы по бороздкам скорее сбегала вода, продувал его ветер, не гнил он на корню от сырости и не делался «пьяным» от развития споровых грибов на зёрнах, и полоть его надо не один раз, чтобы не зарос бурьяном. Малороссам это в диво. Немудрено, что китайцы удивляются неумению русских работать. Китайский писатель говорил: «...русским неизвестно искусство полки вырастающих на их полях сорных трав» [13].

Основным видом деятельности крестьян в южных районах Дальневосточного края было полеводство. Крестьяне применяли различные системы земледелия. Сначала это была однопольная система, затем появились хозяйства, применявшие паровую систему земледелия с трёхпольным и четырёхпольным севооборотом. Используя опыт работы малой родины, крестьяне возделывали ярицу, овёс, ячмень, гречиху, пшеницу, рожь, просо; выращивали бобовые, подсолнечник, кукурузу, картофель, коноплю, табак.

Полеводство, связанное с циклом работ от весны до осени, занимало всё время крестьян. Новые земли они вспахивали осенью, в сентябре, затем землю боронили и оставляли на год. Перед посевом снова вспахивали, боронили и засевали под борону – в первый год гречихой, а в последующие годы по усмотрению: если земля мягкая – пшеницей, если твёрдая – овсом. Использовались железные плуги отечественного, а также зарубежного производства «Гена и Сакка», запрягались на новь 6–8 волов, на мягкую землю – 2–4 вола или лошади.

Засевали зерновые в конце апреля – мае. Через месяц взрослое население и подростки выходили на прополку. Хлеба пололи один раз, кроме гречихи. Начинали убирать зерновые в августе. Затем вязали в снопы, и если зерно было сыроватым, то оставляли его в снопах для просушки, после чего ставили хлеба в хресцы по 30 снопов или копы по 60 снопов. После тщательной просушки их свозили домой и ставили в склады. Молотить зерно начинали в октябре цепями или молотилками [15, Ф. 1. Оп. 1. Д. 1576. Л. 158-160].

Полная зависимость от природы заставляла землепользователей глубоко изучать природу своего края, при этом обращать внимание на мельчайшие подробности «капризов» климата. Эти наблюдения и жизненный опыт, в конечном счёте, выливались в пословичные выражения, в со-

ставление народного календаря: «Сей меня в золу, да в пору!» – говорит рожь; Овёс говорит: «Топчи меня в грязь, так буду князь»; «Сей рожь в золу, а пшеницу в пору».

Особый интерес представляют огородничество и садоводство, внедрённые крестьянами-переселенцами из западных регионов. Огородничество, в отличие от полеводства, не занимало ведущего места в жизни крестьян. Как вид земледелия огородничество возникло во всех регионах Дальнего Востока. Огороды появились не только на юге региона, но и в северных районах, причём не только в пореформенный, но и в дореформенный период.

В местах, непригодных для хлебопашества, приспособиваясь к суровым условиям дальневосточной природы, переходя на промыслы, крестьяне использовали короткое лето во благо. Вместе с тем, используя культуру огородничества малой Родины, они старались применить её и здесь. В отчёте Гижигинского (совр. Чукотка) земского управления Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири за 1860 год земский исправник докладывал: «По суровости климата и краткости лета (с 20 июня до половины августа) хлебопашества нет совершенно, только немногие из жителей Гижиги сажают в небольшие количества огородные овощи: картофель, репу, капусту» [15, Ф. 87. Оп. 1. Д. 83. Л. 75-78].

В Удском округе (низовья Амура, Охотск), где тоже не было хлебопашества, крестьяне занимались огородничеством. «Огородные овощи, как то: картофель, капуста, репа и редька – бывают в течение года в посредственном изобилии» [15, Ф. 87. Оп. 1. Д. 83. Л. 63].

Невозможность занятия хлебопашеством в северных районах Дальнего Востока в связи с суровыми климатическими условиями ослабляла традиционную связь крестьян с землёй. Переход на охоту, рыболовство, которые давали возможность более быстрого и большего продовольственного обеспечения, подталкивал крестьян-переселенцев перенимать опыт хозяйствования у местных аборигенов. Тем не менее люди находили время заниматься огородничеством, не разрывали связь с землёй.

В южных районах Дальнего Востока крестьяне разводили не только огороды, но и разбивали сады. Саженцы покупали в соседних старожильческих деревнях. Местные сорта дикой яблони, груши, смородины, малины, абрикоса, винограда окультуривали. Так, «...в 1909 году Иустин Леонтьевич Худяков вблизи ст. Раздольное Приморского края скрещиванием амурского винограда с европейским сортом «ланго» получил двенадцать гибридных ягод и тридцать семь семян, из которых взросло двадцать семь сеянцев, три зимы подряд без укрытия выдержали 14 саженцев. В 1915 году один из заплодоносивших саженцев стал первым дальневосточным сортом винограда, который он назвал «чёрный худяковский № 1», отличавшийся высокой зимостойкостью, хорошими вкусовыми качествами и сравнительно ранним (конец августа) созреванием ягод» [4].

Вся сельскохозяйственная продукция крестьян находила своего покупателя в лице трёх основных организаций: интендантства, золотопромышленных компаний и винокуренных заводов. В 1887–1896 годах они приобрели у крестьян Амурской области более 4,4 млн. пудов зерна, заплатив порядка 4,3 млн. р.; в 1897–1909 годах было приобретено 9,1 млн. пудов пшеницы и ярицы, в Приморской области – 3,7 млн. пудов [10, 82].

Особое место в жизни дальневосточных крестьян занимали сельские ярмарки. Здесь можно было купить всё необходимое для сельскохозяйственных работ: лошадей, крупный рогатый скот, птицу, орудия труда, а также мануфактурные и галантерейные товары. Скот чаще всего раскупался новосёлами, а продавцами в основном были старожилы. Только в Ханкайской волости Приморского края в 1906 году было организовано 9 ярмарок: в с. Камень-Рыболов – 3, в с. Астраханка – 3, с. Жариково – 3. Цены на рогатый скот и лошадей были высокими вследствие увеличения количества переселенцев: «Лошадь томская по 150–300 р., пара быков – 180 р., корова – 75 р.» [15, Ф. 559. Оп. 1. Д. 5. Л.8-12].

Сельские ярмарки не только снабжали население всем необходимым для жизни, но и стимулировали развитие товарного хозяйства. Нередко для организации ярмарки крестьяне обращались за помощью к местным властям. Сельский сход крестьян с. Успенки Успенской волости Южно-Уссурийского округа Приморской области 6 февраля 1900 г. подавал прошение губернатору Приморской области об открытии третьей ярмарки в своём селе 12 июня: «Просим Вас не отка-

зять, а удовлетворить нашу, изложенную в прилагаемых приговорах, просьбу, так как в близи нас нет ни ярмарок, ни базаров, а далеко ехать на торговлю нам очень трудно, а уже из наших жителей есть много таких, которые нуждаются продать скот, хлеб, рыбу и других хозяйственных припасов, но ещё больше таких, которые нуждаются купить всякие хозяйственные принадлежности не только из наших жителей, а больше едут к нам за разной покупкой из приближенных деревень, населённых новосёлами, но хотя продажа и покупка и производится по дворам, то мы считаем её совсем неудобной как для продавщиков, так и для покупателей, то потому и осмеливаемся всепокорнейше просить Вашего Превосходительства разрешить нам открыть в просимые нами дни торговлю на имеющейся у нас для этого предмета среди села площади, о последующем просим объявить жителям. В том к сему прошению и подписуемся за общество сельский староста Иван Марков и уполномоченный Гордей Науменко [15, Ф. 1. Оп. 5. Д. 1192 Л. 63-63 об.].

Много времени ежегодно отнимали у крестьян натуральные повинности: дорожная, подводная, сопровождение арестантов и др. Так, селом Антоновка Кировского уезда «выставлено в 1908 году подёнщин – 70, одноконных подвод – 40, пароконных – 10» [15, Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 252.]. В с. Камень-Рыболов Ханкайского района по результатам обследования крестьянского и казачьего населения на 21 марта 1909 г. «всего больше отбывается повинностей по сопровождению арестантов и разного рода окарауливаниям, как то: сопровождение почты (в наводнения на лодках), доставка больных, мертвецов и прочее. повинность эта за год отражается в 200 подёнщинах. Дорожная повинность (починка мостов и прочего на тракте) отражается в 80 подёнщинах за год» [15, Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 316 -327 об.].

Наиболее тяжёлой повинностью для крестьян была дорожная. Строительство новых дорог, мостов, которые соединяли разные населённые пункты с новыми селениями, полностью лежало на крестьянах. В эту работу вовлекалось почти всё трудоспособное население деревни. Строительство дорог и мостов осуществлялось в летний период, поэтому отвлекало земледельцев от основных хозяйственных дел.

При увеличении площади пахотной земли необходима была дополнительная рабочая сила. Поэтому крестьяне прибегали к помощи наёмных рабочих, в том числе и иностранных – корейцев и китайцев. В отчёте за 1897 год черниговского волостного старшины Береки указаны следующие сведения об иностранных гражданах, используемых в качестве наёмных сельскохозяйственных рабочих: «Проживало всего в году корейцев мужского пола взрослых 78 человек, китайцев – 78 человек. Все корейцы были чернорабочими по крестьянам на работах: весной – на исполке хлебов от трав и сенокошении, летом – на уборке хлеба, осенью – на молотье и зимой – на рубке дров и т. п. Плата за работу корейцам производилась на хозяйских кормах разно подённо от 50 до 80 коп. в день; 25 китайцев проживали по крестьянским работам разного рода подённо. Плата производилась так же, как и корейцам» [15, Ф. 559. Оп. 1. Д. 5. Л. 57-57 об.].

В некоторых частновладельческих хозяйствах Амурской и Приморской областей, в том числе и крестьянских, также использовался «испольный» способ ведения хозяйства с привлечением труда корейцев. За предоставление земли земледельцы-корейцы должны были отдать землевладельцу «исполу» – половину урожая. Кореец-половинник изо всех сил старается взять от земли возможно больше посредством удобрения, но взамен к этому не принимает меры к сохранению производительных сил. Поэтому земля быстро истощается, и кореец, заметив это, земли бросает и уходит искать новые места, а землевладелец остаётся с использованной, не выгодной для дальнейшей обработки землёй, и тем обрекает её на одичание. «Этот способ организации землепользования, благодаря его дешёвой и непосредственной прямой выгоде для хозяина, находит себе широкий простор для применения во всякого рода хозяйствах, и, получая быстрое развитие, препятствует насаждению разумного прогрессивного хозяйства, не может успешно конкурировать с ним» [13, 15].

С увеличением пахотных земель возникла необходимость и в увеличении тягловой силы. Среди сельских тружеников находились инициативные, предприимчивые люди. Они отходили от традиционного патриархального уклада хозяйствования, брали ссуды на приобретение техники,

на строительство мельниц, организации конеферм и т. д. При этом они учитывали свою выгоду и пользу государству.

Вот как характеризует крестьянина Гаврилюка из с. Антоновка, которому Переселенческим управлением 21 февраля 1912 г. была выдана ссуда в размере 2000 р. сроком на десять лет на постройку мельницы, непременный член Присутствия по крестьянским делам Гауффех: «Человек предприимчивый, энергичный и трезвый; семья его состоит из жены и трёх детей, кроме того, при нём проживает брат 11 лет и 4 сестры в возрасте от 9 до 22 лет. Гаврилюк имеет паровую мельницу, стоящую около 6000 р., которая даёт достаточно заработка, 1 жилой дом и 1 недостроенный, 2 сарая, 25 колод пчёл, двух быков, одну лошадь, три головы гулевого скота, одну десятину огорода и пять десятин пахотной земли, а потому я полагал бы, что Гаврилюк при данной ему десятилетней рассрочке легко может погасить выданную ему ссуду» [15, Ф. 1. Оп. 2. Д. 2277. Л. 304-304 об.].

Пример прошения 1899 года крестьянина Никольского сельского общества Г. Д. Калугина об отводе ему земли под конный завод: «В 1875 году, уволившись в запас из первой Приморской конной сотни, остался в Камень-Рыболове, где и начал устраиваться на всегданнее жительство и обзаводиться хозяйством. Я задался мыслью по возможности завести собственное коневодство и скотоводство. К 1896 году скота у меня было: лошадей до 75 штук разных пород и возрастов, рогатого до 50 голов» [15, Ф. 702. Оп. 5. Д. 206. Л. 117-118].

Результаты анализа исторического материала свидетельствуют, что на развитие полеводства как основного повседневного занятия крестьян на юге Дальнего Востока в Приамурье и Уссурийском крае повлияли природно-климатические условия региона.

Вынужденно переходя на промысловую деятельность в непригодных для хлебопашества районах, крестьяне в своей повседневной жизни никогда не теряли связь с землёй, большое внимание уделяли огородничеству. Огородничество сложилось не только на юге, но и в северных районах Дальневосточного региона. Вместе с тем натуральные повинности создавали дополнительные трудности для ведения сельского хозяйства. С увеличением площадей используемых пахотных земель крестьяне начали привлекать труд иностранных подданных.

Самые инициативные, предприимчивые и работоспособные крестьяне, закупавшие технику, организующие ярмарки, активно совершенствующие свои хозяйства, стали основой развития землепользования и создания крепких хозяйств на Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века): моногр. / В. Б. Безгин. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.
2. Белова, А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности / А. В. Белова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 4. – С. 85-97.
3. Дорофеева, З. Е. Социология культуры и повседневность [Электронный ресурс] / З. Е. Дорофеева. – Режим доступа: file:///Users/Мана/Documents/Повседневность. Лекции Sociologist, s % 20 Warehouse, weberchive.
4. История развития виноградарства на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.plodpitomnik.ru>.
5. Ковригина, С. В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг.: на материалах Приангарья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ковригина Снежана Валерьевна. – Иркутск, 2009. – 298 с.
6. Козлова, Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 48-49.
7. Мухина, З. З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России / З. З. Мухина. – М.: ИЭА РАН, 2012. – 299 с.
8. Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг.: моногр. / Ю. Н. Осипов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 196 с.
9. Осипов, Ю. Н. О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток (1955–1917 гг.): историография вопроса / Ю. Н. Осипов, В. Т. Тютюнников // Дальневосточный аграрный вестник. – 2007. – № 4. – С. 99.
10. Павлов, Ю. А. Интендантство и русское крестьянство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века. / Ю. А. Павлов // Вестник ДВО РАН. – 2008. – № 2. – С. 82.

11. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) / Ю. А. Поляков // Труды Института российской истории РАН 1999–2000. – Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2002. – С. 290-322.
12. Пржевальский, Н. М. Путешествия в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – М., 1937. – С. 58-62.
13. Бережников, М. Приморские новосёлы / М. Бережников // Приамурские ведомости. – 1897. – № 166. – С. 21.
14. Путин, В. В. XXV Саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/d/56023>.
15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 83.
16. Соколова-Семпер, Н. Е. Портреты и пейзажи / Н. Е. Соколова-Семпер // Дружба народов. – 1997. – № 2. – С. 73-115.

Сорокина И. А., Симоненко В. Н., Кизиль Е. В.
I. A. Sorokina, V. N. Simonenko, E. V. Kizil'

**СОДЕРЖАНИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**CONTENTS OF THE STRATEGY OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF MUNICIPAL EDUCATION: METHODOLOGICAL ASPECT**

Сорокина Ирина Александровна – магистрант кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: irinka.sorokina.1994@mail.ru.

Ms Irina A. Sorokina – master' s degree student Economy and Finance Department Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: irinka.sorokina.1994@mail.ru.

Симоненко Виталий Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2. E-mail: simonenkovit@gmail.com.

Mr. Vitaliy N. Simonenko – Doctor of Economics, Professor of Department of Economics, Amur Humanitarian-Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17/2 Kirov str. E-mail: simonenkovit@gmail.com.

Кизиль Елена Витальевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (914) 179-42-20. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Ms. Elena V. Kizil' – PhD in Economics, Professor, Economics, Finance and accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (914) 179-42-20. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются проблемы, связанные с разработкой и реализацией стратегии социально-экономического развития муниципальных образований в современных условиях. Особое внимание уделено этапам формирования, инструментам и плану мероприятий по реализации стратегии.

Summary. The article reveals a number of issues related to the development and implementation of a strategy for the socio-economic development of municipalities in modern conditions. Particular attention is paid to the stages of the formation of the strategy, the instruments of implementation, and the plan of measures for implementing of the strategy.

Ключевые слова: город, миссия, стратегия, муниципальное образование, механизм, программа, социально-экономическое развитие.

Key words: city, mission, strategy, municipality, mechanism, program, socio-economic development.

УДК: 338.26

Стратегическое управление развитием любого муниципального образования является основой для создания эффективно функционирующей экономики. Стратегическое управление муниципальным образованием – это комплекс действий и последствий долгосрочного характера, стимулирующих муниципальное образование к адаптации в условиях складывающейся рыночной конъюнктуры. Основными принципами стратегического управления являются принципы наименьших затрат и прогнозирования ожидаемых результатов, позволяющие предсказывать возможное развитие системных кризисных явлений и обеспечивать достижение и использование имеющихся конкурентных преимуществ.

Ядром стратегического управления социально-экономического развития муниципального образования является документ – стратегия социально-экономического развития и соответствующий ему план мероприятий. Одним из элементов стратегии выступает система мероприятий, отражённая в плане мероприятий, направленном на реализацию задач долгосрочного характера социально-экономического развития в соответствии с проведённым SWOT-анализом, который определяется предпосылками, ограничениями, угрозами и возможностями. Стратегии социально-экономического развития могут корректироваться в зависимости от складывающейся социально-экономической и политической ориентации муниципального образования и государства на конкретном экономическом этапе развития. В текущих условиях муниципальные образования стали полноправными субъектами экономического развития с соответствующими полномочиями. Они занимают определённое место в макроэкономической организации: обеспечивают условия для воспроизводства населения; создают предпосылки для эффективного функционирования малого и среднего бизнеса; формируют, повышают конкурентоспособность экономики муниципального образования; способствуют привлечению в регион инвестиций, инноваций, рабочей силы и других факторов производства.

Основными инструментами стратегического управления, элементами стратегии социально-экономического развития являются:

1. Миссия муниципального образования. Миссия – это одно из основополагающих понятий стратегии, характеризующее предназначение, целевую ориентацию и отражающее уникальные особенности объекта. Как следует из определения миссии, она является глобальной целью. Пример: миссия города Комсомольска-на-Амуре – это его превращение в крупнейший на Дальнем Востоке динамично развивающийся высокотехнологичный индустриальный и инженерный центр, геополитически значимый и комфортный для жизни людей.

2. Сценарий развития. Сценарный подход содержит два-три варианта развития и является начальным инструментом для обоснования дальнейших перспектив социально-экономического развития муниципального образования. Сценарии социально-экономического развития муниципального образования (базовый, инновационный, инвестиционный, оптимистический) содержат описание ключевых параметров, определённых муниципальным образованием самостоятельно, но в соответствии с рекомендациями, характеризующими эти показатели на горизонт прогноза с промежуточными датами. Сценарии могут отличаться друг от друга как набором основных целей развития, так и путями их достижения в силу различных способов реализации. Укрупнённо, в качестве характеристики сценария, выделяют следующие сценарии развития:

- аграрно-рекреационный – максимальное использование естественных природных возможностей; предполагает опережающее развитие агропромышленного и курортно-рекреационного комплексов;

- бюджетно-финансовый – приоритетное развитие ключевых секторов экономики, способных обеспечить значительное увеличение уровня бюджетной самообеспеченности;

- интеграционный – реализация активного межмуниципального взаимодействия;

- инвестиционный – приток инвестиционных ресурсов как частного, так и государственного характера на базе улучшения инвестиционного климата муниципального образования.

При выборе сценария, принимаемого за базовый, следует исходить из миссии и потенциала муниципального образования. Потенциал во многом определяет реалистичность базового сценария, являющуюся одним из важнейших требований стратегии социально-экономического развития.

3. Стратегическая цель развития представляет собой долгосрочные ориентиры, реализация которых обеспечивает трансформацию экономической системы в качественно иное состояние, удовлетворяющее интересам широкого круга лиц: населения, представителей бизнеса и органов власти. Стратегические цели выражают основные намерения, определяющие качественно новые возможности муниципального образования (социально-экономические, конкурентные, экологические и др.). С одной стороны, стратегические цели выступают как некий девиз, вдохновляющий население, деловую среду и органы власти на достижение поставленных целей; с другой стороны, они не должны быть высокопарными лозунгами. Стратегическая цель развития позволяет придать

социально-экономическим процессам муниципального образования связанность и единство, обеспечивает ориентацию, понятную заинтересованному кругу лиц [4]. Пример стратегических целей социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре: стимулирование бизнес-сообщества к повышению конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках; формирование комфортной городской среды, обеспечивающей высокий уровень и качество жизни населения; развитие промышленно-инженерного комплекса г. Комсомольска-на-Амуре.

Постановка целей подразумевает решение определённых задач. В качестве примера ниже приведены задачи г. Комсомольска-на-Амуре:

Задача 1. Развитие механизмов кластерной активации в приоритетных секторах экономики с использованием активных методов координации со стороны органов местного самоуправления г. Комсомольска-на-Амуре.

Задача 2. Повышение качества оказания государственных услуг субъектам предпринимательства с целью создания максимально комфортных условий ведения бизнеса.

Задача 3. Развитие сферы услуг, конкурентоспособных на внутреннем и внешнем рынках, обеспечивающих замещение импорта через стимулирование развития локальных производств и секторов экономики.

Задача 4. Стимулирование субъектов предпринимательства к расширению рыночной доли и повышению эффективности бизнеса.

4. Инструменты и методы стратегического планирования.

SWOT-анализ – метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении внешних и внутренних факторов среды социально-экономического развития муниципального образования и разделении их на четыре категории: сильные стороны, слабые стороны, возможности и угрозы. PEST (STEP)-анализ – метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении политических, экономических, социальных, технологических факторов социально-экономического развития муниципального образования и разделении их на поддерживающие и сдерживающие факторы с учётом степени проявления.

5. Целевые комплексные программы.

Целевые программы являются основным средством реализации государственной политики муниципального образования, воздействия на производственные, экономические и социальные процессы в пределах полномочий органов власти местного уровня. Целевые программы являются средством регулирования и управления стратегиями социального, научно-технического и экономического развития, способом аккумуляции ресурсов для решения неотложных, первоочередных проблем.

Базовыми принципами разработки программ в рамках стратегии социально-экономического развития в современных условиях являются [1, 79]:

- комплексность и синхронность целей и задач программы на каждом этапе её реализации;
- целевая направленность и системность мероприятий программы;
- вариантная разработка мероприятий программы с учётом неопределённости (альтернативности) условий её реализации;
- ресурсная обеспеченность программы;
- адресность заданий программы;
- обеспечение управляемости программы (создание необходимых правовых, организационных, финансовых механизмов).

6. Механизм реализации целей регионального стратегического управления.

Достижение поставленных в стратегии целей социально-экономического развития возможно только при полном использовании следующих механизмов реализации:

- организационный механизм: комплекс программных, стратегических, прогнозных документов как разработанных и реализуемых в настоящее время, так и возможных документов, которые предстоит сформировать на базе стратегии социально-экономического развития при постоянном улучшении организационно-функциональной структуры управления;

- правовой механизм реализации стратегии: система нормативно-правовых актов и документов, устанавливающих юридическую реализацию стратегии и способствующих повышению своевременности и качества управленческих решений, принимаемых органами власти;

- финансовый механизм реализации стратегии: бюджет, среднесрочный финансовый план.

Использование инструментов целевого софинансирования за счёт средств вышестоящего бюджета является составляющей механизма реализации стратегии. Софинансирование осуществляется активным участием муниципального образования в реализации приоритетных национальных проектов, федеральных целевых программ, федеральной адресной инвестиционной программы при выполнении обязательств по софинансированию.

К одной из частей механизма реализации стратегии относится механизм контроля, предусматривающий оценку эффективности реализации поставленных целей и задач, проведение многоцелевого мониторинга реализации стратегии с помощью системы разработанных индикативных показателей. Стратегия должна корректироваться по мере её реализации с учётом изменения внешних условий и внутренних процессов регионального развития. При этом коррекция возможна в виде ежегодного уточнения краткосрочных и среднесрочных прогнозов, а также среднесрочных программ социально-экономического развития региона.

Коррекция стратегии путём внесения в неё необходимых поправок и дополнений осуществляется по мере необходимости, но не реже одного раза в 4-5 лет. Учёт общественного мнения и информирование в средствах массовой информации, в том числе и на сайте администрации о ходе реализации стратегии, решениях и действиях органов исполнительной и законодательной властей, изменениях нормативной правовой базы, результатах мониторинга реализации стратегии и осуществлении корректировок целей, задач, мер, целевых ориентиров являются необходимыми действиями по реализации стратегии.

Основным документом, конкретизирующим механизмы реализации стратегии, является план мероприятий по её реализации, включающий комплекс действий, обеспечивающих достижение на каждом этапе целей социально-экономического развития муниципального образования, указанных в стратегии.

В план мероприятий рекомендуется включать такие, которые формируют следующие механизмы и инструменты регулирования развития:

- 1) нормативно-правовые;
- 2) организационные;
- 3) институциональные;
- 4) технологические;
- 5) экономические;
- 6) информационно-маркетинговые.

Примерный план мероприятий по реализации стратегии представлен в табл. 1.

Таблица 1

Примерный план мероприятий по реализации стратегии
социально-экономического развития муниципального образования

Этап реализации	Наименование задачи, мероприятия, ключевого события	Показатель и его целевое значение, ожидаемый результат реализации мероприятия, ключевого события	Источник финансового/ресурсного обеспечения	Срок реализации (мероприятия, ключевого события) (квартал года)	Ответственный исполнитель (орган местного самоуправления, муниципальные организации и другие участники)
I этап (20__ г. – 20__ г.)	1. Задача				
	1.1 Мероприятие			__ кв. 20__ г.	

Продолжение таблицы 1

Этап реализации	Наименование задачи, мероприятия, ключевого события	Показатель и его целевое значение, ожидаемый результат реализации мероприятия, ключевого события	Источник финансового/ресурсного обеспечения	Срок реализации (мероприятия, ключевого события) (квартал года)	Ответственный исполнитель (орган местного самоуправления, муниципальные организации и другие участники)
	1.1.1 Ключевое событие			___ кв. 20__ г.	
	1.1.2 Ключевое событие			___ кв. 20__ г.	
II этап (20__ г. – 20__ г.)					

Таким образом, становление системы стратегического планирования на уровне муниципальных образований свидетельствует о коренных изменениях в подходах к роли местного уровня в решении социально-экономических проблем. Сегодня муниципальный уровень является объектом стратегического планирования с возможностью разработки и реализации планов социально-экономического развития. Основой методологии стратегического планирования на местном уровне является позиционирование муниципального образования как самостоятельной социально-экономической единицы, обладающей предпосылками к поступательному развитию на основе собственного потенциала, конкурентных возможностей, сотрудничества с другими локальными образованиями, стремлением к межмуниципальному равновесию и муниципальной кластеризации. В стратегии социально-экономического развития муниципального образования должны органично материализоваться интересы всех заинтересованных участников: населения, власти, бизнеса. Взаимодействие и учёт их интересов – залог эффективного управления социально-экономическим развитием на местах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видяпин, В. И. Региональная экономика: учебник / В. И. Видяпин, М. В. Степанов. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 666 с.
2. Кудаева, И. Д. Социально-экономический потенциал муниципального образования как фактор управления стратегией его развития / И. Д. Кудаева // Экономика и управление: проблемы и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; под общей ред. Е. В. Королюк. – 2015. – С. 92-94.
3. Приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 (ред. от 07.09.2018) «Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по её реализации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/.
4. Shekhovtseva, L. S. Strategic goal-setting of the region as a subject of development / L. S. Shekhovtseva // Regional economy: theory and practice. – 2008. – № 19(76).

Ларченко Ю. Г., Евсейчик А. А., Туркенич Д. А.
Yu. G. Larchenko, A. A. Evseychik, D. A. Turkenich

**ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ОБЪЁМА
ТОВАРООБОРОТА РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

**ECONOMIC AND MATHEMATICAL METHOD FOR PREDICTING THE TOTAL VOLUME
OF RETAIL TRADE OF Khabarovsk Territory**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Ms. Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Service and Trade, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Евсейчик Александр Александрович – студент магистратуры 2-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: evseichik@yandex.ru.

Mr. Alexander A. Evseychik – master's degree student major in trade business, Faculty of Economics and Management, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: evseichik@yandex.ru.

Туркенич Денис Андреевич – студент магистратуры 2-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: sliff@list.ru.

Mr. Denis A. Turkenich – master's degree student major in trade business, Faculty of Economics and Management, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: sliff@list.ru.

Аннотация. В статье рассматривается методика прогнозирования товарооборота розничной торговли Хабаровского края.

Summary. The article discusses the methodology for forecasting the retail trade turnover of the Khabarovsk Territory.

Ключевые слова: прогнозирование, методика планирования, розничный товарооборот, товарооборот розничной торговли.

Key words: forecasting, planning methods, retail turnover, retail trade turnover.

УДК 658.1(075)

Торговля является одной из важнейших отраслей народного хозяйства любой страны, так как устанавливает взаимосвязь процесса производства и потребления товаров, обеспечивает потребителей продукцией промышленности и сельского хозяйства. Торговля влияет на объём и структуру производства товаров, стимулирует установление оптимального соотношения «цена-качество» при выпуске товаров в соответствии со спросом населения.

Торговля тесно связана с финансовой системой страны. В процессе товарно-денежного обмена формируется основа для пополнения бюджетов разных уровней в виде налоговых поступлений.

Как отрасль экономики, участвующая в совокупности с другими отраслями народного хозяйства в формировании валового внутреннего продукта, а следовательно, и госбюджета, она требует систематического мониторинга и прогнозирования тенденций её развития.

В этой связи прогнозирование товарооборота торговли любой территории является актуальной и практически значимой задачей. Особо значимо прогнозирование товарооборота розничной торговли муниципальных образований края. При этом под товарооборотом розничной торговли понимается объём проданных населению товаров через один канал реализации – розничную торговлю [1].

В процессе прогнозирования товарооборота розничной торговли возникает проблема выбора и обоснования соответствующего метода планирования. В экономической научной литературе выделяют два основных подхода к прогнозированию данного показателя в краткосрочной перспективе – опытно-статистический метод и методы экономико-математического моделирования.

В соответствии с опытно-статистическим методом прогнозный объём товарооборота определяется как произведение фактического значения данного показателя (за текущий год) и его планового темпа роста (прироста). При этом плановый темп роста рассчитывается на основе ретроспективного анализа динамики объёма розничного товарооборота за предыдущие три – пять лет по формуле нахождения средней арифметической величины. Данный метод имеет существенное ограничение: он не позволяет определить влияние конкретного фактора (группы факторов) на динамику исследуемого показателя. Для этого следует использовать метод экономико-математического моделирования [3].

Как экономическая категория товарооборот розничной торговли – это комплексный показатель, на который оказывает влияние большое количество внутренних и внешних факторов. Метод корреляционно-регрессионного анализа позволяет оценить влияние одного и более факторов – внутренних и внешних – на общий объём товарооборота розничной торговли в плановом периоде. В зависимости от числа факторов выделяют парную и множественную (многofакторную) регрессию. При парной регрессии наблюдается зависимость результативного показателя от одного фактора. Множественная (многofакторная) регрессия показывает зависимость результативного показателя от двух и более факторов. Характер зависимости между результативным показателем (функцией) и факторами (переменными) может быть линейным или нелинейным. На практике в большинстве случаев принимается линейный характер зависимости между функцией и переменными. В случае парной/множественной регрессии зависимость между результативным показателем и одним фактором/рядом факторов выражается линейным уравнением [2]:

$$y = a_0 + a_1x_1$$

или

(1)

$$y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_nx_n,$$

где y – объём товарооборота розничной торговли, р.; x_1, x_2, \dots, x_n – факторы 1, 2, ... n (независимые переменные); $a_0, a_1, a_2, \dots, a_n$ – параметры модели; n – число факторов, включаемых в модель.

В статье нами был проведён анализ зависимости общего объёма товарооборота розничной торговли Хабаровского края от трёх факторов: денежных доходов и расходов населения на покупку товаров и оплату услуг, количества безработных за 2008–2017 год (см. табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1

Данные о динамике товарооборота розничной торговли Хабаровского края [4]

Год	Товарооборот розничной торговли, млн. р.	Денежные доходы, млн. р.	Денежные расходы на покупку товаров и оплату услуг, млн. р.	Количество безработных, тыс. чел.
2008	110977,3	273751,0	173010,7	21745
2009	128533,2	294326,3	199847,6	29960
2010	144975	355379,3	226732,0	27341
2011	167132,3	408624,6	268466,4	21697
2012	184692,2	413778,3	300449,8	16758
2013	210413,5	472820,4	341411,8	13809
2014	239263	509450,6	382333,6	10893
2015	271562	587288,7	420372,9	9409
2016	291098,4	599641,9	451449,1	8631
2017	307592,8	601777,0	479014,5	7200

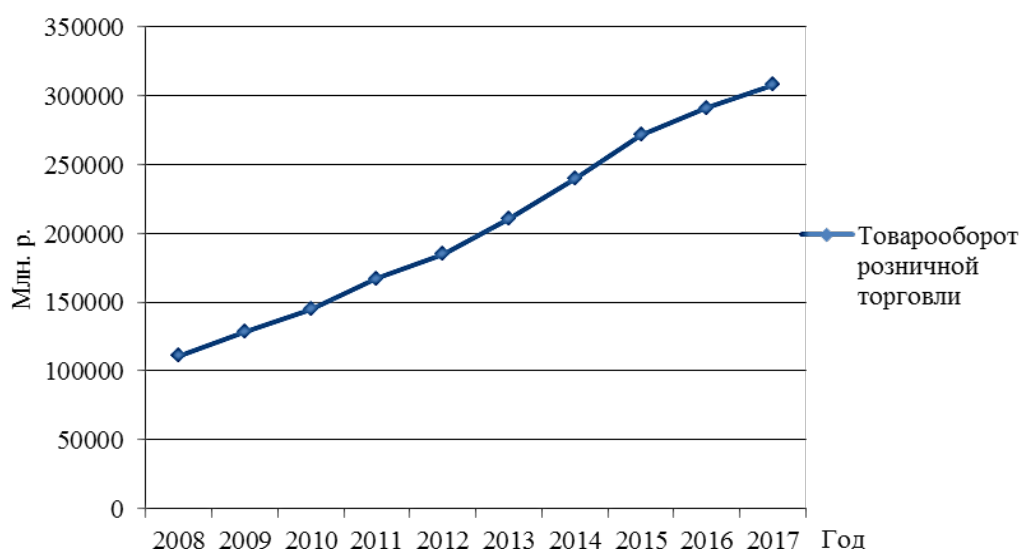

Рис. 1 Динамика оборота розничной торговли Хабаровского края в 2008–2017 гг.

Из рис. 1 видно, что в анализируемый период времени наблюдается положительная динамика изменения товарооборота розничной торговли. За период с 2008 по 2017 год средний темп роста данного показателя составил 1,12, который согласно выдвинутой гипотезе обусловлен ростом денежных доходов, а также увеличением расходов населения на покупку товаров. Для проверки гипотезы с помощью команды «Анализ данных» в Microsoft Excel проведём корреляционно-регрессионный анализ, результаты которого представлены в табл. 2.

Полученное уравнение множественной регрессии имеет следующий вид:

$$y = 0,01904101x_1 + 0,65374279x_2 + 0,42665146x_3 - 22135,08. \quad (2)$$

Уравнение характеризуется высокой степенью достоверности, о чём свидетельствует коэффициент детерминации, близкий к единице, а также процент отклонения расчётных значений товарооборота от фактических величин показателя (см. табл. 3).

Таким образом, данное уравнение множественной регрессии может использоваться на практике для прогнозирования общего объёма товарооборота розничной торговли в зависимости от плановых величин факторов: денежных доходов и расходов населения на покупку товаров и оплату услуг, количества безработных.

Таблица 2

Регрессионная статистика

Показатель		Значение		
Множественный R		0,998497135		
R-квадрат		0,996996529		
Нормированный R-квадрат		0,995494793		
Стандартная ошибка		4677,4		
Наблюдения		10		
Дисперсионный анализ				
-	df	SS	MS	F
Регрессия	3	43573626007	14524542002	663,9
Остаток	6	131266383,3	21877730,6	-
Итого	9	43704892391	-	-
-	Коэффициенты		Стандартная ошибка	
Y-пересечение	-22135,08		22540,44	
Переменная X 1	0,01904101		0,09423072	
Переменная X 2	0,65374279		0,11514309	
Переменная X 3	0,42665146		0,52881508	

Таблица 3

Величина остатков

Год	Фактическое значение, млн. р.	Прогнозное значение, млн. р.	Остаток	
			млн. р.	%
2008	110977,3	105459,4	5517,9	5,23
2009	128533,2	126900,6	1632,6	1,29
2010	144975,0	144521,2	453,8	0,31
2011	167132,3	170410,5	-3278,2	-1,92
2012	184692,2	189310,4	-4618,2	-2,44
2013	210413,5	215955,0	-5541,5	-2,57
2014	239263,0	242160,7	-2897,7	-1,20
2015	271562,0	267877,6	3684,4	1,38
2016	291098,4	288096,7	3001,7	1,04
2017	307592,8	305547,5	2045,3	0,67

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларченко, Ю. Г. Методы планирования общего объема товарооборота розничной торговли Хабаровского края / Ю. Г. Ларченко, М. С. Кеняйкина, О. В. Кирюхина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № I-2(17). – С. 97.
2. Ларченко, Ю. Г. Экономика предприятия (компьютерный практикум): учеб. пособие / Ю. Г. Ларченко. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. – 156 с.
3. Механизм управления хозяйственной деятельностью коммерческих предприятий (практикум): учеб. пособие / Ю. Г. Ларченко, И. В. Солнышкина. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КНАГТУ», 2016. – 87 с.
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://habstat.gks.ru>.

Синецкая А. А., Кизиль Е. В.
A. A. Sinetskaya, E. V. Kizil'

МОТИВАЦИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

MOTIVATION OF EMPLOYEES OF RAILWAY TRANSPORT

Синецкая Алина Александровна – бакалавр направления «Техносферная безопасность» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); студентка магистратуры направления 38.04.01 «Экономика» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (924) 319-86-56. E-mail: Sinechkaya_alina@mail.ru.

Ms. Alina A. Sinetskaya – bachelor of «Technosphere safety» direction of far Eastern State transport University (Russia, Khabarovsk); student of the magistracy of the direction 38.04.01 «Economy» of Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (924) 319-86-56. E-mail: Sinechkaya_alina@mail.ru.

Кизиль Елена Витальевна – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: +7 (914) 179-42-20. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Ms. Elena V. Kizil' – PhD in economic sciences, Professor of the Department Economics, Finance and accounting, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: +7 (914) 179-42-20. E-mail: kizil_ev@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются состав, структура и система мотивации, значимость материального и нематериального стимулирования работников железнодорожного предприятия.

Summary. The article considers the composition, structure and system of motivation, the importance of material and non-material incentives for employees of the railway enterprise.

Ключевые слова: мотивация, мотивация труда, управление персоналом, материальное и нематериальное стимулирование, готовность к труду, ОАО «РЖД».

Key words: motivation, labor motivation, personnel management, material and non-material incentives, willingness to work, JSC «Russian Railways».

УДК: 331

Железные дороги Российской Федерации являются связующим звеном между огромным количеством финансово-экономических субъектов, тем самым гарантируя надёжную и своевременную поставку ресурсов и сбалансировано-стабильную работу большинства предприятий. На сегодняшний день ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») – это предприятие, содержащее в собственном активе более 85 тыс. км. железнодорожных путей, свыше 43 тыс. км. электрифицированных направлений. Доля железнодорожной транспортной системы России в грузообороте страны составляет 42,3 %, в пассажирообороте – 32,7 %.

Сложившаяся система мотивации труда на предприятии имеет особенности.

1. Производительность труда и заработная плата.

Коэффициент производительности труда в ОАО «РЖД» показывает позитивную динамику. В январе – сентябре 2018 г. эффективность труда возросла на 6,2 % (к аналогичному периоду 2017 года). Среднемесячная заработная плата сотрудников, занимающихся железнодорожными транспортировками, в январе – сентябре 2018 г. составила 55 471 р. (+10,9 % к аналогичному периоду 2017 года, +19,3 % к аналогичному периоду 2016-го). Согласно результатам 2018 года компания

определяет проблему, которая решается гарантированным увеличением производительности труда на уровне 5 %. Данный показатель планируется достигнуть рациональной организацией труда, поддержанием среднесписочной численности работников в соответствии с объёмом выполненных работ, проведением координационно-организационных и технико-технологических мероприятий [4].

2. Система материальной мотивации на предприятии.

По данным статистики, в 2018 году в компании работало 1 275 700 чел. Формирование концепции общей системы мотивации труда затруднено из-за большого штата сотрудников с различным уровнем доходов и общественно-социальных убеждений. Система мотивации в ОАО «РЖД» должна учитывать характерные черты железнодорожного транспорта: размах, масштабность, непрерывность научно-технического и производственно-технологического процессов, массовость и территориальную разрозненность филиалов компании, использование автоматизированных систем управления, высокую динамику перевозочного процесса, большое количество различных видов деятельности, обеспечение мер технической безопасности движения и т. д. [1, 384].

Основополагающие принципы социального партнёрства в ОАО «РЖД» гарантируют сотрудникам устойчивую работу, внутреннее и внешнее урегулирование общественных и индивидуально-личных трудовых споров. Сотрудники компании обладают двумя социальными пакетами, один из которых обеспечивает государство.

Положения основного социального пакета (на основе законодательства РФ) [2]:

- индексация зарплаты работников;
- предоставление дополнительного отпуска сотрудникам, задействованным на работах с вредными или опасными условиями труда;
- ежегодный отпуск (согласно трудовому кодексу РФ);
- профессиональная переподготовка и подготовка кадров;
- форменная одежда.

Положения дополнительного социального пакета:

- медицинское обслуживание в специализированных больницах и поликлиниках ОАО «РЖД»;
- частичное возмещение затрат на участие и занятия в спортивных секциях, классах, высших учебных заведениях;
- субсидии работникам, получившим высшее образование с помощью кредита, данного компанией на образовательные цели.

Помимо основных положений, социальный пакет содержит немало положений о пособиях и основан на едином подходе к решению жилищных проблем сотрудников. Концепция жилищной политики РЖД направлена на решение следующих приоритетных задач:

- предоставление квартир сотрудникам;
- оказание помощи в оплате ипотечных кредитов;
- предоставление безвозмездных субсидий работникам.

В сфере материальной мотивации труда сотрудников существуют проблемы, требующие особого внимания. Главнейшая из них – недовольство сотрудников размером своей заработной платы. Один из факторов недовольства – твёрдая убеждённость руководящего состава в том, что увеличение заработной платы не должно превосходить и опережать рост производительности труда.

Ещё одна проблема заключается в низкой результативности премирования и существенном разрыве в заработной плате сотрудников. Для рационального решения проблемы необходимо регулярно преобразовывать и реформировать систему мотивации труда.

3. Нематериальная система мотивации.

Невозможно управлять штатом сотрудников с численностью свыше миллиона чел., основываясь только на заработной плате и различного рода выплатах. Из-за огромных масштабов компании общая корпоративная культура в ОАО «РЖД» не сформировалась несмотря на функционирование во всех отделениях (филиалах) компании корпоративного телевидения.

Охрана труда тоже считается одним из основных направлений работы компании, нацеленной на нематериальную мотивацию работников. Работа на железнодорожном транспорте обуслов-

лена несколькими факторами, оказывающими отрицательное влияние на здоровье человека: напряжённостью труда, шумом, вибрацией, недостаточной освещённостью, химическими условиями. В этой связи в аппарате компании создано специальное управление охраной труда, промышленной безопасностью и экологическим контролем, а на железных дорогах – соответствующие службы.

Выделим пункты, которые предприятие реализует в рамках этой программы [3]:

- 1) улучшение условий труда на местах;
- 2) обеспечение работников современным оборудованием и средствами защиты;
- 3) сокращение производственного травматизма;
- 4) снижение уровня заболеваемости, связанного с работой на железных дорогах.

Таким образом, в системе ОАО «РЖД» формируется и развивается концепция обновлённой системы мотивации сотрудников. Несмотря на основательную проработку отдельных компонентов, её эффективность сегодня чрезвычайно низка. Это происходит из-за внутренних, скрытых проблем, главной из которых является отсутствие обратной связи. Во всех отделениях и департаментах прослеживается субъективизм в оценке сотрудников, не всегда ощущается комфортная морально-нравственная атмосфера в коллективах, наблюдается незаинтересованность сотрудников в результативности труда. Решение этой проблемы заключается в дальнейшей разработке комплекса взвешенных мер по развитию системы мотивации и стимулирования труда работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов, С. О. Учёт движения денежных средств в процессе финансирования структурных подразделений ОАО «РЖД» / С. О. Ачкасов // Молодой учёный. – 2014. – № 3. – С. 373-377.
2. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учеб. пособие / Г. Н. Гогина, Е. В. Никифорова, С. Л. Шиянова [и др.]. – М.: ГИОРД, 2010. – 192 с.
3. Калинина, А. П. Комплексный экономический анализ предприятия / А. П. Калинина, И. И. Мазурова. – СПб.: Питер, 2011. – 256 с.
4. Пресс-центр «Российские железные дороги»: производительность труда в ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://press.rzd.ru>.

Ларченко Ю. Г., Бирюков Е. С.
Yu. G. Larchenko, E. S. Biryukov

ИНСТРУМЕНТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ КЛИЕНТОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

TOOLS TO ATTRACT AND RETAIN CUSTOMERS IN THE INTERNET NETWORK

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Ms. Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Service and Trade, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Бирюков Евгений Сергеевич – магистр направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Freakmass@yandex.ru.

Mr. Evgeny S. Biryukov – Master of Business Administration, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Freakmass@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается понятие электронной коммерции, основные инструменты по привлечению и удержанию целевых клиентов с учётом их характеристик и особенностей.

Summary. The article discusses the concept of e-commerce, the main tools for attracting and retaining target customers, taking into account their characteristics and features.

Ключевые слова: социальные сети, «Инстаграм», «ВКонтакте», «Телеграм», «Яндекс Директ», «Гугл Директ», форумы, интернет-торговля, продвижение товаров в социальных сетях и сфере «Интернет».

Key words: social networks, «Instagram», «Vkontakte», «Telegram», «Yandex Direkt», «Google Direct», forums, internet-trade, promotion of goods in social networks and the Internet.

УДК 339.13

В современных условиях развитие и продвижение информационных и интернет-технологий во всех отраслях экономики способствовало трансформации отношений между всеми участниками цепочки создания потребительской ценности: производителями и посредниками с одной стороны, с продавцами и конечными потребителями с другой стороны. Главной движущей силой преобразования взаимодействия участников цепи является электронная коммерция.

Обобщённо электронная коммерция – это деятельность по осуществлению коммерческих операций (покупка, продажа, сервисное обслуживание) с помощью электронных средств обмена данными.

Рассмотрим подходы некоторых авторов к раскрытию сущности данного понятия [2].

Таблица 1

Определение электронной коммерции

Автор	Определение
Л. С. Климченя	Электронная коммерция – составная часть электронного бизнеса, а электронная торговля – это частный случай электронной коммерции
О. А Кобелев	Электронная коммерция – предпринимательская деятельность по осуществлению коммерческих операций с использованием интернет-ресурсов
И. Голдовский	Электронная коммерция – это продажа товаров, при которой организация спроса на товары осуществляется через Интернет

Продолжение таблицы 1

Автор	Определение
Мэт Хэйг	Электронная коммерция – это любые формы деловых сделок, которые проводятся с помощью Интернета
И. Успенский	Электронная коммерция характеризует электронный бизнес как «любую деловую активность, использующую возможности глобальных информационных сетей для преобразования внутренних и внешних связей с целью создания прибыли»
С. В. Пирогов	Электронная коммерция – это технология совершения коммерческих операций и управлений производственными процессами с применением электронных средств обмена данными

Основными субъектами электронной коммерции являются участники и клиенты электронных систем B2B (бизнес – бизнес), B2G (бизнес – государство), B2C (бизнес – клиент), C2C (клиент – клиент), G2B (государство – бизнес), G2C (государство – клиент), C2G (клиент – государство). В настоящее время наиболее популярной формой электронной коммерции является розничная торговля в сети «Интернет» (электронная система B2C).

Розничная торговля в сети «Интернет» включает в себя:

- 1) web-витрины (электронные каталоги товаров, размещённые в сети «Интернет», и имеющие минимальные средства оформления заказа);
- 2) интернет-магазины (расширенные web-витрины, включающие полный набор операций по совершению процесса купли-продажи товаров);
- 3) торговые интернет-системы (расширенный интернет-магазин, встроенный в бизнес-процесс предприятия-производителя);
- 4) электронные торговые площадки (торговые концентраторы, e-market place);
- 5) электронные торговые склады (системы сбыта и снабжения, e-procurement).

Преимущества торговли через сеть «Интернет»:

1. Экономится время клиентов на процессах выбора товара и совершения покупки. В интернет-магазине весь торговый процесс структурирован и регламентирован, что обеспечивает клиентам возможность совершения акта купли-продажи товаров с минимальными трудовыми затратами.

2. Большой ассортиментный перечень товаров и информативность. В интернет-магазине содержится описание основных характеристик товаров, дополнительная информация: производитель, рейтинг, отзывы и статьи о продукции.

3. Экономия на затратах. Затраты на персонал значительно ниже, чем в традиционном методе торговли.

Развитие розничной торговли в сети «Интернет» невозможно без использования соответствующих инструментов по привлечению и удержанию клиентов.

Инструменты для привлечения покупателей:

1) контекстная реклама, позволяющая отслеживать поисковые запросы клиента. Это эффективный и быстрый способ формирования целевой аудитории. Среди самых крупных систем контекстной рекламы выделяют «Яндекс Директ» и Google. AdWords;

2) поисковый трафик, получаемый сайтом за счёт нахождения его в поисковых системах по заданным пользователями ключевым словам;

3) социальные сети, с помощью которых привлекается большое количество пользователей посредством тематического общения в группах, создания аудио- и видеохранилищ и др.

4) CPA-, CPC-сети (сервисы), позволяющие создавать рекламные объявления, размещать их на любых площадках и оплачивать указанные действия: клик по объявлению, выполнение целевого действия);

5) дорвеи (отдельные рекламные блоки на сайтах, визуально привлекающие внимание и собирающие трафик в виде кликнувших на них посетителей и перенаправляющие его (трафик) на указанный веб-мастером источник);

б) реклама на целевых и тематических форумах.
Реклама на форумах делится на три вида:

а) баннерная (владелец интернет-магазина может разместить баннер на главной странице форума или в разделах тем);

б) аренда тематической темы (арендуется коммерческая ветка, в которой продавец может выкладывать товар для дальнейшей продажи, а клиенты могут оставлять свои отзывы);

в) рассылка сообщений пользователям (администрация форума может предложить владельцам интернет-магазинов рассылку по личным сообщениям).

7) вирусная реклама. Главным распространителем рекламной информации оказываются сами «получатели информации». За счёт необычной идеи, содержания, формы рекламы клиенты распространяют понравившуюся рекламу посредством Интернета, СМИ и т. д.

Выделяют 4 инструмента удержания покупателей интернет-магазинов:

1) контент: ежедневная рассылка полезных советов, ответы на вопросы, обзор новинок и форумы.

2) выстраивание отношений: сбор максимально полной информации о клиенте, индивидуализация клиентских запросов, организация обратной связи с клиентом, поздравления и подарки, бонусы и скидки за лояльность.

3) регулярность в коммуникациях: систематическая электронная интернет-переписка с клиентом.

4) сервис: простота оформления и отслеживания периода выполнения заказа, скорость обслуживания и реагирования на жалобы и предложения, возможность быстрого и бесплатного возврата товаров [1].

Сравнительная характеристика интернет-рекламы по охвату целевой аудитории и стоимости перехода показана в табл. 2.

Таблица 2

Виды интернет-рекламы

Критерий	Реклама
Стоимость + охват	Контекстная реклама и поисковый трафик позволяют формировать поисковые запросы клиента, что обеспечивает ориентацию на целевую аудиторию Контекстная реклама платная, а поисковый трафик бесплатный
Низкая и фиксированная стоимость + высокий охват	В социальных сетях есть два метода рекламы: а) тематические площадки: рекламодатель приобретает рекламу напрямую у владельца площадки б) таргетированная реклама: позволяет произвести сбор целевой аудитории, что обеспечивает ориентацию на целевую аудиторию
Средняя стоимость + средний охват	СРА-, СРС-сети: площадки, где рекламодатель размещает работу для веб-мастеров; оплата осуществляется за действия (оформление заказа или регистрацию)
Средняя стоимость + средний охват	Реклама на целевых и тематических форумах Рекламодатель может приобрести баннер и создать тематическую ветку, где посетители смогут оставлять комментарии, что положительно скажется на развитии магазина
Высокая стоимость + высокий охват	Вирусная реклама: главным распространителем рекламной информации являются сами «получатели информации»

В заключение отметим, что по объектам рынка основными видами интернет-рекламы являются: реклама в социальных сетях, поисковый трафик, реклама на форумах. Следовательно, продавцы продукции разных отраслей экономики в электронной коммерции ориентируются на интернет-рекламу, нацеленную на низкую – среднюю стоимость, средний – высокий охват целевой аудитории.

В качестве примера и подтверждения данного тезиса рассмотрим виды интернет-рекламы, используемой при продвижении продукции разных отраслей экономики (см. табл. 3).

Таблица 3

Интернет-реклама по объектам рынка

Отрасль	Интернет-магазин	Интернет-реклама
Автомобильная	http://www.ford.ru	Реклама в социальных сетях Реклама в видеоблогах Контекстная реклама
Текстильная	http://bfide.ru	Поисковый трафик Реклама в социальных сетях Реклама на форуме
Спортивное питание	http://Freakmass.ru	Реклама в социальных сетях Поисковый трафик Реклама на форуме

В последующих исследованиях в продолжение раскрытия актуальности поставленной задачи планируется изучение влияния отдельных инструментов удержания целевых клиентов конкретного объекта рынка, а именно спортивного питания. В качестве основных инструментов удержания будут рассмотрены акции, скидки, конкурсы и консультации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борис, У. Основные виды интернет-рекламы. SeoPult: Автоматизированная рекламная сеть [Электронный ресурс] / Борис У. – Режим доступа: <https://seopult.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Кубкина, Ю. С. Электронная коммерция: роль, понятие, направление развития [Электронный ресурс] / Ю. С. Кубкина // TERRA ECONOMICUS. – 2012. – Вып. 10, 2-2. – С. 53-55. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>, свободный. – Загл. с экрана.

Коноплева Г. И., Перельгина Е. А.
G. I. Konoplyova, E. A. Perelygina

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ МАЛОГО БИЗНЕСА

ON FORMING SMALL BUSINESS PERSONNEL POLICY

Коноплева Галина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: konoplyova59@mail.ru.

Ms Galina I. Konoplyova – PhD in Economics, associate professor, management, marketing and public administration department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenina str. E-mail: konoplyova59@mail.ru.

Перельгина Елена Александровна – студентка кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Bysinka.14.03.89@mail.ru.

Ms Elena A. Perelygina – a student, management, marketing and public administration department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenina str. E-mail: Bysinka.14.03.89@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема кадровой политики Ванинского района на примере предприятий малого и среднего бизнеса. Особое внимание уделено демографической ситуации Ванинского района, рассматриваются динамика субъектов малого бизнеса, востребованные на сегодняшний день рабочие места. Обосновывается утверждение о малом бизнесе, обеспечивающем экономический рост региона и наполняемость местного бюджета.

Summary. This article deals with the problem of personnel policy of Vanino district on the example of small and medium-sized business. Special attention is paid to the demographic situation of the Vanino district, the dynamics of small business, and jobs in demand today. The idea that small business provides economic growth of the region, and enlarges local budget is proved.

Ключевые слова: кадровая политика, малый бизнес, демографическая ситуация, количественная и качественная потребность, знания и навыки, предприниматель, субъекты малого бизнеса.

Key words: personnel policy, small business, demographic situation, quantitative and qualitative need, knowledge and skills, entrepreneur, small business entities.

УДК 338.2

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что в Ванинском районе в последнее время наблюдается тенденция оттока людей в другие регионы страны, увеличивается количество безработных несмотря на нужду района в компетентных, грамотных кадрах.

Демографическая проблема Ванинского района требует первостепенного решения. Это обусловлено расположением на территории данного района крупных организаций: ОАО «Ванинский морской торговый порт», ООО «Трансбункер – Ванино», ЗАО «Дальтрансуголь», ООО СП «Аркаим», ЗАО «ВаниноТрансУголь». Естественно, должен возрастать спрос на использование количественной и качественной потребности в персонале. В связи с этим возникает вопрос: как грамотно сформировать кадровую политику района, максимально привлечь и задействовать в производственный процесс кадровый ресурс?

Уровень занятости населения определяет макроэкономический показатель, характеризующий социальную политику, дающий возможность оценить экономическую и демографическую составляющие района. Уровень занятости следует рассматривать как

показатель эффективности использования кадровых ресурсов, его производственного потенциала, направленного на изменение сложившейся ситуации на рассматриваемой территории.

Первым направлением кадровой политики является анализ рынка труда, который определяет систему отношений занятости, его экономическую функцию. Рассмотрим данное направление на примере Ванинского района. Численность населения Ванинского муниципального района на сегодняшний день составляет 33 917 человек.

Динамика снижения численности населения представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика снижения численности населения Ванинского муниципального района

Статистические данные	На 31 декабря 2013 г.	На 31 декабря 2014 г.	На 31 декабря 2015 г.	На 31 декабря 2016 г.	На 31 декабря 2017 г.
Всего по району, тыс. чел.	36,1	35,3	34,9	34,3	33,9
город, тыс. чел.	25,9	25,3	24,9	24,6	24,4
село, тыс. чел.	10,2	10,1	9,9	9,7	9,5

Наряду с естественным движением населения в качестве главного источника его формирования выступает миграция, показывающая фактор перераспределения ресурсов. Наблюдается рост миграционного потока в связи со сменой места жительства, природно-климатическими условиями.

Самыми востребованными и актуальными на рынке труда остаются рабочие профессии (по оценкам экспертов 67 %). Спрос на рабочие места вызван строительством нового терминала по перевалке угля.

В табл. 2 представлен перечень наиболее востребованных профессий по Ванинскому району.

Таблица 2

Краткий перечень наиболее востребованных профессий в Ванинском районе

Рабочая профессия	Количество рабочих профессий
Электромеханик	14
Диспетчер	8
Стивидор	14
Докер	82
Электромонтёр по обслуживанию оборудования	24
Механизатор	23
Электрогазосварщик	17
Слесарь	11
Оператор загрузочной и разгрузочной установки	8
Бульдозерист	12
Бетонщик	7
Монтажник по монтажу стальных и железобетонных конструкций	9
Машинист автогрейдера	4
Крановщик	5
Машинист технологических насосов	6

С целью удержания и привлечения кадров организации предусматривают разработку новых программ, в связи с чем предприниматели стремятся приобрести знания и навыки в области управления собственным бизнесом. В Ванинском районе наблюдается тенденция к обучению предпринимательскому делу и управлению персоналом. За последний год прошло обучение более 50 предпринимателей. Благодаря полученным знаниям, предприниматель может ставить перед собой стратегические цели, принимать управленческие решения, уметь мотивировать персонал на достижение конечного результата и гибко адаптироваться к окружающим изменениям внешней среды.

Обучение явилось стартовой площадкой к открытию собственного дела. Замечен рост количества субъектов малого бизнеса: в 2017 году зарегистрировано 1050 предпринимателей по Ванинскому району.

На рис. 1 и 2 представлена структура субъектов малого бизнеса и их количество.

Рис. 1. Структура субъектов МСП

Из рис. 1 видно, что бóльшая часть в структуре малого и среднего бизнеса приходится на индивидуальных предпринимателей (63,3 %). На рис. 2 прослеживается динамика увеличения количества как индивидуальных предпринимателей, так и предприятий малого бизнеса.

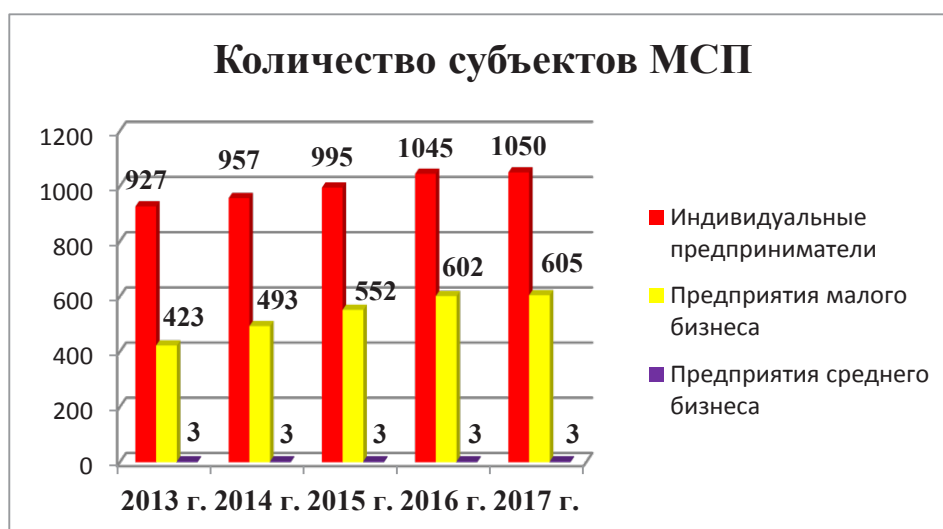

Рис. 2. Количество субъектов МСП в Ванинском районе в период с 2013 по 2017 год

В Ванинском районе с 2013 по 2017 год произошёл рост количества субъектов малого бизнеса – открыли своё дело 123 предпринимателя. Наибольший процент (25 %) приходится на торговую сферу деятельности, что связано с ростом спроса покупателей на товар. На сегодняшний день состояние потребительского рынка можно характеризовать как стабильное.

Численность работников в малом и среднем бизнесе имеет положительную тенденцию. Ежегодно наблюдается увеличение количества трудоспособного населения (см. рис. 3).

Рис. 3. Численность работников в малом и среднем бизнесе в период с 2013 по 2017 год

Открытие малого бизнеса позволяет Ванинскому району обеспечить стабильное функционирование района и решить при этом ряд проблем:

- предоставление рабочих мест, что ведёт к сокращению количеству безработных граждан;
- обеспечение наполняемости местного бюджета;
- укрепление экономической базы региона;
- снижение расходов государства на трудоустройство граждан.

В заключение отметим, что малый бизнес призван решать задачи социального и экономического развития района, способствовать привлечению новых компетентных кадров, сохранению и развитию кадрового потенциала, созданию конкурентоспособного персонала, позволяющего добиваться поставленных целей. Именно кадры являются ресурсом, обеспечивающим прибыльность и эффективность предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова, Р. Г. Государственные программы развития малого и среднего предпринимательства в России / Р. Г. Герасимова. – М.: Олимп-бизнес, 2017. – 210 с.
2. Ликучева, Л. И. Управление персоналом: учеб. пособие / Л. И. Ликучева. – М.: Омега-Л, 2014. – 264 с.
3. Одегов, Ю. Г. Управление персоналом / Ю. Г. Одегов, П. В. Журавлев // Финстатинформ. – 2013. – № 2. – С. 33-38.
4. Плотницкая, М. Р. Понятие «персонал» в контексте управления человеческими ресурсами / М. Р. Плотницкая // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2013. № 1(21). – С. 56-62.
5. Управление персоналом: теория и практика. Система управления персоналом: учеб.-практ. пособие / под ред. А. Я. Кибанова. – М.: Проспект, 2016. – 290 с.